

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Ноябрь 2021 Том 20 № 4

Специальная тема номера:
ИСТОРИЯ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 20 № 4 NOVEMBER 2021

Special Theme of the Issue:
HISTORY OF PEOPLES AND REGIONS OF RUSSIA

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-4

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 26.11.2021. Выход в свет 30.11.2021. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1133. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands (M.Kemper@uva.nl)*

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, St. Catharines, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Irena Vladimirsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor K.V. Zenkin

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Амстердам, Голландия (M.Kemper@uva.nl)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацьшен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Сент-Катаринс, Канада*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

HISTORY OF PEOPLES AND REGIONS OF RUSSIA

- Shaidurov, V.N., and Veremenko, V.A.** Swedish baron G.M. Sprengtporten in Russian service, 1786–1809 480
- Migranova, E.V.** Alcohol abuse and the fight against it in Ufa Province in the late 19th and early 20th centuries 493
- Goncharov, Yu.M., and Tishkina, K.A.** Repatriation of Polish refugees of World War I: the case of the Altai province 508
- Tsvetkov, V.Zh.** Projects of the south of Russia's government on the development of urban self-government in the White Crimea, October – November 1920 517
- Kasatochkin, D.R.** Jewish national units among the troops of Ataman G.M. Semyonov in the Transbaikal, 1919–1920 531
- Tryakhov, I.S.** The sentiments of the population in Vladimir Region during the Great Patriotic War 543
- Zhadan, A.V.** Activities of the NKVD of the Far East in the fight against crime in the second half of 1945 555
- Zorin, V.Yu., and Kamenskikh, M.S.** The Nenets Autonomous Okrug in the system of Russian federalism: an ethno-sociological investigation 568

ARTICLES

- Cabides-Padullo, Charie Ann.** The experience of intercultural communication between Russian refugees and Filipinos on Tubabao Island, 1948–1951 579
- Bogolyubov, E.A.** The transfer of state functions in the field of physical culture and sports to public organizations in the 1960s 588

BOOK REVIEWS

- Arslanov, R.A.** Review of *Russian orientalism: Asia in the Russian mind from Peter the Great to the emigration*, by David Schimmelpenninck van der Oye. Translated by P.S. Bavina. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2019. 287 p. 600
- Ivleva, M.L.** Review of *Moscow's evolution as a political space: from Yuri Dolgorukiy to Sergei Sobyenin*, by Marina Glaser, and Ivan Krivushin. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. 158 p. 609

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ

- Шайдуrow В.Н., Веремeнко В.А.** Русская служба шведского барона Г.М. Спренгг-портена, 1786–1809 гг. 480
- Мигранова Э.В.** Алкоголизация населения Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. 493
- Goncharov Yu.M., Tishkina K.A.** Repatriation of Polish refugees of World War I: the case of the Altai province 508
- Цветков В.Ж.** Проекты Правительства Юга России о развитии городского самоуправления в белом Крыму, октябрь – ноябрь 1920 г. 517
- Касаточкин Д.Р.** Еврейские воинские формирования в войсках атамана Г.М. Семенова в Забайкалье в 1919–1920 гг. 531
- Тряхов И.С.** Настроения тылового населения Владимирского края в годы Великой Отечественной войны 543
- Жадан А.В.** Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью во второй половине 1945 г. 555
- Зорин В.Ю., Каменских М.С.** Ненецкий автономный округ в системе российского федерализма: по материалам этносоциологического исследования 568

СТАТЬИ

- Cabides-Padullo Charie Ann.** The experience of intercultural communication between Russian refugees and Filipinos on Tubabao Island, 1948–1951 579
- Боголюбов Е.А.** Передача государственных функций в сфере физической культуры и спорта общественным организациям в 1960-е гг. 588

РЕЦЕНЗИИ

- Арсланов Р.А.** Рецензия на книгу: *Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П.С. Бавина. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 287 с. 600
- Ивлева М.Л.** Рецензия на книгу: *Glaser M., Krivushin I.* Moscow's Evolution as a Political Space: From Yuri Dolgorukiy to Sergei Sobyenin. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. 158 p. 609

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-480-492>

Научная статья / Research article

Русская служба шведского барона Г.М. Спренгтпортена, 1786–1809 гг.

Владимир Николаевич Шайдуров ^a ,
Валентина Александровна Веременко ^b

^{a,b} Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия

 s-w-n@mail.ru

Аннотация: Граф, генерал от инфантерии Г.М. Спренгтпортен (1740–1819 гг.) является одним из наименее известных исторических деятелей последней четверти XVIII – начала XIX в. Будучи шведским подданным, он вынашивал планы по превращению Финляндии в независимое государство. В середине 1780-х гг. он увидел в лице Екатерины II потенциального союзника, который мог осуществить его идеи. Приняв приглашение поступить на русскую службу, Спренгтпортен так и не стал «своим» как при Высочайшем Дворе, так и в русской армии. Не отметившись сколь бы значимыми военными подвигами во время войн конца XVIII – начала XIX в., он отличился на дипломатическом и законотворческом поприще. Важным событием явилась его миссия в Европу (1800–1801 гг.), итогом которой стало возвращение в Россию более 6 тыс. русских пленных. Разработанный им проект «Положения об учреждении главного управления в Новой Финляндии» с некоторыми изменениями императора Александра I стал краеугольным камнем финляндской автономии в составе Российской империи на протяжении последующего столетия. Заняв на непродолжительное время пост генерал-губернатора, он был связующим звеном между Финляндией и Россией. Научная новизна статьи заключается в комплексном представлении русской службы Г.М. Спренгтпортена. Статья написана на основе опубликованных источников, а также документов из нескольких центральных архивов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Спренгтпортен Георг Магнус, автономия Финляндии, Российская империя, Павел I, Александр I, русско-финские отношения

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена по проекту «Густав III – Спренгтпортен – Екатерина II» в рамках ППС 2014–2020 «Россия – Юго-Восточная Финляндия» при финансовой поддержке Европейского Союза, Финляндии и Российской Федерации.

Для цитирования: Шайдуров В.Н., Веременко В.А. Русская служба шведского барона Г.М. Спренгтпортена, 1786–1809 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 480–492. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-480-492>

Swedish baron G.M. Sprengtporten in Russian service, 1786–1809

Vladimir N. Shaidurov ^a , Valentina A. Veremenko ^b

^{a,b} Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

 s-w-n@mail.ru

Abstract: General of the Infantry Count G.M. Sprengtporten (1740–1819) is one of the less known historical figures of the last quarter of the 18th and of the early 19th century. As a Swedish citizen, he hatched plans to turn Finland into an independent state. In the mid-1780s he saw in Catherine II

a potential ally who could implement his ideas. After accepting the invitation to enter Russian service, Sprengtporten did not blend either in the Highest Court or in the Russian army. Not having shown any significant military feats during the wars of the late 18th and early 19th centuries, he distinguished himself in the diplomatic and lawmaking field. An important event was his mission to Europe (1800–1801), which resulted in the return of more than six thousand Russian prisoners to Russia. The draft “Regulations on the Establishment of the Main Administration in New Finland”, developed by Sprengtporten with some changes made by Emperor Aleksander I, became the cornerstone of Finnish autonomy within the Russian Empire over the next century. Occupying for a short time the post of Governor General, he became a link between Finland and Russia. The scientific novelty of the article lies in the comprehensive presentation of the Russian service of G.M. Sprengtporten. The article is written on the basis of published sources and unpublished documents from some central archives, which are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Sprengtporten Georg Magnus, Finland autonomy, Russian Empire, Paul I, Aleksander I, Russo-Finnish relations

Acknowledgements and Funding: The reported study was funded by European Union, the Russian Federation and the Republic of Finland, CBC 2014–2020 South-East Finland – Russia, project “Gustav III – Sprengtporten – Catherina II.”

For citation: Shaidurov, V.N., and Veremenko, V.A. “Swedish baron G.M. Sprengtporten in Russian service, 1786–1809.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 480–492. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-480-492>

Введение

Русско-шведские отношения XVII – начала XIX в. способствовали появлению личностей, которые сыграли заметную роль в истории Северо-Запада. Начав свою деятельность со службы Шведской Короне, они по разным причинам оказывались на русской службе. Зачастую движимые чувством мести, в новом отечестве они всячески пропагандировали идеи вооруженного столкновения Швеции и России. В начале XVIII в. таковым оказался Иоганн Рейнгольд фон Паткуль (ок. 1660–1707), перешедший на службу к Петру I. В конце того же столетия возникла близкая ему по духу и сути фигура Георга Магнуса Спренгтпортена¹ (1740 (1741) – 1819), который предложил свою шпагу Екатерине II. Жизнь и деятельность последнего известна лишь узкому кругу специалистов. Некоторые страницы его биографии до сих пор получают неоднозначную характеристику российских и финляндских историков, что во многом связано с недостаточной источниковой базой.

В центре внимания авторов статьи – история деятельности графа Г.М. Спренгтпортена на русской службе в течение 1786–1809 гг. В силу обстоятельств он заявил о себе на военном, дипломатическом, законотворческом, административном поприще. О деятельности Спренгтпортена можно судить по сохранившимся архивным и некоторым опубликованным документам. Так, в работе были использованы различного рода исторические источники, извлеченные из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива. Документы Кабинета правящего монарха позволили определить размеры денежных выплат, которые Спренгтпортен получал на протяжении всего периода русской службы. Особое значение имеет комплекс документов, датированный 1800–1801 гг. и относящийся к периоду дипломатической миссии в Европе. Он содержит переписку с российскими и иностранными государственными деятелями, с которыми генералу приходилось контактировать. Не менее важными являются материалы, связанные с формированием колонн русских пленных и возвращением их на родину. Делопроизводственная документация, состоящая из переписки высших государственных деятелей Рос-

¹ В документах конца XVIII – начала XIX в. можно встретить несколько вариантов написания фамилии на русском языке: Спренгтпортен, Шпренгтпортен, Шпренпорт.

сийской империи и представителей русской администрации в Новой Финляндии, дает возможность охарактеризовать деятельность Спренгтпортена на посту генерал-губернатора Финляндии. Проведенная работа в архивохранилищах позволяет сделать вывод о том, что выявлены далеко не все документы, позволяющие дать всеобъемлющую характеристику жизни и деятельности Спренгтпортена в России. Отчасти этот пробел закрывают опубликованные источники. Среди них следует обратить внимание на Камер-фурьерские церемониальные журналы второй половины 1780–1810-х гг., которые позволяют охарактеризовать степень участия Спренгтпортена в придворной жизни и его близости к правящему монарху. Некоторые сведения содержатся в изданных в «Сборнике Русского исторического общества» «Бумагах императрицы Екатерины II, хранящихся в Государственном архиве Министерства иностранных дел», и воспоминаниях, например, статс-секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого и шефа жандармов, Главного начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии графа А.Х. Бенкендорфа. Использование широкого круга источников позволяет получить объективную картину исторического прошлого.

В историографии Г.М. Спренгтпортен получил разные характеристики. В революционный период автором одного из биографических очерков стал К.Ф. Ордин. Скрупулезное изучение документов, знание литературы дало ему возможность написать интересные с исторической точки зрения работы. Заслугой Ордина стало введение в оборот архивных документов и рукописей Спренгтпортена. В целом он дал последнему нелицеприятную характеристику: «увлекающийся и малодушный, не смотря на свои годы»² персонаж, для которого была характерна «хитрость... и умение носить раз надетую маску»³. Вся его служба России, по мнению Ордина, характеризовалась суетливостью, энергичностью и «свокорыстной деятельностью»⁴. Будучи для Спренгтпортена уже третьим отечеством, Россия, по его мнению, получила «не услугу, а существенный вред»⁵.

Другим автором стал академик Я.К. Грот, перу которого принадлежит очерк «Спренгтпортен, шведский эмигрант при Екатерине II», опубликованный первоначально в «Журнале Министерства народного просвещения» (1885), а затем и авторском сборнике (1885). Данное произведение является вольным пересказом трудов финских авторов – представителей финноманов, которые во второй трети XIX в. обращались к некоторым аспектам исторического прошлого Финляндии, останавливаясь и на личности Спренгтпортена.

В 1912 г. в свет вышла работа польского историка и публициста К. Валишевского «Сын Великой Екатерины. Павел I», на страницах которой неоднократно появляется Г.М. Спренгтпортен. Мы не будем вдаваться в анализ научной ценности данного произведения, выделив из него лишь авторское отношение к генералу в период царствования императора Павла I. Вполне красноречиво следующее утверждение публициста: «Обладая полномочиями, недостаточно ясно выраженными, он произвольно расширял их пределы. В таинственных выражениях он многозначительно давал понять, что держит в своих руках не только судьбы России и Франции, но и целой Европы»⁶.

В советской историографии Спренгтпортен упоминался преимущественно в контексте международных отношений и присоединения Финляндии к Российской

² Ордин К.Ф. Спренгтпортен, герой Финляндии // Русский архив. 1887. Вып. 4. С. 497.

³ Там же. С. 484.

⁴ Там же. С. 501.

⁵ Там же. С. 502.

⁶ Валишевский К. Сын Великой Екатерины. М., 2005. Кн. 3. С. 36.

империи. В большинстве работ он характеризуется как один из лидеров «антишведского и русофильского движения в Финляндии»⁷.

Современные российские историки высказывают противоположные оценки деятельности Спренгтпортена на русской службе. Так, В.В. Рогинский считает его одним из теоретиков грандиозного проекта перекройки карты североевропейского региона, в ходе реализации первой части которого «Финляндия была присоединена к Российской империи как автономное Великое княжество»⁸, ибо в 1780-е гг. в некоторых своих рукописях он развивал идею отторжения Финляндии от Швеции. В переходный период (1808–1809 гг.) автор рассматривает Спренгтпортена как некое связующее звено между русской властью и финляндским обществом⁹.

Л.А. Пекшева, рассматривая деятельность М.М. Сперанского в создании системы управления вновь приобретенными территориями, называет именно Спренгтпортена автором проекта управления Новой Финляндией¹⁰, хотя формально для его написания работал особый комитет, в который также входили А.А. Аракчеев и Б.Ф. Кнорринг.

В трудах финских историков со второй трети XIX в. продолжается дискуссия о месте и роли Спренгтпортена в истории Финляндии. Так, Георг Форсман (он же Ирjö Коскинен) одним из первых превратил его в «истинного героя нации»¹¹. Его оппонентом стал Карл Тигерстедт, по мнению которого Спренгтпортенем двигали отнюдь не высокие мотивы, а оскорбленное самолюбие. Все действия по отторжению Финляндии от Шведской Короны расцениваются автором как банальная месть.

Подводя итог краткому историографическому обзору, можно сделать вывод о том, что в имеющихся работах служба Спренгтпортена в России рассматривается эпизодически в контексте конкретных исторических событий. Зачастую основной акцент делается на его личных качествах. Исходя из этого главная дискуссия по-прежнему базируется на категориях «герой» или «предатель».

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что отсутствует целостное представление о месте и роли графа Г.М. Спренгтпортена на службе русским монархам в 1786–1809 гг. Решение этой проблемы является основной целью данной исследовательской работы. Ее успешное достижение предполагает на основе широкого круга исторических источников, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот, выработку объективной оценки различных сторон деятельности Спренгтпортена: законотворческой, административной, военной, дипломатической и т. д.

Спренгтпортен и его служба при Екатерине II (1786–1796 гг.)

К 1786 г. Спренгтпортен обладал богатым военным опытом. Будучи выпускником Стокгольмского военного корпуса, он принимал участие в Семилетней войне. Командование в 1770-х гг. Саволакской бригадой позволило ему приобрести административный опыт, ведь он отвечал не только за боеспособность соединения, но и повседневную жизнь его солдат и офицеров, взаимоотношения с местной администрацией и населением. В Карелии перед ним стояла серьезная задача: укрепить провинцию на случай войны с Россией. Уже в это время проявилось в полной мере его способность к убеждению. Он «умел убедить жителей, что думает только о их

⁷ *Кяйвяряйнен И.И.* Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965. С. 26.

⁸ *Рогинский В.В.* Международные отношения на Севере Европы в конце наполеоновских войн, 1807–1815 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С. 337.

⁹ Там же. С. 339.

¹⁰ *Пекшева Л.А.* Деятельность М.М. Сперанского в сфере местного управления. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. С. 68.

¹¹ См., напр.: *Грот Я.К.* Спренгтпортен, шведский эмигрант при Екатерине II. 1885 // Труды Я.К. Грота. СПб., 1901. Т. 4. С. 380.

пользе, и они беспрекословно его слушались»¹². Это качество он будет в дальнейшем постоянно использовать.

Вероятно, в начале 1780-х гг. Г.М. Спренгтпортен занялся написанием различных проектов, в центре которых находилась его родная Финляндия. В 1785 г. он начал постепенное сближение с российским послом в Гааге Степаном Алексеевичем Колычёвым. В одном из своих писем шведский барон изложил послу разработанный план по достижению независимости Финляндии при помощи России. Диссидентская деятельность Спренгтпортена была в это время на руку Санкт-Петербургу. И уже в 1786 г. ему пришлось сделать непростой выбор «между шведским “просвещенным абсолютизмом” Густава III и российским “просвещенным абсолютизмом” Екатерины II»¹³.

Службу Спренгтпортена Екатерине II (1786–1796 гг.) нельзя назвать слишком успешной. Получив звание полковника, он стал камергером Высочайшего Двора в сентябре 1786 г.¹⁴ Сам Спренгтпортен в формулярном списке от 1818 г. не упоминает факт того, что в русскую службу он вступил именно в звании полковника, указывая качестве первого чина в русской армии генерал-майорство. Но производство в генералы состоялось лишь 21 октября 1786 г. Вступив в русскую службу, Спренгтпортен перестал быть иностранцем, могущим рассчитывать на преференции при Дворе. Его место было определено теперь Табелью о рангах и старшинством при производстве в чин. Именно этот факт во многом объясняет, почему мы крайне редко можем видеть его среди приглашенных на праздничные обеды, о чем свидетельствует Камер-фурьерский журнал за 1787 г.¹⁵

Казалось, начавшаяся русско-шведская война (1788–1790 гг.) должна была выдвинуть Спренгтпортена на первый план. Однако, как отмечали впоследствии специалисты, практические советы «знатока Финляндии» лишь мешали достижению поставленной цели. Для самого барона война оказалась крайне неудачной. За участие в войне против Швеции Абский гефгерит (окружной суд) приговорил его к смертной казни, и приговор был утвержден королем Густавом III. Сам он получил ранение, о тяжести которого приходится лишь догадываться. Правда, Екатерина II в рескрипте от 8 апреля 1790 г. князю Г.А. Потемкину отметила, что барон получил настолько тяжелые раны, что «сам ... не в силах служить на предстоящую кампанию»¹⁶. При этом он позаботился о дальнейшей судьбе сына, имевшего на тот момент уже чин капитана русской армии, которого перевели на турецкий театр военных действий.

Вероятно, несостоявшаяся Аньяльская конфедерация во главе со Спренгтпорте-ном мешала Екатерине II завершить войну с северным соседом. Присутствие в Санкт-Петербурге личного врага шведского короля, а тем более его участие в переговорах было недопустимо. Для нейтрализации барону был пожалован орден Св. Анны первой степени¹⁷ и предоставлен отпуск для лечения на «Бережских водах»¹⁸.

В сложившейся ситуации Спренгтпортен посчитал себя оскорбленным недоверием императрицы, которой он написал два письма. Первое письмо из Аахена

¹² Грот Я.К. Спренгтпортен, шведский эмигрант... С. 383.

¹³ Ланко Д.А. Модернизация в окружении: случай Финляндии.: первая половина XIX в. СПб., 2019. Ч. I. С. 9.

¹⁴ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1786 года. Дополнения. СПб., 1886. С. 114.

¹⁵ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. Дополнения. СПб., 1886.

¹⁶ Подписанный Екатериной II рескрипт князю Потемкину о принятии на службу к нему сына генерал-майора барона Спренгтпортена // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1885. Т. 42. С. 74.

¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 104.

¹⁸ Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. М., 1862. С. 228.

датировано 10 мая 1791 г. и упоминается в «Памятных записках» А.В. Храповицкого. В нем речь шла о невыплате положенного жалования через придворного банкира Ричарда Сутерладна. В новом письме через два месяца Спренгтпортен просил уволить его из армии, но с производством в следующий чин и выплатой пенсионера. Это вызвало неудовольствие со стороны императрицы, о чем свидетельствует ее письмо кабинет-секретарю П.И. Турчанинову:

«Петр Иванович. Вторичное письмо Спренгтпортена о увольнении его прилагаю. Во-первых, генерал-поручичьяго чина я не даю при отставке никому. Второе, выправься о нынешнем его содержании. Третье, что он от меня получил? И потом доложи мне скорее, завтра, или в субботу»¹⁹.

Отставка была недолгой и носила формальный характер. Об этом свидетельствует факт выплаты Спренгтпортену в течение последующих лет жалования с учетом рационов, денщиков и штаба в размере почти 4,5 тыс. руб. Нахождение его за границей заставило Кабинет индексировать выплату «с дополнением курса рубля»²⁰.

С 1 января 1795 г. началось старшинство барона Спренгтпортена в звании генерал-поручика²¹. Его служба не была связана с действующей армией и носила «кабинетный» характер. К тому же она оказалась краткосрочной. Как писал сам Спренгтпортен, «чувствуя себя слабым к отправлению действительной службы ... просил вторично позволения отправиться к водам»²². Находясь за границей, он продолжал получать пенсионеры. Кроме того, русская казна покрывала и долги «отставного» генерала. Сам он упомянул, что был оплачен его долг голландскому барону Гоппе в размере 5 тыс. франков²³.

Таким образом, переход на русскую службу не оправдал надежд Спренгтпортена. Участие в русско-шведской войне окончательно привязало его к России. Не имея широких связей при Дворе, он стал одним из многих иностранцев, числившихся в русской армии. Вместе с тем, даже во время многолетнего «лечения» на водах, он продолжал свою «службу» и получал значительное жалование.

Спренгтпортен и его миссия в Европе

С первых месяцев пребывания в Санкт-Петербурге Спренгтпортен поддерживал контакты с Великим Князем Павлом Петровичем и его супругой Великой Княгиней Марией Федоровной.

Вступивший на престол Павел I немедленно начал наводить в армии свои порядки. Возвращение в Россию ознаменовалось для барона пожалованием в полные генералы 31 марта 1798 г. Он не без удовольствия отмечал, что ему «было отдано все следующее со дня отставки»²⁴. Несомненно, это позволило несколько улучшить его материальное положение. Уже с сентября того же года он появляется на званных обедах в узком кругу²⁵. Но все же Спренгтпортен не стал их завсегдатаем, принимая участие лишь в наиболее значимых мероприятиях. Например, 22 июля 1799 г. он был приглашен на обед по случаю тезоименитства императрицы Марии Федоровны²⁶.

¹⁹ Собственноручное письмо Екатерины II к Турчанинову об увольнении из русской службы Спренгтпортена (июль 1791 г.) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1885. Т. 42. С. 192.

²⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 468. Оп. 1. Д. 3909. Л. 31.

²¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1885. Т. 42. С. 192.

²² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 105.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 105 об.

²⁵ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1798 года. Июль – декабрь. СПб., 1897. С. 1135.

²⁶ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1799 года. Июль – декабрь. СПб., 1897. С. 1079.

Павел I использовал барона там, где он мог проявить себя, как казалось императору, в лучшей степени. В начале 1799 г. ему было поручено осмотреть пограничные укрепления в русской Финляндии. Спренгтпортен намеревался принять участие в военном походе в Италию. Однако неудачное падение и перелом руки во время инспекционной поездки помешали ему осуществить это намерение.

До конца лета 1800 г. Спренгтпортен вел привычный для него образ жизни. Но «по выздоровлении был призван Его Величеством в Гатчину и оставался при нем до получения повеления отправиться во Францию»²⁷. Его присутствие на «вечерних кушаньях» вместе с членами императорской фамилии и наиболее близких Павлу I лиц фиксируется Камер-фурьерским журналом за июль – декабрь 1800 г.²⁸ Вероятно, 25 сентября 1800 г., уже получив распоряжение провести переговоры с Первым консулом Французской Республики Наполеоном Бонапартом о возврате русских пленных, захваченных в Италии и на о. Корфу, он последний раз встретился с императором.

Находясь в Европе, Спренгтпортен вступил в активную переписку с представителями Франции, о чем свидетельствуют документы его личного архива²⁹. Среди них были генерал Анри-Жак-Гийом Кларк (будущий маршал Франции и Военный министр Франции)³⁰, Министр иностранных дел Франции Жан Морис де Талейран-Перигор³¹: следовало достичь приемлемых условий для содержания пленных. Другая проблема – логистическая, связанная с разработкой маршрута движения солдат и офицеров на родину и необходимостью договориться с немецкими княжествами об их проходе и обеспечении провиантом. Для этого Спренгтпортен вступил в переписку, например, с вюртембергский посланником во Франции бароном Норманом³² и премьер-министром Пруссии Кристианом фон Хаугвицем³³. Ту или иную поддержку он получал от русских посланников при европейских дворах. Наибольшую помощь оказал служивший в Берлине видный русский дипломат барон Алексей Иванович Криденер.

Во время пребывания в Европе Спренгтпортен сблизился с майором М.Ф. Ставицким 2-м (1778–1841), принявшим на себя значительную часть канцелярской работы. В частности, Ставицкий отвечал за подготовку соглашений с германскими курфюрстами, через чьи земли должны были пройти русские солдаты.

В то время как Спренгтпортен находился в Берлине, Ставицкий совершал постоянные поездки по Германии. Современники отмечали здешнюю дороговизну жизни, а потому «местные командировки» требовали существенных расходов. Например, для ведения дел в Лейпциге в ноябре 1800 г. было выдано из казенных сумм 25 червонцев только на оплату прогонов «за четырех лошадей мне [Спренгтпортену – прим. авт.] и майору Ставицкому»³⁴.

Согласно разработанному в марте 1801 г. плану пять колонн численностью 1300 солдат каждая должны были прибыть в г. Наумбург на саксонской границе к 23 апреля/5 мая. К этому времени следовало решить все вопросы, связанные с обеспечением военных колонн продовольствием, офицеров квартирами. Несмотря на очень короткий срок, Ставицкому в целом удалось решить поставленную перед

²⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 105 об.

²⁸ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1800 года. Июль – декабрь. СПб., 1898. С. 219, 228, 234, 248, 254, 265, 268, 273, 276, 278, 282, 286, 289, 292, 300, 303, 306, 309, 313, 315.

²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 319.

³⁰ Там же. Д. 320. Л. 4–6.

³¹ Там же. Л. 63–85.

³² Там же. Л. 91–93.

³³ Там же. Л. 101–102.

³⁴ Там же. Д. 321. Л. 18.

ним задачу. Так, 11 мая 1801 г. он парафировал подобное соглашение с представителями Саксонии³⁵. В Дрездене его подписал Спренгтпортен. Через неделю аналогичное соглашение было подписано с Пруссией³⁶.

Результатом кропотливой деятельности явилось возвращение 6732 чел., включая 154 офицера³⁷. На это была потрачена значительная сумма. Впоследствии Спренгтпортену пришлось привести немало аргументов в пользу обоснованности трат порядка 200 тыс. руб.

О своих действиях Спренгтпортен регулярно докладывал Павлу I. На начальном этапе дипломатической миссии император всячески благоволил своему протекже. Это проявилось, например, в пожаловании ему знаков ордена Св. Иоанна Иерусалимского³⁸. Еще будучи в столице, Спренгтпортен получил от Павла I распоряжение от 27 сентября 1800 г. о назначении его шефом мушкетерского полка³⁹, а 10 октября «мушкетерскому барона Спренгтпортена полку» с рескриптом были отправлены знамена⁴⁰.

Однако барон очень быстро растратил «кредит доверия», ведя в Европе разгульный образ жизни. Будучи противником показной роскоши и мотовства, Павел I крайне отрицательно отнесся к тем балам, которые его представитель давал в европейских городах. На смену милости приходит неудовольствие. Это проявилось в изменении характера и содержания переписки. На свою последнюю депешу Спренгтпортен получил ответ не от императора, как это было ранее, а от вице-канцлера Ф.В. Ростопчина. Правда, некоторые исследователи приписывают ее авторство С.А. Колычёву⁴¹. В лаконичной записке ему недвусмысленно было указано на то, что «ничем другим, кроме выдачи пленных» он заниматься не должен, а по выполнении миссии следовало вернуться в Россию⁴².

В миссии Спренгтпортена крайне интересен еще один сюжет, связанный с Мальтой. Занятая французами, она должна была отойти к России. Сам барон отмечал, что именно ему следовало не только сформировать, но и возглавить гарнизон Ла-Валетты. Однако англичане оказались более расторопными и заняли остров.

В целом Спренгтпортену удалось выполнить возложенную на него императором Павлом I миссию, и русские пленные вернулись на родину. Однако в ее выполнении он сыграл в большей степени представительскую роль, ведя разгульный образ жизни за счет российской казны, тогда как всю рутинную работу выполнили другие.

Служба генерала Спренгтпортена при Александре I (1801–1809 гг.)

Смерть Павла I спасла Спренгтпортена от опалы. Вступивший на престол Александр I высоко оценил дипломатические успехи Егора Максимовича, пожаловав ему летом 1801 г. орден Александра Невского⁴³.

На рубеже XVIII–XIX в. в Российской империи была активизирована работа Картографического депо по составлению новых карт и описанию внутренних и приграничных районов. Из наиболее заметных фигур следует выделить одного из учре-

³⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 320. Л. 65.

³⁶ Там же. Л. 66.

³⁷ Ордин К.Ф. Спренгтпортен, герой Финляндии. С. 498.

³⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 103 об.

³⁹ Там же. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 319. Ч. 9. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 14.

⁴¹ Файбисович В. Русская карьера генерала Спренгтпортена // Наше наследие. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7107.php> (дата обращения: 28.04.2021).

⁴² Ордин К.Ф. Спренгтпортен, герой Финляндии. С. 498.

⁴³ РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 31. Л. 62 об. – 63.

дителей Российского Императорского Минералогического общества Лоренца фон Панснера, который провел колоссальную работу по тригонометрической съемке в Санкт-Петербургской, Московской, Новгородской губерниях, а к середине 1810-х гг. завершил работу по составлению карты Колывано-Воскресенского горного округа и части Центральной Азии⁴⁴.

В 1802 г. Спренгтпортен возглавил экспедицию для военно-стратегического осмотра пограничных городов и крепостей Российской империи. Поездка предполагала сбор общей информации, но не проведение топографических и картографических работ. Ее характер во многом определил и состав экспедиции: генерала сопровождали флигель-адъютант А.Х. Бенкендорф, майор М.Ф. Ставицкий, художник Е.М. Корнеев. В этой экспедиции не было случайных людей. Бенкендорф выступал в качестве удобного связующего звена с Санкт-Петербургом. Ставицкий положительно зарекомендовал себя во время совместной миссии в Европе. Корнеев же являлся на тот момент одним из наиболее талантливых молодых русских художников и в экспедицию он был включен как пенсионер Императорской Академии Художеств.

Зачастую эта поездка именуется не иначе как «секретная экспедиция», но таковой она не являлась. В феврале 1802 г. генерал-адъютант Ливен разослал гражданским губернаторам, через чьи губернии пролегал маршрут, распоряжение «оказывать [им] ...во всех случаях всевозможное пособие»⁴⁵. Этим же актом следовало сообщать в столицу о деятельности участников миссии. Губернаторы сообщали о пребывании Спренгтпортена и его спутников во всех подробностях. Так, Костромской губернатор невольно подтвердил факт болезни Бенкендорфа⁴⁶, который тот позднее описал в своих мемуарах⁴⁷. Это событие заставило их задержаться в Костроме. Нижегородский губернатор известил столичные власти о том, что в течение скоротечного «пребывания их здесь господин барон Шпренгпортен в первый день осматривал местоположение города, а на другой день заведение Приказа общественного призрения как то больницу, богадельню и народное училище, а 15 числа [15 апреля. – прим. авт.] по утру отправился рекой же Волгой в Казань»⁴⁸.

В своих мемуарах А.Х. Бенкендорф подробно описал те места в Сибири, которые они посетили. География разездов впечатляет. Крайней точкой на юге Западной Сибири стали крепости Сибирской казачьей линии – Семипалатинская и Усть-Каменогорская. Дальнейший маршрут проходил через главные сибирские города: Томск, Красноярск, Иркутск. Крайней восточной точкой экспедиции стала приграничная Кяхта – единственный легальный центр русско-китайской торговли.

Летом 1803 г. Спренгтпортен вернулся в Центральную Россию, откуда направился к Царицыну, на Кавказ, в Малороссию, далее в Крым, Турцию и на о. Корфу, находившийся с 1802 г. под протекторатом России⁴⁹.

Исходя из имеющихся материалов, можно сделать следующие выводы. Как и в прежние годы, Спренгтпортен во время миссии выполнял представительские

⁴⁴ См., напр.: *Stokraskaya L., Heide G., Heide B., Benkert T., Talowina I., Schajdurow V. Lorenz von Pansner. Vom Schustersohn zum russisch en kaiserischen Staatsrat // Forscher – und Erfindergeist aus Arnstadt. Erfurt, Sutton Verlag GmbH, 2017. P. 32–40.*

⁴⁵ РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 24. Л. 2.

⁴⁶ Там же. Л. 10.

⁴⁷ *Бенкендорф А.Х. Мое путешествие на край ночи и к границам Китая (1802–1803 гг.) // Наше наследие. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7106.php> (дата обращения: 28.04.2021).*

⁴⁸ РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 24. Л. 8.

⁴⁹ *Сидорова М.В. Экспедиция генерала Спренгтпортена по пределам Российской империи, как она описана в мемуарах графа А.Х. Бенкендорфа: Новооткрытые мемуары графа Бенкендорфа как исторический источник // Наше наследие. 2004. № 71. С. 54–59. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7105.php> (дата обращения: 20.03.2021).*

функции. Основную работу по сбору информации провели Ставицкий и Бенкендорф. Последний представлял ее в Санкт-Петербург в своих отчетах, которые пока, к сожалению, выявить не удалось. Главный успех миссии был связан с творческой деятельностью Е.М. Корнеева, сделавшего многочисленные городские, пейзажные, этнографические наброски. В 1812–1813 гг. обработанные материалы были изданы в Париже К. Рехбергом и стали первым альбомом по этнографии России⁵⁰.

После окончания экспедиции генерал снова вернулся к «финскому вопросу»: в 1805 г. предоставил на рассмотрение Александра I записки о положении дел в Польше и Финляндии с предложением в последней восстановить автономию в составе Российской империи.

В годы русско-шведской войны 1808–1809 гг. Спренгтпортен ограничился ролью советника при генерале от инфантерии Ф.Ф. Буксгевдене, с которым у него возникли разногласия в вопросе будущего устройства Финляндии. Если взгляды Ф.Ф. Буксгевдена находились под влиянием системы государственного управления в Прибалтийских губерниях⁵¹, то Спренгтпортен намеревался сделать Финляндию самостоятельным государством, хотя бы в составе Российской империи.

Одним из краеугольных камней финляндской внутренней автономии в составе Российской империи стало «Положение об учреждении главного управления в Новой Финляндии». В исторической литературе встречаются разные трактовки авторства этого документа. Одни приписывают его исключительно Спренгтпортену⁵², другие же отмечают участие в его редактировании военного министра А.А. Аракчеева и генерала Б. фон Кнорринга⁵³. Барон Спренгтпортен предложил стройную систему управления Финляндией с ее подконтрольностью российским министрам и Комитету Министров в целом. Но император Александр I высказался за подотчетность Финляндского генерал-губернатора непосредственно перед императором.

В ноябре 1808 г. Александр I назначил Спренгтпортена первым генерал-губернатором Финляндии. Краткий период генерал-губернаторства (до июня 1809 г.) был крайне тяжелым. Еще не закончилась война. Местное население сталкивалось со множеством проблем. В этих условиях проявилась неготовность престарелого руководителя решать повседневные проблемы населения новых провинций. Будучи ответственным за продовольственное обеспечение и санитарно-эпидемиологическое состояние вверенной ему в управление территории, Спренгтпортен в неблагоприятных условиях по сути самоустранился от решения насущных вопросов, переложив эту задачу на плечи других чиновников.

В феврале 1809 г. генерал-губернатору докладывали о неблагоприятной ситуации в некоторых приходах⁵⁴. Местные аптеки не имели медикаментов и необходимого медицинского оборудования, чтобы бороться с наступающей эпидемией. К решению проблемы подключился государственный секретарь и докладчик финляндских дел М.М. Сперанский. При его посредничестве было получено распоряжение Министра внутренних дел князя А.Б. Куракина о выделении необходимых аптечных материалов Главным аптечным магазином в Санкт-Петербурге на сумму в более 5 тыс. руб.⁵⁵ Подготовленные материалы приказано было отдать «тому, кто бу-

⁵⁰ *Rechberg Ch. de. Les peuples de la Russie ou description des moeurs, ...des diverses nations de l'empire de Russie.* Paris, 1812–1813.

⁵¹ Ланко Д.А. Модернизация в окружении... С. 13.

⁵² Пекшева Л.А. Деятельность М.М. Сперанского... С. 68.

⁵³ Сунд Л.В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск, 2013. С. 18.

⁵⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р8091. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Л. 7.

дет прислан от генерала Шпренгтпортена»⁵⁶. Но до сентября 1809 г. лекарства, которые «с такой настоятельностью требовал» бывший генерал-губернатор, так и не были отправлены в Финляндию, т. к. в Санкт-Петербург не был отправлен чиновник с соответствующим поручением. Свое недоумение по этому поводу Куракин высказал в письме Сперанскому от 19 сентября 1809 г.⁵⁷. К сожалению, наладить работу медицинской службы в этот период не удалось. Неоднократно же высказанные Спренгтпортеком требования обеспечить население провинций, страдающее «заразительными болезнями», медикаментами и медицинским оборудованием⁵⁸, в течение нескольких месяцев не могло быть использовано, так как в начале генерал-губернатор никак не мог дать «сведения куда, какие и сколько потребно припасов»⁵⁹, а затем «за оными... не явился приемщик»⁶⁰.

В условиях продолжающейся войны продовольственный вопрос был одним из самых насущных. От оперативности его решения во многом зависела лояльность финнов по отношению к новой власти. Эта задача легла на плечи новоявленного генерал-губернатора. Но вместо того, чтобы для снабжения дешевым хлебом «бедных обывателей» закупать его в наименее пострадавших от войны провинциях самой Финляндии, Спренгтпортен намеревался осуществлять поставки водным путем из Тверской губернии, что, с одной стороны, могло негативно отразиться на снабжении хлебом столицы, а с другой – было чрезвычайно дорого⁶¹.

В этот период была обозначена еще одна проблема, которая потребовала оперативного решения: взаимоотношения муниципалитетов и верховной власти в Новой Финляндии. Все вопросы, связанные с содержанием городского хозяйства, Спренгтпортен не без оснований считал сферой деятельности магистратов. Однако отсутствие денег заставляло последние обращаться к генерал-губернатору. Но на все свои просьбы они получали предсказуемый отказ, ибо «Финляндский генерал-губернатор... почитает сие дело вовсе до него не принадлежащим»⁶². Наконец, вопрос о том, кто должен заниматься уборкой нечистот в г. Куопио был решен только после личного вмешательства императора Александра I, который распорядился «для прекращения дальнейших переписок и во отвращение могущих иногда произойти от такой неопрятности заразительные болезни, очищение означенного города принять на счет военного и гражданского ведомств»⁶³.

Неблагоприятное «наследство» досталось уже новому генерал-губернатору М.Б. Барклаю де Толли⁶⁴. Сам же Спренгтпортен при почетной отставке получил от императора Александра I титул графа Великого Княжества Финляндского и очередной пенсией⁶⁵. Тогда же ему была предоставлена «на всю жизнь аренды в Финляндии... Бостель де Лилендаль»⁶⁶.

Последние годы жизни Г.М. Спренгтпортен проводил со своей женой Варварой, которая пережила мужа почти на 30 лет.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-8091. Оп. 1. Д. 60. Л. 7.

⁵⁷ Там же. Л. 10.

⁵⁸ Там же. Д. 58. Л. 3–3 об.

⁵⁹ Там же. Д. 60. Л. 5.

⁶⁰ Там же. Л. 9.

⁶¹ Там же. Д. 62. Л. 9–12 об.

⁶² Там же. Д. 61. Л. 1.

⁶³ Там же. Л. 1–1 об.

⁶⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1809 г. Д. 131. Л. 4.

⁶⁵ Мельцин М.О. Спренгтпортеки в России: недолгая, но яркая история // Известия Русского генеалогического общества. 2012. № 24. С. 111.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 107.

Выводы

Введение в научный оборот новых исторических источников, позволило авторам создать целостное представление о месте и роли графа Г.М. Спренгтпортена на русской службе в 1786–1809-х гг., оценив его деятельность в законотворческой, военной, дипломатической, административной сферах.

Оказавшись на русской службе во второй половине 1780-х гг., Спренгтпортен не смог занять то высокое место, на которое он втайне претендовал. Чрезмерные амбиции и неудачные действия новоявленного генерал-майора во время русско-шведской войны (1788–1790 гг.) подтолкнули Екатерину II к его фактическому устранению от активной деятельности. В последние годы ее правления Спренгтпортен лишь числился в русской армии, продолжая получать жалованье из Казны и пенсион из средств Кабинета.

Не удалось Спренгтпортену заявить о себе как о выдающемся дипломате периода царствования Павла I. Несмотря на то, что главная цель порученной ему миссии была достигнута, и русские пленные численностью более 6,7 тыс. солдат, матросов и офицеров вернулись на родину, его личное участие оказалось ничтожным, а разгульный образ жизни в Европе за счет Казны лишил его благосклонности императора.

Аналогичным образом можно охарактеризовать результаты приграничной миссии Г.М. Спренгтпортена. Приезд столичного чиновника, конечно, «взбодрил» губернаторов, но никаких конкретных результатов, помимо иллюстративно-изобразительного этнографического описания отдаленных территорий, двухлетняя дорогостоящая экспедиция не оставила.

Вместе с тем, можно позитивно оценить его деятельность, направленную на превращение Финляндии в самостоятельное государство. Автономия признавалась им как необходимый шаг на пути к независимости. Его законотворческая работа в 1808 г. определила характер отношений между Великим княжеством Финляндским и Российской империей, частью которой оно являлось.

На посту генерал-губернатора Финляндии он получил уникальную возможность воплотить свои прежние проекты и планы. Однако рутинная губернаторская служба оказалась для Спренгтпортена тяжелым бременем. По сути, он самоустранился от решения насущных вопросов, связанных с повседневной жизнью Финляндии и ее населения. Будучи преимущественно теоретиком, Спренгтпортен, несмотря на имевшийся у него богатый опыт, не смог реализовать себя как практик и войти в историю Финляндии и России как успешный администратор.

Поступила в редакцию / Submitted: 07.05.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.08.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.09.2021

References

- Benkendorf, A.H. “Moe puteshestvie na kraj nochi i k granitsam Kitaia (1802–1803 gg.)” *Nashe Nasledie*, Accessed April 28, 2021, <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7106.php> (in Russian).
- Fajbisovich, V. “Russkaia kar'era generala Sprengtportena.” *Nashe Nasledie*, Accessed April 28, 2021, <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7107.php> (in Russian).
- Grot, I.K. “Sprengtporten, shvedskij immigrant pri Ekaterine II.” Vol. 4 of *Trudy*, 378–435. St. Petesburg: Kushnerev & K^o Publ., 1901 (in Russian).
- Kiaivariainen, I.I. *Mezhdunarodnye otnosheniia na severe Evropy v nachale XIX veka i prisoedinenie Finliandii k Rossii v 1809 godu*. Petrozavodsk: Karel'skoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1965 (in Russian).
- Lanko, D.A. *Modernizatsiia v okruzhenii: sluchai Finliandii. Chast' I: pervaiia polovina XIX v.* St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2019. S. 9 (in Russian).

- Mel'cin, M.O. "Sprengtporteny v Rossii: nedolgaja, no jarkajaistorija." *Izvestiia Russkogo genealogičeskogo obshhestva*, no. 24 (2012): 107–115 (in Russian).
- Ordin, K.F. "Sprengtporten, geroi Finliandii." *Russkii arkhiv*, 4 (1887): 469–502 (in Russian).
- Peksheva, L.A. *Deiatel'nost' M.M. Speranskogo v sfere mestnogo upravlenija*. PhD diss., Voronezh State Pedagogical university, 2007 (in Russian).
- Rechberg, Ch. de. *Les peuples de la Russie ou description des moeurs, ...des diverses nations de l'empire de Russie*. Paris: D. Colas, 1812–1813 (in French).
- Roginskii, V.V. *Mezhdunarodnye otnosheniia na Severe Evropy v kontse napoleonovskikh vojn, 1807–1815 gg.*: PhD diss., Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, 2002 (in Russian).
- Sidorova, M.V. "Ekspeditsiia generala Sprengtporena po predelam Rossiiskoi imperii, kak ona opisana v memuarakh grafa A.H. Benkendorfa: Novoe otkrytie memuary grafa Benkendorfa kak istoricheskii istochnik." *Nashe nasledie*, no. 71 (2004): 54–59 (in Russian).
- Stokratskaya, L., Heide, G., Heide, B., Benkert, T., Talowina, I., Schajdurow, Lorenz von Pansner, V. "Vom Schustersohn zum russischen kaiserischen Staatsrat." *Forscher- und Erfindergeist aus Arnstadt*, 32–40. Erfurt: Sutton Verlag GmbH, 2017 (in Russian).
- Suni, L.V. *Velikoe kniazhestvo Finliandskoe (pervaia polovina XIX v.). Stanovlenie avtonomii*. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU Publ., 2013 (in Russian).
- Valishevskii, K. *Syn Velikoi Ekateriny*. Book 3. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2005 (in Russian).
- Veremenko, V.A., Shaidurov, V.N., and Mel'nikova, D.A. "G.M. Sprengtporten na russkojsluzhbe: 1786–1809 gg." *Stolitsa i provintsii. Sbornik Materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, 183–188. St. Petesburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2021 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

В.Н. Шайдуров, доктор исторических наук, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10, s-w-n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

V.N. Shaidurov, Dr. Habil. Hist., Head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, 10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia. E-mail: s-w-n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

В.А. Веремenco, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10, v.a.veremenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5217-5609>

V.A. Veremenko, Dr. Habil. Hist., Head of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, 10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia, v.a.veremenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5217-5609>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-493-507>

Научная статья / Research article

Алкоголизация населения Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в.

Эльза Венеровна Мигранова

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

✉ mig.el@mail.ru

Аннотация: Комплексно изучаются вопросы и проблемы, связанные с алкоголизацией населения Уфимской губернии конца XIX – начала XX в. Исследование проведено с использованием методов статистического и сравнительно-исторического анализа. Важным источником при написании статьи явились данные, полученные при проведении анкетирования в 1913 г., а также архивные и опубликованные источники. Анкета, подготовленная Комиссией по борьбе с пьянством при Обществе охранения народного здоровья и распространенная среди крестьянского населения Уфимской губернии, включала 30 вопросов, связанных с причинами употребления алкоголя и методами борьбы с этим социальным злом. Анализ информации, содержащейся в более чем полутора тысячах анкет, позволил сделать вывод о довольно высоком уровне алкоголизации населения земледельческих деревень Уфимской губернии. Этот тезис находит подтверждение и в других источниках. Причем тлетворному воздействию алкоголя больше всего было подвергнуто русскоязычное население; в меньшей степени этот процесс затронул в тот период мусульманские, в том числе башкирские деревни. В статье раскрываются способы борьбы с пьянством со стороны государства и общественных организаций, которые включали экономические, культурно-образовательные, санитарно-гигиенические, лечебные и прочие меры, вплоть до объявления в России «сухого закона» в начале Первой мировой войны. В статье делаются выводы о причинах развития алкоголизма в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. и его последствиях, предпринимается попытка дать всестороннюю оценку данного феномена в регионе в рассматриваемое время.

Ключевые слова: социальная история, история повседневности, история питейного дела, Уфимское попечительство о народной трезвости

Для цитирования: Мигранова Э.В. Алкоголизация населения Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 493–507. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-493-507>

Alcohol abuse and the fight against it in Ufa Province in the late 19th and early 20th centuries

Elza V. Migranovа

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

✉ mig.el@mail.ru

Abstract: This article is a comprehensive study of issues and problems related to alcohol abuse among the population of Ufa province at the turn of the centuries. The study uses methods of statistical and comparative-historical analysis. An important source is a survey of 1913, next to archival and published sources. The questionnaire, prepared by the Commission for Combating Drunkenness at the Society for the Protection of Public Health, was distributed among the peasant population of the Ufa province.

© Мигранова Э.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

It included 30 questions and touched on various aspects related to alcohol consumption, the causes of drunkenness, and methods of combating this social evil. The analysis of the information contained in more than one and a half thousand questionnaires allowed us to conclude that the population of the agricultural villages of the Ufa province suffered from a fairly high level of alcoholization. This hypothesis is confirmed by other sources. Moreover, the Russian-speaking population was most affected by the harmful effects of alcohol; to a lesser extent, this process affected Muslim villages, including Bashkir villages. The article also describes activities to combat drunkenness on the part of the state and public organizations, which included economic, cultural, educational, sanitary, hygienic, medical and other measures, up to the declaration of the “prohibition law” in Russia at the beginning of World War I. The article draws conclusions about the causes of alcoholism in Ufa province in the late 19th and early 20th centuries, and attempts to give a comprehensive assessment of this phenomenon in the region at the time under consideration.

Keywords: social history, history of everyday life, history of drinking, Ufa guardianship of people’s sobriety

For citation: Migranova, E.V. “Alcohol abuse and the fight against it in Ufa Province in the late 19th and early 20th centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 493–507. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-493-507>

Введение

Данная статья посвящена комплексному изучению вопросов и проблем, связанных с алкоголизацией населения Уфимской губернии конца XIX – начала XX в. Актуальность и новизна данного исследования заключается в применении при анализе сущности данного явления наряду с историческими источниками, статистических материалов (в нашем случае информации, содержащейся в 1 тыс. 642 анкетах, собранных Комиссией по борьбе с пьянством при Обществе охранения народного здоровья среди населения Уфимской губернии). Междисциплинарный подход позволяет более точно провести ретроспективный анализ, опираясь на массовые источники и количественные методы. Успешное применение клиометрического подхода в отечественной историографии продемонстрировал в своих трудах Б.Н. Миронов, который обосновал возможность применения в исторических исследованиях социологических методов для более глубокого проникновения в сущность изучаемых процессов и явлений¹. В частности, историк использовал данный подход при анализе формирования всероссийского рынка, революции цен в России, развития российских городов и других проблем, охватывавших имперский период Европейской России.

Целью данной статьи является выявление степени алкоголизации населения Уфимской губернии конца XIX – начала XX в. и актуальных проблем, связанных с этим явлением. В числе задач, которые решаются в рамках предпринятого исследования, можно выделить анализ причин увеличения употребления крепких спиртных напитков, определение этнических, конфессиональных особенностей потребления спиртного у различных народов края, выявление мер по предупреждению и борьбе с алкоголизмом, рассмотрение деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости и т. д. В исследовании кроме статистического и количественного методов, использован также метод сравнительно-исторического анализа. Применение принципа историзма позволило рассмотреть алкогольный вопрос с точки зрения его эволюции в различных сферах жизни российского общества.

Несмотря на значительное количество работ, затрагивающих проблемы, связанные с употреблением спиртных напитков в Российской империи, процессы алкоголизации населения Уфимской губернии конца XIX – начала XX в. до настоя-

¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003; *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010 и др.

щего времени не становились предметом специального исследования, чем также обуславливается актуальность и новизна данной работы.

Основными источниками при написании статьи, как уже было отмечено, явились статистические материалы о пьянстве среди сельского населения Уфимской губернии, относящиеся к 1913 г.²; Отчеты о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости³; Систематические сводные сборники постановлений Уфимского губернского земского собрания⁴; Врачебно-санитарные хроники Уфимской губернии и города Уфы начала XX в.⁵, материалы Всероссийских съездов по борьбе с пьянством (1910 г., 1912 г.)⁶, а также архивные материалы о производстве и потреблении спиртных напитков в крае⁷. Привлечены также данные, содержащиеся в журналах заседаний Уфимского губернского по крестьянским делам присутствия: ходатайства о закрытии винных лавок; документы, связанные с антиалкогольным движением в крае, и т. д.⁸ Использование различных видов источников позволило составить представление о степени алкоголизации населения Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в., показать место алкогольного вопроса в общественном сознании, выявить взаимосвязь между борьбой с алкоголизацией населения и формированием гражданского общества в России и т. д.

Отечественная историография организации питейного дела в России в XIX – начале XX в., алкоголизации населения и борьбы с пьянством имеет богатую историю. Дореволюционные авторы, в том числе те, которые работали в Уфимской губернии, рассматривали алкогольный вопрос в связи с социально-экономическими, медицинскими и другими проблемами, анализировали причины данного явления, предлагали методы борьбы с пьянством⁹.

В современной историографии также анализируются отдельные аспекты изучаемой нами темы, включая проблемы производства и потребления алкоголя в России в XIX – начале XX в., историю традиционных напитков¹⁰.

² *Рождественский И.И.* К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне. М., 1914.

³ Отчет о деятельности Уфимского попечительства о народной трезвости за 1897 г. Уфа, 1898; Отчет... за 1907 г. Уфа, 1909. 130 с.; Отчет... за 1908 г. Уфа, 1910.

⁴ Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 1875–1909 гг. В 3 т. Уфа, 1915.

⁵ Врачебно-санитарная хроника за 1909 г. Уфа, 1909; Врачебно-санитарная хроника за 1911, 1912, 1913, 1914 гг. Уфа, 1911, 1912, 1913, 1914 и др.

⁶ Труды I Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб., 1910. Т. 1; Труды II Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом. Пг., 1914. Т. 1–2.

⁷ Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. И-1. Оп 2. Д. 161 и др.

⁸ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 99. Л. 157; Д. 101. Л. 464 и др.

⁹ *Догель И.М.* Спиртные напитки как располагающая причина к разного рода заболеванию человека. Казань, 1896; Спиртные напитки как причина сумасшествия (алкоголь и душевные расстройства). М., 1906; *Рождественский И.И.* К вопросу о пьянстве...; *Он же.* Правда об алкоголе. Уфа, 1911; *Шилов А.В.* К вопросу о способах борьбы с пьянством. М., 1911; *Суздальский А.Д.* К вопросу о влиянии алкоголизма на частоту поступлений с алкогольными психозами в психиатрические заведения в России: Дисс. ... доктора медицины. СПб., 1912 и др.

¹⁰ *Мигранова Э.В.* Алкоголь в системе ценностей башкир // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 3. С. 239–245; Хмельное и иное. Напитки народов мира / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2008; *Аксенов В.Б.* «Сухой закон» 1914 года: от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 126–139; *Акифьев А.А.* Проблемы производства и потребления водки и пива в России XIX – начала XX в. (историографический обзор) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 9–17; *Субботина А.М.* Борьба с пьянством на сельских выборах России в 1890-е гг. // Вопросы истории. 2018. № 7. С. 112–119; Напитки в культуре народов Урало-Поволжья / отв. ред. Е.В. Попова. Ижевск, 2019; *Первухина А.А.* Устройство казенных винных лавок в начале XX в. (на материалах Курганского уезда) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 169–176; *Гуансян Ч.* Политика винной монополии в России в 1894–1914 гг.: Цели и результат // Вопросы истории. 2020. № 12-2. С. 190–214 и др.

Деятельность Уфимского попечительства о народной трезвости

Пореформенный период в России характеризовался ускоренными темпами общественно-экономического и культурного развития; даже в удаленных от центра губерниях усиливались урбанизационные процессы, намечался переход к индустриализации. В Уфимской губернии эти процессы активнее стали развиваться после строительства здесь во второй половине XIX в. железной дороги. Однако в целом в этот период губерния, несмотря на то что на ее территории имелась горнозаводская промышленность, продолжала оставаться аграрной, с пестрым этническим и конфессиональным составом населения, со значительным количеством мусульман (башкир, татар).

Развитие промышленных технологий к концу XIX в. позволило наладить в России массовое производство сравнительно дешевой и качественной водки¹¹. А в результате проведенных в середине 1890-х гг. реформ, заменивших акцизную систему казенной винной монополии¹², алкоголь стал важнейшим источником государственного дохода, составив в 1913 г. почти один миллиард рублей (936 млн руб.) или более четверти (26,2 %) общего дохода государства¹³. Питейная реформа, в числе прочих задач, была призвана обеспечить страну финансами для индустриального развития.

В России, согласно статистическим данным, в 1904 г. общедушевое потребление алкоголя (без учета половозрастных признаков) составило 0,51 ведра, а в 1907 г. дошло до 0,63 ведра в год. Однако, если исключить детей, большую часть женщин, а также «магометан, евреев и сектантов», которые практически не пили, то цифры станут еще выше¹⁴, причем, количество потребленного алкоголя в городах было приблизительно в 3–4 раза больше, чем в сельской местности¹⁵.

В Уфимской губернии в 1913 г. насчитывалось 25 официальных винокуренных заводов, где ежегодно производился почти 1 млн с четвертью ведер безводного спирта. Очисткой спирта в губернии было занято 8 частных заводов, которые предоставляли в казну 846 тыс. ведер водки; функционировала 371 казенная винная лавка. Согласно данным по душевому потреблению спирта, к началу XX в. Уфимская и Оренбургская губернии находились в числе последних. Лидерами по выпитому спиртному (с превышением почти в шесть раз) являлись Петербургская и Московская губернии¹⁶. Тем не менее, это не означало, что в Уфимской и Оренбургской губерниях пили меньше; если исключить мусульманское население, на чью долю приходилось незначительное количество выпитого алкоголя, то получалось, что остальное население потребляло алкоголя примерно столько же, сколько и в целом по стране.

Пьянство негативно влияло на организм и психику человека, увеличивало смертность населения, способствовало росту преступности (по официальным данным, в 1910 г. алкогольная преступность в России составляла приблизительно 61 %¹⁷), подрывало экономическое благосостояние населения. Значительная часть психиатрических лечебниц, в том числе в Уфе, были заполнены алкоголиками¹⁸. Несмотря

¹¹ Наиболее потребляемый алкогольный напиток в дореволюционной России (обычно крепостью 40°) назывался «хлебным» («столовым») или «народным») вином; «водкой» он стал именоваться позднее.

¹² Государственная монополия на покупку и продажу спиртного была введена в России по инициативе министра финансов С.Ю. Витте. В 1894 г. было утверждено Положение о казенной продаже питей. В Уфимской губ. монополия начала действовать с 1 января 1895 г. Винокурение оставалось в ведении частных предприятий.

¹³ Аксенов В.Б. «Сухой закон» 1914 года... С. 130.

¹⁴ Алкоголизм и борьба с ним / под ред. М.Н. Нижегородцева. СПб., 1909. С. 9; По вопросу... С. 3–4 и др. работы.

¹⁵ Дмитриев В.К. Критическое исследование о потреблении алкоголя в России. М., 2001. С. 211.

¹⁶ Толстой К.К. К вопросу об алкоголизме. СПб., 1912. С. 14–15.

¹⁷ Суздальский А.Д. К вопросу о влиянии... С. 156.

¹⁸ Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве... С. 19.

на то, что в этот период население России по среднему доходу стояло на одном из последних мест среди крупнейших стран мира, траты на алкоголь в среднем составляли более 10 %; а у некоторых беднейших категорий граждан доходили до 95 % от их бюджета¹⁹.

В то же время и в России, и в регионах шла реальная борьба с алкоголизмом и его последствиями. В этом процессе активное участие принимали широкие слои общест-венности, формирующееся гражданское общество. Уфимское попечительство о на-родной трезвости, состоявшее из губернского, шести уездных и одного городского ко-митетов, вело большую работу по организации трезвеннического движения и просве-щению народных масс. Попечительство было создано одновременно с казенной про-дажей напитков и курировалось губернатором. Оно занималось просветительской рабо-той, организацией чайных, библиотек, народных читален, воскресных школ и вечерних классов, устройством спектаклей, концертов, распространением антиалкогольных из-даний и листовок; открытием и содержанием приютов и лечебниц для страдающих алкоголизмом; осуществлением надзора за торговлей крепкими спиртными напитка-ми²⁰ и т. д. Средства Попечительства составляли «суммы, ассигнуемые из казны, част-ные пожертвования, сборы от продажи изданий Попечительства и устройства народ-ных чтений, общественных развлечений, а равно суммы, причитающиеся открывате-лям нарушений правил о торговле крепкими напитками, если нарушение обнаружено членом Попечительства»²¹. Простые граждане через сеть общественных организаций имели возможность вносить свои предложения и принимать непосредственное участие в работе данных учреждений. При содействии Попечительства открывались школы с преподаванием на родном и русском языках для башкирских детей, в том числе для девочек. Несмотря на привлечение материальных средств из различных источников, бюджет Уфимского попечительства о народной трезвости был ограничен, а его ходатайства об отпуске более значительных средств часто отклонялись. Например, на прось-бу Попечительства выделить дополнительные средства от казенной продажи спиртно-го на нужды народного образования министр финансов России уведомил Уфимского губернатора, что «получаемые от продажи казенного вина деньги должны поступать полностью в казну, вследствие чего выдача из этих денег каких-либо пособий не может быть допущена, почему и ходатайство губернского земства не может подлежать удо-влетворению»²². Введение госмонополии на продажу спиртного, уменьшившее по-ступления в местные бюджеты, вызвало определенное недовольство и у земских со-браний. Так, Бирское уездное земское собрание, лишившись платы, которую оно полу-чало за разрешение на открытие питейных заведений в селениях, в 1896 г. ходатай-ствовало об отчислении правительством какого-либо процента на дело народного об-разования, однако данное ходатайство также не было поддержано²³.

Кроме Попечительства о народной трезвости, в крае вели работу Общества трезвости, создаваемые на конфессиональной, профессиональной или иной основе.

Итоги анкетирования сельского населения Уфимской губернии по вопросам пьянства и алкоголизма

В 1898 г. при Русском обществе охранения народного здоровья была учрежде-на Комиссия по вопросам об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков. В начале XX в. данной Комиссией было предпринято всестороннее научное изучение алкоголизма в России, составле-

¹⁹ Дмитриев В.К. Критическое исследование... С. 211.

²⁰ Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 г. Уфа, 1896. С. 127–128.

²¹ Отчет о деятельности Уфимского попечительства... С. 27–31.

²² Систематический сводный сборник постановлений. Т. II... С. 16–17.

²³ Там же. С. 14.

ны формуляры (карточки) для сбора информации. Летом 1913 г. такое исследование было проведено и среди деревенского населения Уфимской губернии.

За основу анкеты был взят опросный лист, использованный в 1910 г. во Владимирской губернии, который состоял из 30 пунктов, затрагивающих различные аспекты, связанные с пьянством. Местными докторами И.И. Рождественским, Л.Н. Айхенвальдом, П.Е. Менжуровым в вопросник были внесены некоторые изменения и дополнения с учетом особенностей и специфики Уфимской губернии. Из 3 тыс. разосланных анкет назад было получено 1 тыс. 682 шт. Ответы распределились следующим образом – из христианских сел и деревень пришел ответ от 961 чел.; из магометанских – от 621 чел.; из староверческих – от 62 чел.; из лютеранских и католических – от 30 чел.; из языческих – от 8 чел.²⁴ Корреспондентами выступили 42 учителя, 26 священников, 2 фельдшера, 190 волостных и сельских писарей, а также грамотные крестьяне. Исходя из общего числа жителей Уфимской губернии начала XX в., составлявшего более 2 млн чел., эту выборку можно считать репрезентативной. По заявлению заведующего Статистическим бюро Уфимской губернской управы «это количество даже можно было считать большим обычного»²⁵.

На вопрос «Увеличивается или уменьшается в Вашей местности пьянство?» 1 тыс. 22 чел. ответили, что пьянство «увеличивается»; 222 чел. посчитали, что оно «остаётся на прежнем уровне»; а респонденты из 29 деревень (преимущественно магометанских и нескольких русских староверческих) указали, что у них население «почти совсем не пьёт».

Казенное хлебное вино (водка) к началу XX в. почти вытеснило все местные традиционные слабоалкогольные напитки (брагу, медовуху, домашнее пиво и пр.). Из 907 ответов на вопрос «В последние годы пьют у Вас больше водку или кабацкое пиво?» 819 указали на «монополюку» (т. е. казенную водку); 54 чел. ответили, что пьют «кабацкое пиво»; 23 чел. назвали «кислушку»²⁶; 8 чел. – «домашнее пиво»; 2 чел. – «кумышку»²⁷; большинство опрошенных свидетельствовали, что «домашнюю брагу население варить почти бросает». Водку население Уфимской губернии чаще всего (в 40 % случаях) покупало бутылками²⁸, а затем – полубутылками (33 %), «сотками» (5 %) и «мерзавчиками»²⁹ (1 %)³⁰.

На вопрос «По каким поводам и в какие месяцы в Вашей местности усиливается пьянство?» большинство православных ответило, что «во время праздников, крестин, похорон, свадеб, помочей, базаров»; 17 % респондентов утверждали, что население «пьёт при всяком удобном случае». Из магометанских же селений пришли ответы, что поводом к пьянству все чаще становятся народные праздники «сабантуй и зиин»³¹.

Население отчетливо понимало связь между алкоголем и преступлениями, в первую очередь такими, как хулиганство, кражи и убийства, и высказывало уверенность,

²⁴ *Рождественский И.И.* К вопросу о пьянстве... С. 24.

²⁵ Там же. С. 8.

²⁶ Кислушка – брага, алкогольный напиток, изготовленный из воды, ягод, сахара или меда с добавлением дрожжей.

²⁷ Кумышка – домашнее хлебное вино, самогон распространенное у удмуртов, чувашей, марийцев.

²⁸ Объем бутылки, в которой продавалось спиртное, в начале XX в. составлял 0,61 л; в казенных лавках обычно продавалось хлебное вино двух сортов – «Красноголовка» (с красной крышкой), звавшаяся в народе «казенка» по цене 40 коп. и «Белоголовка» (с белой крышкой) – продукт более высокого сорта, двойной очистки, стоимостью 60 коп. (для сравнения – квалифицированные рабочие в этот период получали от 30 до 50 руб. в месяц).

²⁹ Самые маленькие бутылочки со спиртным 1/10 часть от обычной бутылки (0,061 л) в народе называли «мерзавчиками»; их стоимость в казенном винном магазине составляла 6 коп.

³⁰ *Рождественский И.И.* К вопросу о пьянстве... С. 20, 25.

³¹ Там же. С. 15.

что и правительство знает, отчего происходят эти тяжелые и страшные преступления – «Конечно от водки!». Наименьшее душевое потребление спиртного по населенным пунктам Уфимской губернии наблюдалось в Мензелинском уезде, и оттуда же шло наименьшее число тревожных известий о хулиганстве; из Бирского уезда о хулиганстве сообщали несколько настойчивее, да и душевое потребление водки там было больше. О пьянстве зажиточных заявили 83 чел.; малоимущих и бедноты – 463 чел.; многосемейные пьянствовали реже почти вдвое по сравнению с малосемейными (596 отзывов против 1284); женатые пили реже холостых; старики – реже людей среднего возраста, а те, в свою очередь – реже молодых; среди часто выпивающих 97 % были малограмотными или безграмотными³².

Что касается башкир, то обращение к истории питейного вопроса показывает, что для них раньше было нехарактерно употребление крепких спиртных напитков; пьянство осуждалось общественностью, аксакалами и представителями религиозного культа. Традиционными башкирскими слабохмельными напитками являлись медовуха, буза и кумыс. Несмотря на то, что выдержанный кумыс содержал небольшой градус алкоголя (до 4–5°), он не может в полном смысле этого слова считаться алкогольным напитком. Кумыс издавна ценился за свои целебные качества, не попадал под запрет со стороны ислама и являлся атрибутом праздничных или обрядовых угощений башкир. Мучнистая солодовая буза была больше распространена в восточном Зауралье, она готовилась без хмеля и поэтому почти не содержала градусов. Медовуху чаще ставили в горнолесных районах, где население активно занималось бортиничеством и пчеловодством. И.И. Лепехин отмечал в XVIII в., что медовуха «пьется более в тепловатом состоянии и обладает в довольно значительной степени опьяняющими свойствами»³³. По наблюдениям очевидцев, хмельное действие медовухи проявлялось уже после двух-трех стаканов, «незнакомые с этим напитком, очень скоро обессиливают в членах и совершенно владея здравым смыслом, не могут встать с места, а сами башкиры пьют его много, но на них он не производит такого действия»³⁴.

Водка у башкир издавна считалась причиной многих болезней и даже смерти. Имеются многочисленные башкирские пословицы, осуждающие пьянство: «Водка – не пища, а камень в печени»; «Водка разговор продлевает, да жизнь сокращает», «Тот, кто пьет водку, раньше своей смерти умрет» и т. д. Традиционные же напитки в пословицах, напротив, восхвалялись: «Медовуха – благо, водка – отравка»; «Когда есть кумыс, есть и веселье» и т. д.

Со временем крепкий алкоголь все больше начинает проникать и в среду башкир. Причинами этого являлось постепенное разложение их традиционного общественного строя, патриархальных устоев семьи, развитие товарно-денежных отношений и капитализма, городской культуры и т. д.

На вопрос анкеты о закоренелых пьяницах большинство опрошенных из магометанских деревень утверждали, что «таковых в наших местах нет», а также, что у них «нет ни пивных лавок, ни шинков»³⁵. В конце XIX в. доктор Д.П. Никольский, долгие годы работавший среди башкирского населения, также отмечал: «Завязтых пьяниц между последними не встречается, что отчасти, может быть, зависит от того, что в башкирских деревнях нет кабаков. Если некоторые из башкир и пьют водку, то пьют ее в русских селениях и городах на базарах, во время праздников и т. п., причем пьют ее исключительно почти более молодые башкиры; пожилые же с отвращением отстраня-

³² Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве... С. 25, 31.

³³ Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802. С. 112.

³⁴ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 148.

³⁵ Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве... С. 27.

ются от пьяного; если такого увидит мулла, то виновного наказывает»³⁶. Также исследователь отмечал, что «было время, когда в ближайших мешерякских селениях находились кабаки и башкирский народ все-таки оставался трезвым»³⁷. Выступая на I Всероссийском съезде по борьбе с пьянством, Д.П. Никольский отмечал, что национальные напитки инородцев «не действуют разрушающим образом на организм, а потому не должны быть стесняемы при приготовлении их». Он продолжал: «Между тем, как не национальные спиртные напитки приносят им особенно страшный вред как в физическом и моральном отношении, так и в социально-экономическом и являются одним из главных факторов, способствующих вырождению населения вообще и наших инородцев в частности»³⁸. По его мнению, само правительство способствовало распространению водки среди башкир: «Не без влияния на увеличение употребления водки среди башкир остается и отбывание воинской повинности, когда обязательное выпивание чарки кладет первый фундамент к дальнейшему отравлению алкоголем. Вот почему каждый башкир, побывавший в солдатах, возвращается на родину ознакомленным с водкой и табаком»³⁹. Во избежание этого доктор считал, что желательно было бы, «чтобы солдатам из магометан вообще, и башкирам, в частности, не выдавалась обычная чарка водки, а была бы заменена чаем с сахаром, который они с большим удовольствием предпочтут водке»⁴⁰. Д.П. Никольский вообще считал, что распространение среди инородцев потребления сахара и чая, их удешевление и облегчение способов их получения, является одним из верных способов в борьбе со спиртными напитками⁴¹. Предложения по изучению национальных алкогольных напитков инородцев России, поднятию социально-экономических, культурных и правовых условий их жизни, развитию между ними грамотности и просвещения, а также требования о недопущении употребления среди них водки в числе прочих предложений были включены в резолюцию антиалкогольного съезда⁴².

Разграбление башкирских земель, вынужденные отходы башкир на заработки также не могли не содействовать возникновению у них так называемого «пролетарского алкоголизма». В этом процессе негативной была роль и разного рода торговцев, промышленников и арендаторов, которые при заключении земельных сделок с башкирами, помимо различных подарков, раздаваемых более знатным и влиятельным, угощали простых башкир и водкой. Врачи, участвовавшие летом 1913 г. в переписи душевнобольных Уфимской губернии, сообщали о нередких случаях расстройства психической сферы у здешних башкир, татар, тептярей, обусловленных одним только «непомерным употреблением водки»⁴³.

Отрицательные ответы на вопрос анкеты о пьянстве женщин, подростков, девушек и детей все без исключения получены из башкирских и татарских деревень. В то время как в прочих деревнях на пьянство среди женщин указали 1187 чел.; среди подростков – 1185 чел.; среди девушек – 968 чел.; среди детей – 1183 чел. из 1610 опрошенных⁴⁴.

По мнению членов Московского кружка деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом, факт обширной алкоголизации учащихся в России оспариванию не под-

³⁶ Никольский Д.П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1899. С. 75.

³⁷ Там же. С. 75.

³⁸ Никольский Д.П. Алкогольные напитки среди инородцев // Труды I Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб., 1910. Т. 1. С. 241–242.

³⁹ Никольский Д.П. Башкиры... С. 75.

⁴⁰ Там же. С. 76.

⁴¹ Никольский Д.П. Алкогольные напитки... С. 242.

⁴² Труды I Всероссийского съезда... С. 94–95.

⁴³ Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве... С. 14.

⁴⁴ Там же. С. 13–14.

лежал. Так, по их подсчетам, в 1907 г. 43,7 % учащихся школ Российской империи регулярно потребляли спиртные напитки⁴⁵. В уфимских городских средних учебных заведениях в 1913 г. процент пьющих среди воспитанниц старших классов доходил до 40 %, а среди воспитанников – до 70 %; в сельских русских школах для девочек он составлял около 30 %, а для мальчиков – около 55 %. Развитие алкоголизма в России действительно шло за счет детей и юношества. По статистике Уфимской лечебницы для алкоголиков, 6 % ее больных начали пить до 10 лет; 22 % – между 10 и 15 годами; а остальные почти все без исключения – в 16–17 лет⁴⁶. В Отчете Уфимского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для малолетних воспитанников колонии за 1909 г. среди основных причин распространения детской беспризорности, преступности и алкоголизма называлась губительная традиция семейного пьянства и развал традиционных устоев семейной жизни⁴⁷. На вопрос анкеты «Кто приучает детей и подростков к выпивке?» 40 % респондентов ответили, что отцы и 7 % – что матери. 27 % «демонами-соблазнительями» назвали «товарищей»; 12 % посчитали, что будто бы «дети к выпивке приучаются сами по себе». Из 832 ответов на вопрос о пьянстве родителей у закоренелых пьяниц 332 было утвердительных, причем пьянство матерей отмечено 6 раз; обоих родителей – 154 и пьянство отцов – 169 раз⁴⁸. По наблюдениям врачей, встречались случаи, когда началом знакомства с алкоголем был возраст от одного до трех лет или даже до года⁴⁹.

Среди причин приучения к пьянству в анкетах, полученных в Уфимской губернии, были названы «праздники» и «отлучки на заработки», «участие в помочах», а также «близость казенных винных лавок» (на это указали 95 % респондентов). 40 % опрошенных отметили, что «шинки – это места, где происходит первое знакомство деревенской молодежи с водкой и азартной картежной игрой». По мнению И.И. Рождественского, статистическими данными, где бы они не были производимы, подтверждается полная зависимость между числом заведений, торгующих алкоголем, и размерами его потребления⁵⁰. От многих респондентов слышались призывы к полиции не покровительствовать шинкарям. На вопрос «Много ли у вас шинков?» было получено 856 положительных ответов, в основном из русских селений. В анкетах сообщалось: «что ни двор, то шинок»; «на 100 дворов – 80 шинков»; «шинкам счета нет»; «в каждом дворе шинки». Многие уведомляли, что бороться с шинкарством очень опасно, поскольку они пользуются «хулиганами с целью наводить страх на односельчан, обнаруживающих какие-либо тенденции стеснить их в таком выгодном занятии, как шинкарство». Один из жителей написал: «Относительно шинков прошу меня не спрашивать, а то мне более не жить». Только из башкирских и татарских деревень пришли сообщения, что шинков «не имеется»; что у них «нет шинкарей, как это замечается в русских селениях; наши татары с шинкарями шутить не станут»⁵¹.

На вопрос «Имеются ли в вашей местности чайные, столовые трезвости, а также библиотеки?» ответ «нет» получен от 1167 респондентов. Вот такой ответ был получен из с. Бакалы Белебеевского уезда: «Библиотека заведена, а книжки в заколо-

⁴⁵ Ефимов О.В. Алкоголизм как социальная проблема (на материалах Арзамасского уезда Нижегородской губернии) // Новый университет: Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». 2013. № 6–7 (27–28). С. 62.

⁴⁶ Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве... С. 12–13.

⁴⁷ Отчет Уфимского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для малолетних воспитанников колонии за 1909 г. Уфа, 1911. С. 15.

⁴⁸ Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве... С. 13–14.

⁴⁹ Труды I Всероссийского съезда по борьбе с пьянством... С. 1375.

⁵⁰ Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве... С. 20.

⁵¹ Там же. С. 14, 27, 32.

ченных ящиках»; «библиотека и аудитория были, но начальство продало их... с торгов». Тем не менее благотворное влияние чайных, столовых и библиотек трезвости отметила почти половина опрошенных. Деятельность Обществ трезвости, которых в Уфимской губернии в 1913 г. насчитывалось 86, в целом была охарактеризована населением как полезная⁵².

На вопрос «Кто учит трезвости?» больше всего (358 чел.) ответили, что муллы; за священников высказались 173 чел.; за учителей – 72 чел.; за докторов и фельдшеров – 7 чел. Однако деревенская интеллигенция в борьбе с пьянством порой проявляла себя не лучшим образом. «Сами пьют и других смущают», – сообщалось в 274 случаях. Поступали и такие сведения: «Вы сделали запрос, стоят ли священники против пьянства. Если хозяин свадьбы не поставит священнику бутылку водки, то он и брачить не станет, несмотря на то, что берет за свадьбу 6-ть и 7-мь рублей»⁵³.

Основной эффект в борьбе с алкоголем население ожидало от закрытия винных лавок, а также от усиления борьбы с незаконной торговлей алкоголем. По этому поводу говорилось: «В нашей местности отвратить от пьянства ничем иным невозможно, как только разве закрытием винной лавки...»; «у нас винную лавку закрыли 20 марта 1913 г. и пьяных в будни стало заметно меньше» и т.д. Ходатайства о закрытии винных лавок от населения Уфимской губернии поступали в Губернское земское собрание периодически; часть из них удовлетворялась⁵⁴. Общественность и простые люди настолько были заинтересованы в этом, что предлагали в качестве компенсации за возможное уменьшение доходов казны уплачивать большую подать⁵⁵. На сельских сходах принимались решения о недопущении «тайной продажи вина», избирались уполномоченные, следившие за этим, вводились штрафы за шинкарство и т. д.⁵⁶

Способы борьбы с пьянством

В архивах отложилась масса документов об изгнании из числа членов сельских общин людей, потерявших всякий моральный облик и уличенных в разбоях и кражах, в том числе совершенных в состоянии опьянения⁵⁷. Для того, чтобы избавиться от них, сельчане порой не скупались и оплачивали расходы по их отправке на каторгу⁵⁸. В борьбе с алкоголем предлагались и другие запретительные меры, вплоть до розг (такие предложения поступили из магометанских деревень). Считалось, что в борьбе с пьянством должна была помочь и правильная организация культурного досуга, особенно среди молодежи, деятельность народных домов, а также образовательные мероприятия, в том числе открытие училищ для молодежи, имелось в виду, что «значительная часть населения пьет оттого, что не имеет никакого толчка к правильному развлечению»⁵⁹.

Снижению алкоголизации населения могло способствовать и уменьшение числа праздников, во время которых часто пили все поголовно. Лишь в самую страду почти до 99 % земледельческого населения переставало пить. Наибольшим разгулом и пьянством сопровождалась осенние праздники (после сбора урожая). Более 80 % респондентов настаивали на том, что пьянство усиливается именно осенью, а также на свадьбах, во время которых из-за стремления к бахвальству и видимости денежно-

⁵² Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве... С. 30.

⁵³ Там же. С. 9.

⁵⁴ Систематический сводный сборник постановлений... С. 247 и др.

⁵⁵ Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве... С. 9.

⁵⁶ НА РБ. Ф. И–131. Оп. 1. Д. 231. Л. 78, 141, 183 и др.

⁵⁷ Там же. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 99. Л. 104, 145, 154, 194 и др.

⁵⁸ Там же. Л. 16., 191 и др.

⁵⁹ Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве... С. 8.

го могущества «в самый короткий срок, другой раз в одну неделю, уничтожаются результаты упорного труда целой семьи в течение целого года и почти вся казна при этом идет на водку». Особенно бойко винные лавки торговали с окончания полевых работ до рождественского поста и от 7 января до масленицы⁶⁰.

Петербургская Комиссия по борьбе с пьянством при Обществе охранения народного здравия, по инициативе которой и были проведены в начале XX в. статистические исследования по проблемам алкоголизма в разных губерниях России, в конечном счете не предложила единственно верных методов борьбы с алкоголизмом, которые можно было бы повсеместно использовать как универсальное практическое руководство к действию. Целью ее работы, главным образом, была выработка методов научного изучения причин алкоголизма, его проявления в различных группах населения, влияния алкоголя на условия и качество жизни людей, а также сбор мнений о причинах алкоголизма и средствах борьбы с ним. По результатам своей работы Комиссия пришла к выводу, что в основе алкоголизма в России лежала «совокупность различных причин – биологических (главным образом, наследственных – физических и психических), экономических, культурных, социальных, тесно и многообразно между собою сочетанных»⁶¹. На конкретный вопрос «В чем причина пристрастия людей к алкоголю?» четкий ответ так и не был дан. Более того, в докладах Комиссии указывалось, что «этот вопрос, в силу своей сложности и трудности до последнего времени остается для науки загадкой»⁶². Независимые от исследователей обстоятельства помешали свести воедино итоги проведенной в различных губерниях Российской империи антиалкогольной анкетной кампании.

В целом, среди предлагаемых в тот период способов борьбы с алкоголизмом можно выделить экономические, культурно-образовательные, санитарно-гигиенические, лечебные и прочие меры.

Борьба с экономическим фактором развития и процветания алкоголизма заключалась в уменьшении производства алкогольной продукции, снижении крепости водки до 30°, ограничении времени и мест продажи алкоголя, особенно в выходные и праздничные дни, в закрытии винных лавок и т. д.

Сторонники запрета ссылались на опыт Соединенных Штатов, во многих штатах которого с середины XIX в. действовал «сухой закон» (периодически отменяемый и вводимый вновь). Они подчеркивали, что в «сухих» штатах наблюдается поразительно низкий уровень преступности, а тюрьмы годами пустуют, уменьшается число психических больных, повышается благосостояние и покупательская способность населения, увеличивается собираемость налогов, чем в штатах, где алкоголю не поставлены никакие преграды. С отменой же запретительной системы статистика вновь устанавливает увеличение преступности и обнищания народа⁶³.

Однако одни запретительные меры не могли являться страховкой от алкоголизации населения. Долговременный эффект мог появиться только вследствие всеобщего признания вреда алкоголя, его пагубных последствий и принятия комплексных мер по его преодолению. Нужны были и меры по облегчению труда (особенно на селе), увеличению заработной платы, улучшению питания и жилищных условий населения, а также гигиенической обстановки во всех отраслях производства и т. д.

В тесной взаимосвязи с экономическим фактором, тяжелыми низкооплачиваемыми условиями труда находились культурная отсталость, темнота и невежество

⁶⁰ Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве... С. 15–16, 20, 31.

⁶¹ По вопросу... С. 5; Алкоголизм и борьба с ним... С. 23.

⁶² По вопросу... С. 7.

⁶³ Там же. С. 16–17.

значительных слоев российского населения, преодолеть которые было бы невозможно без профилактических мер, направленных на улучшение культурно-образовательного уровня населения. Одним из важных методов борьбы с пьянством виделась идеология – развитие антиалкогольного движения в школах; повсеместное привлечение к этому делу женщин, духовенства, врачей и учителей; содействие в учреждении организаций для борьбы с пьянством и обществ трезвости; осуществление всеобщего обучения; развитие «разумных» развлечений (спорта, различных кружков, чтения, организация спектаклей, концертов, экскурсий и т. д.). Так, необходимость преподавания науки трезвости и ознакомление учащихся с вредным влиянием спиртных напитков в Уфимских земских школах была признана единогласно Уфимским губернским земским собранием как дело неотложное и чрезвычайно важное. Однако оно осложнялось отсутствием специальных учебных пособий и недостаточным ознакомлением с этой дисциплиной самих учителей⁶⁴.

«Только культура, давая населению возможность иначе проводить досуг, отвлекает его от пьянства», – писал профессор Н.А. Озеров⁶⁵. Не соглашаясь с этим, А.В. Шилов отмечал, что есть народы, стоящие на низких ступенях развития культуры и не потребляющие алкоголь, а, к примеру, в культурной Франции уровень алкоголизации населения довольно высок. «С повышением культуры», – пишет он, – повышаются только внешние формы алкоголизма, но сам алкоголизм исчезнуть не может». Хотя, как отмечает автор, «несомненным является и то, что с отрезвлением народа, его культура повышается»⁶⁶.

Важная роль принадлежала также лечению и реабилитации страдающих алкоголизмом. По мнению И.И. Рождественского, неправильно было содержать их всех в одном месте. Для успешного лечения лиц, страдающих от алкоголя, он предлагал разделять их на три группы. Для легких случаев, где нравственность человека еще не была изменена, было бы достаточно амбулаторных условий; в случаях средней тяжести, когда тяга к пьянству была довольно сильной, но еще сохранялся шанс вернуть к нормальной жизни затронутую алкогольным разрушением личность, предлагалось помещать человека в стационарные условия на 2–3 мес.; в тяжелых же случаях, когда у пьющего уже наблюдались глубокие дегенеративные нарушения сознания и организма, и влечение к выпивке сохранялось, несмотря на длительные периоды воздержания, требовались уже приюты-колонии, в которых они могли бы находиться годами в изоляции от вредного влияния внешней среды. Успеху в лечении в стационарах и приютах в значительной степени способствовало бы сочетание медикаментозного лечения, психотерапии, гидротерапии, электролечения, гипноза и т.д. с организацией мастерских и рабочих домов, где бывшие алкоголики могли бы работать, привлечением их в Общества трезвости, долговременным патронажем над ними и т. д.⁶⁷ На энтузиазме врачей, при поддержке органов местного самоуправления и благотворительных организаций, к 1911 г. в России было открыто шесть приютов для лечения и реабилитации алкоголиков: два – в Ярославле, по одному – в Туле, в Вильно, в Казани и в Уфе⁶⁸, хотя в масштабах страны этого было недостаточно.

Уфимская приют-лечебница была открыта в 1910 г. по инициативе Уфимского губернского комитета попечительства о народной трезвости при содействии врача Е.К. Иогансона, генерала П.П. Малинина и др.; попечителем приюта был назначен И. Шаповалов, заведовал приютом доктор И.И. Рождественский (до этого алко-

⁶⁴ По вопросу... С. 19.

⁶⁵ Алкоголизм и борьба с ним... С. 37.

⁶⁶ Шилов А. К вопросу о способах борьбы с пьянством... С. 31.

⁶⁷ По вопросу... С. 37.

⁶⁸ Там же. С. 21.

лики содержались в психиатрической больнице вместе с душевнобольными). За 1913 г. через лечебницу прошло 987 чел. (782 мужчины и 205 женщин), многие лечились амбулаторно. Из них более 90 % являлись уфимцами, остальные – приезжими. 92 % из них были православными, около 8 % – магометанами (в их числе башкир было 76 чел.), прочих вероисповеданий – менее 1 %; большинство находилось в возрасте от 30 до 40 лет. Уфимская лечебница для алкоголиков признавалась наиболее благоустроенной из всех подобных учреждений России, в ней с успехом функционировал электротерапевтический кабинет. Ее работа была высоко оценена и на международном уровне – жюри Туринской выставки в 1911 г. присудило лечебнице большую золотую медаль⁶⁹. При приюте-лечебнице функционировал рабочий дом и приют для беспризорных уличных детей Уфы со школой трезвости, где труд являлся главным лечебно-воспитательным средством. В деле перевоспитания малолетних преступников и пьяниц положительную роль, в отличие от тюрем, играли сельскохозяйственные приюты-колонии. Одна из 48 таких российских колоний располагалась в Уфимской губернии. Процент рецидивов у воспитанников земледельческих колоний был намного ниже, чем у отсидевших в тюрьмах, но, к сожалению, такие поселения могли принять не более 11 % осужденных детей⁷⁰.

Высказывалось мнение, что алкоголизм, как социальное бедствие, необходимо было также отличать от алкоголизма индивидуального. Только время и усилия, направленные на развитие в народе способности самостоятельно бороться с искушениями, способны были искоренить стереотипы и ложные представления об алкоголе как о средстве увеселения, помогающем забыться в горестях, или о средстве, якобы восстанавливающем силы человека и возбуждающем его умственную деятельность⁷¹.

Противоалкогольные съезды, состоявшиеся в Петрограде в 1910 г. и в Москве в 1912 г., провозгласили основной принцип борьбы против пьянства – «полное воздержание от потребления всяких спиртных напитков». В докладах также отмечалось, что бюджетные затруднения от подобной меры постепенно сгладятся и «трезвый» бюджет будет даже устойчивее «пьяного»⁷². Однако не все общественные и государственные деятели и даже врачи придерживались подобного мнения. Высказывалась точка зрения, что если отнять у населения алкоголь, то при имеющихся условиях «массы найдут другие средства отравляться, потому что возбуждающее отравление является известной потребностью»⁷³.

В целом антиалкогольное движение рубежа XIX–XX вв. сыграло важную роль в социальном и культурном развитии страны: открывались чайные, народные читальни и Народные дома – своеобразные досуговые центры для простых людей, средства на которые часто собирались всем миром. Первый такой дом был построен в Санкт-Петербурге, второй – в Нижнем Новгороде, третий – в Харькове. В 1909 г. Народный дом, названный Аксаковским, был заложен и в Уфе (архитектор П.П. Рудаковский)⁷⁴. Здесь читались лекции, проводились концерты, работала библиотека, вечерняя школа и различные кружки, большую популярность приобрели чтения с «волшебным фонарем».

Несмотря на то, что на страницах специальных изданий начала второго десятилетия XX в. часто высказывалась мысль, что водочная монополия еще долгое время будет самым главным тормозом к осуществлению запретительной системы, объ-

⁶⁹ Отчет уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1913 г... С. 2–9.

⁷⁰ Отчет Уфимского общества земледельческих колоний... С. 15.

⁷¹ *Рождественский И.И.* К вопросу о пьянстве... С. 21.

⁷² Труды I Всероссийского съезда по борьбе с пьянством... С. 1177.

⁷³ Алкоголизм и борьба с ним... С. 23.

⁷⁴ В настоящее время в этом здании по улице Ленина, 5/1 располагается Башкирский театр оперы и балета.

ективные условия, сложившиеся в России всего через пару лет, привели к полному запрету алкоголя в стране в 1914 г. Не последнюю роль в этом сыграла личность императора Николая II, который, услышав призывы общественности и местных организаций к борьбе с алкоголизацией, заявил о необходимости борьбы за народную трезвость. Начало Первой мировой войны ускорило введение сухого закона в России.

Запрещение продажи спиртного, однако, не положило конец работе по борьбе с алкоголизмом и заботам о народной трезвости. В уфимском приюте продолжало функционировать до 25 % коечного фонда, поскольку поступали одурманенные денатурированным спиртом, одеколоном, лаком, политурой, кислушкой, иногда с настоем табака и полыни и другими суррогатами алкоголя. Больше внимания стало уделяться профилактике и предупреждению пьянства. Часть здания приюта была отдана под вечернюю школу трезвости для взрослых и под детскую школу трудового воспитания⁷⁵.

Выводы

Подводя итоги исследования, отметим, что на рубеже XIX–XX вв. в России в силу ряда причин обострились социально-экономические проблемы, что, в свою очередь, способствовало росту алкоголизма, преступности, падению нравов и прочих негативных социальных явлений. Вместе с тем в этот период наблюдается и усиление трезвеннического движения, рост промышленности и сельского хозяйства («по сравнению с 1913 годом» – классический рефрен отечественной статистики). Материалы статистического исследования, проведенного в 1913 г. в Уфимской губернии, свидетельствуют, что уровень алкоголизации населения напрямую коррелируется с социально-экономическими условиями жизни (бедностью, неграмотностью и т. д.). Согласно полученным данным, наиболее подвержены алкоголизму были бедные и необразованные слои населения. При этом одним из значительных сдерживающих факторов в распространении алкоголя в крае являлся религиозный фактор. Анкетирование показало, что мусульманское население, составлявшее почти половину населения губернии, в основной своей массе в этот период еще не было затронуто подобным тлетворным влиянием, однако злоупотребление спиртным и связанные с этим правонарушения все же имели место. Процесс алкоголизации башкир начал ускоряться в результате развития капитализма в крае, обезземливания населения, вынужденного отхода башкир на заработки, распада их патриархально-общинного семейного и бытового уклада. Работа Уфимского попечительства о народной трезвости часто осложнялась отсутствием у магометан (башкир и татар) знания русского языка, в связи с чем существовала потребность привлечения в число активных членов попечительства образованных башкир и татар, владевших русским языком, в числе которых, например, были ахун Х. Усманов, имам А. Баязитов и др. И в этом смысле для Обществ трезвости в среде магометан было открыто широкое поле деятельности.

Поступила в редакцию / Submitted: 08.06.2020 г.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.10.2021

References

- Akif'ev, A.A. "Problemy proizvodstva i potrebleniia vodki i piva v Rossii XIX – nachala XX v. (istoriograficheskii obzor)." *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta*, no. 5 (2016): 9–17 (in Russian).
- Aksenov, V.B. " 'Sukhoi zakon' 1914 goda: ot pridvornoj intrigi do revolyutsii." *Rossiiskaia istoria*, no. 4 (2011): 126–139 (in Russian).

⁷⁵ Отчет уфимского приюта-лечебницы для алкоголиков за 1914 г... С. 1, 6.

- Cheremshanskii, V.M. *Opisanie Orenburgskoi gubernii v khoziaistvenno-statisticheskome, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniiakh*. Ufa: Orenburgskogo Gubernskogo Pravleniia Press, 1859 (in Russian).
- Dmitriev, V.K. *Kriticheskoe issledovanie o potreblenii alkogolia v Rossii*. Moscow: Russkaia panorama Publ., 2001 (in Russian).
- Dogel, I.M. *Spirtnye napitki kak raspolagaiushchaia prichina k raznogo roda zabolevaniu cheloveka*. Kazan: Imperatorskii Universitet Press, 1896 (in Russian).
- Efimov, O.V. "Alkogolizm kak sotsial'naia problema (na materialakh Arzamasskogo uezda Nizhegorodskoi gubernii)." *Novyi universitet: Seriya 'Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, no. 6–7 (2013): 62–65 (in Russian).
- Guansyan, Ch. "The policy of the wine monopoly in Russia in 1894–1914: goals and results." *Voprosy istorii*, no. 12-2 (2020): 190–214 (in Russian).
- Lepekhin, I.I. *Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviia akademika i meditsiny doktora Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva v 1770 g.* St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk Press, 1802 (in Russian).
- Migranova E.V. "Alkohol' v sisteme cennostej bashkir." *Samarskij nauchnyj vestnik* 9, no. 3 (2020): 239–245 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Blagosostoianie naseleniia i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka*. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2010 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Sotsial'naia istoriia perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2003 (in Russian).
- Nikol'skii, D.P. "Alkohol'nye napitki sredi inorodtsev." Vol. 1 of: *Trudy I Vserossiiskogo s'ezda po bor'be s p'ianstvom*, 241–242. St. Petersburg: [N.s.], 1910 (in Russian).
- Nikol'skii, D.P. *Bashkiriy. Etnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie*. St. Petersburg: P.P. Soikin Press., 1899 (in Russian).
- Osipov, N.O. "Istoricheskii ocherk vzimaniia piteinykh sborov v Rossii." In *Kaziennaia prodazha vina*. St. Petersburg: Glavnoe Upravlenie neokladnykh sborov i kazynnoi prodazhi pitii Publ., 1900 (in Russian).
- Pervukhina, A.A. "The structure of state-owned wine shops in the early 20th century (On the materials of the Kurgan uyezd)." *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 441 (2019): 169–176 (in Russian).
- Rozhdestvenskii, I.I. *K voprosu o p'yanstve v zemledel'cheskoi derevne*. Moscow: Pechatnia A.I. Snegirievoi Press, 1914 (in Russian).
- Rozhdestvenskii, I.I. *Po voprosu o bor'be s alkogolizmom*. Ufa: [S.n.], 1911 (in Russian).
- Rozhdestvenskii, I.I. *Pravda ob alkogole*. Ufa: Gubernskaia Tipografiia Press, 1911 (in Russian).
- Shilov, A.V. *K voprosu o sposobakh bor'by s p'yanstvom*. Moscow: I.V. Voronov Press., 1911 (in Russian).
- Subbotina, A.M. "The fight against drunkenness in the rural elections in Russia in the 1890s." *Voprosy istorii*, no. 7 (2018): 112–119.
- Suzdal'skii, A.D. *K voprosu o vlianii alkogolizma na chastotu postuplenii s alkogol'nymi psikhozami v psikhiatricheskie zavedeniia v Rossii*. PhD diss. in Medcin. St. Petersburg: V.Ya. Milshtein Press, 1912 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Э.В. Мигранова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии; Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, 450054, Россия, Уфа, пр. Октября, 71, mig.el@mail.ru

E.V. Migranova, Ph.D. in History, Senior Researcher of Ethnology Department; Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71, Prospect Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russia, mig.el@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-508-516>

Research article / Научная статья

Repatriation of Polish refugees of World War I: the case of the Altai Province

Yurii M. Goncharov ^a✉, Ksenia A. Tishkina ^b

^a Altai State University, Barnaul, Russia

^b Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

✉ yuriig@yandex.ru

Abstract: During World War I a large number of refugees evacuated to the Russian Empire's periphery, such as the many Poles who were temporarily transported eastward to Siberia. This article studies their repatriation after the conflict's end, which bears some relevance to forced migration, refugees and repatriation in today's world. Based on archival and secondary sources, the authors endeavor to reconstruct the repatriation of Polish refugees from Altai province in southern Siberia. Beginning in earnest after the Soviet Union's war with Poland of 1918–21, their return was hampered by the difficult conditions of the past Civil War and the country's economic crisis. Although an extensive network of organizations was set up to carry the repatriation out, poor communication with the center, insufficient staff and the absence of registration forms made its work extremely difficult. At the same time, many refugees returned on their own, which further complicated matters. Nevertheless, most Poles eventually made it back home. The Russian-Ukrainian-Polish Mixed Commission on Repatriation announced that its work was done in 1924, although in fact it lasted for another year.

Keywords: Siberia, Altai province, The First World War, Poles, refugees, repatriation

Acknowledgements and Funding: The study was funded by RFBR and BRFB, project number 20-59-00010 "Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX–XX centuries" and by RFBR, project number 19-39-60009 "Siberian public and organization of assistance to victims of wars of the early XX century."

For citation: Goncharov, Yurii M., and Tishkina, Ksenia A. "Repatriation of Polish refugees of World War I: the case of the Altai Province." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 508–516. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-508-516>

Репатриация польских беженцев Первой мировой войны: на примере Алтайской губернии

Юрий Михайлович Гончаров ^a✉, Ксения Алексеевна Тишкина ^b

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

^b Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

✉ yuriig@yandex.ru

Аннотация: Одним из последствий участия Российской империи в Первой мировой войне явился значительный поток беженцев, эвакуированных на окраины страны. Значительное число поляков было эвакуировано в Сибирь. Статья посвящена рассмотрению процесса репатриации беженцев Первой мировой войны из Сибири в Польшу. Актуальность работы определяется важностью проблем вынужденных мигрантов, беженцев и репатриантов в современном мире. Работа основана на архивных источниках и опубликованных документах, на основе анализа которых предпринята попытка реконструкции процедуры репатриации польских беженцев из Алтайской

губернии. Процесс репатриации активизировался после заключения мирного договора Советской Россией с Украиной и Польшей весной 1921 г. Репатриация польских беженцев Первой мировой войны, поселившихся на территории Сибири, осуществлялась в тяжелых условиях прошедшей Гражданской войны и экономическим кризисом в стране. Несмотря на создание целой сети органов по контролю над эвакуацией населения, на практике их работа выполнялась крайне неэффективно из-за плохого информирования центра, малочисленности сотрудников, отсутствия бланков регистрации беженцев. Многие беженцы самовольно покидали населенные пункты, что затрудняло учет вынужденных мигрантов. Тем не менее, большинство польских беженцев в итоге были отправлены на родину. Об окончании массовой репатриации в Польшу было объявлено в 1924 г. после завершения деятельности Российско-украинско-польской Смешанной комиссии по делам репатриации, однако работа по репатриации растянулась до конца 1925 г.

Ключевые слова: Сибирь, Алтайская губерния, Первая мировая война, поляки, беженцы, репатриация

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX–XX вв.» и при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60009 «Сибирская общественность и организация помощи жертвам войн начала XX века».

Для цитирования: *Goncharov Yu.M., Tishkina K.A. Repatriation of Polish refugees of World War I: the case of the Altai Province // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 508–516. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-508-516>*

Introduction

Over the past few decades, historians have increasingly paid attention to the Russian Empire's many ethnic minorities. Because of its unique history as home to a number of diasporas from European Russia, Siberia is of particular interest in this respect. Among the nationalities that resettled across the Ural Mountains, the Poles played an important role.¹ Scholars have long studied this group,² paying attention to such questions as sources, demographic processes, family,³ the role of Poles in developing the region, adaptation in the host community,⁴ etc.⁵

Because of its relevance to current events, the history of the repatriation of Polish refugees and prisoners of war from Siberia after the end of the First World War is an important chapter in the broader story.⁶ Studying the mechanisms of repatriation, as well as the role of the repatriates' own wishes, allows us to apply past experience to modern realities. Both Polish historians⁷ and their Russian colleagues, including regional ones, have done much work on the matter.⁸

¹ V.N. Shaidurov, "Ethnic Entrepreneurship in the Russian Empire in the Era of Economic Modernization in the Second Half of the 19th – Early 20th century (as Illustrated in the Example of Siberia)," *Bylye gody*, no. 3 (2016): 666–674; V.N. Shaidurov, "On the emerging polish diaspora and its development in Siberia in the first half of the 19th Century," *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 10 (2016): 2496–2506.

² B.S. Shostakovich, "Sistemnaya sibirsko-pol'skaya istoriya – sovremennaya kontseptual'naya al'ternativa marginal'no-traditsionalisticheskogo diskursa istorii polyakov v Sibiri." In *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii rossiiskoi administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri* (Omsk: Poligraf tsentr KAN Publ., 2015), 10–22.

³ Jurij M. Gonczarow, "Polska rodzina na Syberii w połowine XIX i na początku XX wieku," *Zeslaniec*, no. 29 (2007): 33–48.

⁴ V.N. Shaidurov, "The Polish community in Western Siberia: Adaption and integration features in the second half of the 19th century," *Acta Histriae* 26, no. 2 (2018): 641–660.

⁵ V.A. Skubnevskii, and Yu.M. Goncharov, "Polyaki v Sibiri (XIX – nachala XX v.) v osvshchenii postsovetskoi otechestvennoi istoriografii," *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 69 (2021): 162–170.

⁶ P. Gatrell, "Refugee history and refugees during and after The First World War," *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 62, no. 3 (2017): 497–521.

⁷ D. Sula, *Powrót ludności polskiej: z byłego Imperium Rosyjskiego w latach 1918–1937* (Warszawa: [N.s.], 2013).

⁸ N.V. Lakhareva, *Reevakuatsyia bezhentsev Pervoi mirovoi voiny s territorii Kurskoi gubernii (1918–1925)* (Kursk: KIGMS Publ., 2001).

I.B. Belova made a significant contribution to the field by reconstructing the step-by-step process of repatriating war refugees of different nationalities from Soviet Russia,⁹ while I.V. Nam paid particular attention to the forced movement of Poles in the difficult conditions of the Civil War¹⁰ Mobilizing a wide range of archival materials, L.K. Ostrovskii considered repatriation in the context of the restoration of Soviet power in Siberia.¹¹ And R.V. Oplakanskaia focused on the Russian-Ukrainian-Polish Mixed Commission for Repatriation in Siberia.¹² But when it comes to Russian regional history, the study of repatriating Polish war refugees is still at a very early stage. In this regard, the experience Altai province, which existed as an independent administrative-territorial unit until May 25, 1925, is of interest.

The objective of this article is to reconstruct the mechanisms of organizing the repatriation of Polish refugees of the First World War in Altai for the first time. The authors have based their research on a wide range of sources, including documents from regional archives, namely the State Archives of Altai Krai, Novosibirsk Region and Tomsk Region. The newspapers *Altaiskaia Mysl*, *Krasny Altai*, and *Sovetskaia Sibir'* also proved to be valuable sources.

Polish Repatriation in 1918–1919

Refugees from the Russian Empire's western provinces began to arrive in Siberia in large numbers in fall 1915. Almost immediately upon reaching their destination, some forced migrants submitted requests to local authorities for a possible return to their homeland, but due to the unstable situation at the front and inside the country, they were not granted.

Polish refugees constituted the second largest group of forced migrants after Russians (including Belarusians and Ukrainians) during the Great War. Already in April 1916, the Barnaul Department of the Polish Society for Aid to War Victims informed Petrograd about 100 families of Polish refugees.¹³ As of September 1, 1916, out of 32,318 refugees registered in Tomsk province and under the care of the city committees for aid to refugees 3,245 were Poles.¹⁴

After the Revolution in 1917 and the signing of the Brest-Litovsk peace treaty in spring 1918, returning the war refugees to their homeland began to attract the attention of Moscow, where in April 1918, the Central Collegium for Prisoner of War and Refugee Affairs (Tsetroplenbez), opened its doors. However, since the Bolsheviks were not yet in control of Siberia at the time, returning the region's forced migrants was out of the question.

After the establishment of the Republic of Poland in November 1918, returning refugees to their homeland once again became relevant. Thus, in spring 1919 in Barnaul,

⁹ I.B. Belova, "First World War refugees' situation in Soviet Russia: 1921," *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice* 18, no. 4–2 (2012): 26–29; I.B. Belova, "Refugees of the First World War in Soviet Russia 1918–1919," *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3 (2014): 32–36; I.B. Belova, *Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii. 1914–1925* (Moscow: AIRO-XXI Publ., 2014).

¹⁰ I.V. Nam, "Pol'skie bezhentsy Pervoi mirovoi voiny v Sibiri." In *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii rossiiskoi administratsii, pereselentsev i korennnykh narodov Sibiri* (Omsk: Poligraf Tsentr KAN Publ., 2015); Nam, I.V. *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* (Tomsk: Tomsk university Publ., 2009).

¹¹ L.K. Ostrovskii, *Poliaki v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – pervoi chetverti XX veka* (St. Petersburg: Aleteia Publ., 2018); L.K. Ostrovskii, "Repatriatsiya optantov, bezhentsev i voennoplennykh iz Sibiri v Pol'shu (1921–1924 gg.)." *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3 (2014): 70–74.

¹² R.V. Oplakanskaia, "Deiatel'nost' predstavitel'stva Smeshannoi komissii v Sibiri po repatriatsii pol'skikh voennoplennykh v 1921 godu." *Tomskii zhurnal LING i ANTR*, no. 3 (2015): 120–127.

¹³ L.K. Ostrovskii, *Polyaki v Zapadnoi Sibiri*, 199.

¹⁴ Gosudastvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (henceforth GATO), f. 7, op. 1, d. 5, l. 54a.

the Bureau for Aid to Refugees at the Altai Provincial Zemstvo Council, which included representatives of the city's national organizations, was set up. The interests of the Poles were represented by a member of the Polish Military Committee in Siberia, Lieutenant K. Viakovskii. The Bureau's main task was to register all refugees in the province to organize their re-evacuation. To this end, it drew up a questionnaire to record basic details about a refugee, such as his name, his original home, whether he intends to return there, etc.¹⁵

On March 4, 1919, the Council of People's Commissars issued a decree "On the conscription of certain categories of the urban population," followed by a supplement on March 20, "On exemption from conscription of persons of Polish nationality in the event of their withdrawal from Russian citizenship." It stated that all Poles of Russian citizenship who wanted to join the ranks of Polish citizens were to submit a written application to the People's Commissariat of Internal Affairs to change their citizenship within a week. Registration began that spring in Siberian cities, and Poles who had participated in the 1863 uprising, political exiles, refugees, the disabled, and members of the families of those who had been mobilized were also invited to submit their names.¹⁶

With the establishment of Soviet power in Siberia, the question repatriating the war refugees was raised again. Thus, starting in December 1919, Tsetroplenbezh set up offices in the provinces. In early January 1920, the Plenbezh department (Collegium for Prisoner of War and Refugee Affairs) of the Altai Gubrevkom created a special collegium which included representatives of various factions of refugees. At the end of January 1920, volost revolutionary committees and rural executive committees instructed the collegium to conduct a census of all World War I refugees living in Altai province. In Barnaul, the forced migrants were to be registered between January 27 and February 15, 1920. The details that were gathered were to be used to draw up a work plan for their re-evacuation. However, the migrants were informed that

...sending them to their homeland is not expected in the near future and it is unlikely to take place before the spring, due to the transport problems and the typhus epidemic.¹⁷

When the Plenbezh department began its work, refugees who wanted to leave hastened to submit their applications, which indicated their plight, particularly in rural areas, lack of work, housing, refusal to be assigned land plots, etc. Cash benefits were paid only in emergency situations, such as for example, a funeral, the birth of a child, an illness, etc.,

...in all other cases, refugees got in-kind aid rather than cash benefits.¹⁸

The refugees were not afraid of the martial law that had been imposed in the country's west. For example, the collective request of the forced migrants living in the village of Romanovo, Zimovsk volost, as recorded by local refugee commissioner P. Evdiuk, decreed:

If some provinces are occupied by the Bolsheviks, they are ready to go, although it will be worse there. However, if they agree to go, they must say that they will go home; sow enough grain for both themselves and the Government rather than work for other people, move from apartment to apartment and be abused by irresponsible householders...¹⁹

¹⁵ K.A. Tishkina, "Pol'skie organizatsii Barnaula v gody Pervoi mirovoi i Grazhdanskoi vojn." In Y.M. Goncharov, and V.N. Shaydyrov et al. *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVIII – nachala XX v. Sbornik nauchnykh trudov* (St. Petersburg: Mediapapir Publ., 2020), 162–171.

¹⁶ "Emissariat Pol'skogo Voennogo Komiteta," *Altayskaia mysl'* 23 March, 1919.

¹⁷ Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (henceforth GAAK), f. P-9, op. 1, d. 250, l. 5.

¹⁸ GAAK, f. P-706, op. 1, d. 4, l. 59.

¹⁹ *Ibid.*, d. 6, l. 246.

When regulating such requests, Altgubrevkom (the Altai province revolutionary committee) referred to the decree of the Council of People's Commissars of July 27, 1918 "On the equation of refugees retaining Russian citizenship with respect to jurisdiction with other citizens," according to which

...the refugees who did not declare their withdrawal from Russian citizenship <... > will come under the same jurisdiction as the rest of the citizens of the Russian Republic.²⁰

The refugees were to apply to various social bodies with a request to solve their problems, rather than to the Plenbezh department, which was not competent in these matters.

Repatriating the Poles in 1920–1922

In February 1920, Tsentropenbezh was transformed into Tsentrevak (the Central Office for the Evacuation of the Population), which led to renaming its departments of at the local level as well. In Siberia, responsibility for returning refugees and prisoners of war to their homeland rested with the Siberian Office for the Evacuation of the Population (Sibevak) which was subordinate to the Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom). Sibevak's board was located in Novonikolaevsk (now Novosibirsk). The Provincial Offices for the Evacuation of the Population (Gubevak) and the Uezd offices for the Evacuation of the Population (Uevak) were both under Sibv eak's jurisdiction. The employees of Gubevaks and its units were to record, register and send back to their homeland all refugees, military and civilian prisoners, as well as foreign nationals living in the territories under their jurisdiction.²¹ Sibevak's activities extended over Omsk, Tomsk, Semipalatsinsk, Altai, Yenisei and Irkutsk provinces.²²

Operating in Barnaul, in 1921 the Altai Provincial Office for the Evacuation of the Population (Altgubevak) was responsible for two Uevaks – in Biisk and Zmeinogorsk (Rubtsovka station). At the railway stations Barnaul, Biisk and Rubtsovka (the village of Rubtsovo, from 1922 – the town of Rubtsov, now – the town of Rubtsovsk, Altai Territory), there were refreshment stations.

Although the compulsory registration of refugees began in winter 1920, its work was delayed due to the late notification of the uezd and volost executive committees about the requirement and the lack of registration forms at the local level, among other.

In May 1920, the Altai provincial extraordinary commission for combating counter-revolution, speculation and crime sent a decree to the Altai provincial militia ordering

...the immediate registration of citizens of Polish nationality from 16 to 60 years old.²³

The document added that persons who

...did not fill out the form or provided incorrect and insufficiently complete information will be prosecuted as counter-revolutionaries and spies of the Polish government.²⁴

To implement the decree, a special questionnaire was issued asking respondents to indicate when and why they had come to Russia, their workplace, party affiliation, attitude to the Soviet regime, citizenship and the desire to change it, the supposed move to Poland, etc. Most of the Poles who found themselves in Siberia as refugees during the First World War wanted to return to their homeland and obtain citizenship of the new republic.

²⁰ *Dekrety Sovetskoi vlasti*. Moscow, 1964, vol. 3, p. 103.

²¹ GAAK, f. P-706, op. 1, d. 10, l. 313.

²² L.K. Ostrovskii, "Repatriatsiia optantov," 70–74.

²³ GAAK. f. P-9, op. 1, d. 265, l. 1.

²⁴ *Ibid.*, d. 50, l. 127.

In summer 1920, some Polish citizens were detained on charges of counter-revolution. For example, K.A. Kazitskii was placed in a forced labor camp. He had adopted Polish citizenship after the decree of March 20, 1919

...out of fear of being mobilized and thereby becoming an involuntary participant in the fight against Soviet power.²⁵

On March 18, 1921 the Soviets concluded their war with Poland by signing the Peace of Riga. The treaty fixed the borders between the erstwhile combatants and stipulated the process of obtaining citizenship on a voluntary basis.

At the end of March 1921, Sibevak issued an order on the registration of refugees from Poland and the western provinces upon presentation of the relevant documents. At the same time, as it noted,

...in the registration form of refugees it is not necessary to indicate either citizenship or nationality, since the territory of Poland is not yet known.²⁶

The registration process was to be controlled by the local Gubevaks.

Given the short period for completing the process, a large number of clerks were needed to carry it out. Thus, the Altgubevak's staff numbered 40–55 people, and the Uevaks employed no more than 10 people. As a result, they included even members of the Polish section of the RCP (b) (the Russian communist party of the Bolsheviks) and refugees themselves. Another problem was the lack of the required number of registration forms and paper. For this reason, the registration of refugees from the western provinces was carried out only in the uezd towns of the Altai province. That summer, the Biisk Uevak passed information to Barnaul, according to which in May 1921 2,358 Polish refugees were registered, and in June another 76 people.²⁷

After the conclusion of the Soviet-Polish War, refugee families began to arrive from the countryside in the uezd towns and demanded that the local Uevaks immediately register and send them home.²⁸ Rumors spread among the refugees that the repatriation process would begin only in the fall, after the harvest. Crowds of migrants settled in towns and refused to return to their settlements. Therefore, that summer Gubevaks explained to the volost and village executive committees that only refugees' re-registration should be carried out locally. It also ordered the authorities to prevent the sale of property and the departure of migrants from the countryside.

Some refugees sent applications to Altgubevak for evacuation to Poland. Thus, at the end of May 1921 it received a registered letter from L.K. Krasovskii who lived in Zmeinogorsk. He pointed out that before being evacuated to Siberia he had worked at the Murovanka cork factory in Minsk province. According to him, the factory was located 23 km from the village of Filippovichi through which the Polish border line passed. Krasovskii's wife and daughter had stayed behind in Minsk, but in 1920 they moved to Poland. On these grounds, he asked for assistance in reuniting his family and obtaining, together with his son, passes for leaving for Poland. After the registration procedure in May 1921, the Krasovskiis filed applications to resign from their positions.²⁹

By the middle of the summer, Uevaks sent details about the territories that belonged to Poland to their branches. Those eligible to obtain Polish citizenship had to pre-

²⁵ ГААК, ф. Р-9, оп. 1, д. 50, л. 127.

²⁶ Ibid., ф. Р-45, оп. 1, д. 6, л. 4.

²⁷ Ibid., ф. Р-706, оп. 1, д. 10, л. 280.

²⁸ Ibid., д. 15, к. 18.

²⁹ Ibid., ф. Р-663, оп. 3, д. 1, л. 22.

sent documents confirming their residence before August 1, 1914 in Warsaw, Kalisz, Kielce, Lublin, Lomza, Plock, Piotrkow, Radom, Siedlce, Chelm, Suwalki (Suwalk and Augustow Uezds), Grodno (except for the town of Grodno and Grodnensky Uezd), Minsk (Pinsk and Novogrudsky Uezds), Volinsky (Volodymyr-Volynskiy, Kovel, Dubensky, Rivne, Kremenets, Lutsk and Ostrozhsky Uezds). The Altgubevak estimated that by December 1921 9,498 Polish refugees had been registered.³⁰

Even some Belarusian refugees now turned out to be Polish citizens according to where they had lived before the war. For example, in April 1923 the right to leave the Shipunovskii volost of Altai province was given to the members of the Romaniuk family, who had previously lived in Minsk province in the village of Nevda, and members of the Lutsik family, who had lived in Grodno province in the village of Orekhovo.³¹

In fall 1921, local provincial executive committees began to accept applications from "...Polish natives for the option³² of citizenship in favor of Poland." All interested persons were invited to fill in the forms and questionnaires in duplicate and submit them along a passport or birth certificate; or, if neither were available – a record of service, a secondary school certificate, an official list, etc. One copy of the application was to be sent to the NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs), the other – to the office of Poland's representative in Siberia.

In March 1922, an advertisement appeared in the supplement to *Krasny Altai*: "To Those Eligible for Polish Citizenship" from K. Gintovt, the Commissioner for Receiving Applications Polish Citizenship. It stated that all applications for citizenship were to be submitted simultaneously no later than July 30, 1922 to the office of Poland's representative in Siberia, the representative office of the Russian-Ukrainian-Polish Mixed Commission on Repatriation Affairs and to the management department of the local executive committee. The documents submitted to the former were to be originals along with a photograph of the applicant along with those of any family members over the age of 14.³³

If the application were rejected for any reason, the applicant could appeal this decision through the Ministry of Foreign Affairs of Poland. Persons who received permission to obtain Polish citizenship had the right to leave for the republic. However, as Gintovt's ad cautioned,

...due to transport problems in Russia, both the departure and the very option that requires relations with Moscow, and in some cases <...> with Poland, will inevitably be slowed down, and therefore applicants should refrain from liquidating their property until receiving a positive reply and time of departure.³⁴

The results

According to the report on the activities of the Office of the Special plenipotentiary of Tsentraevak in Siberia, as of January 1, 1922, based on incomplete data, there were 780,850 Poles in Siberia.³⁵ By the end of 1921, about 25% of the repatriates were back in their homeland. There were plans to send 2,528 Poles from Biisk Uezd in two echelons. The first was to leave on November 10, 1921 from Biisk station, and the second one – on November 15 from Bolshaia Rechka station.³⁶

³⁰ GAAK, f. P-663, op. 3, d. 15, l. 29.

³¹ Ibid., f. P-706, op. 1, d. 27, l. 107.

³² Option in international law – the choice of citizenship by persons with dual nationality, or living in a territory that has changed its affiliation with a country.

³³ E.V. Shcherbakova, "Zakonodatel'naia reglamentatsiia optatsii grazhdanstva (1920–1922 gg.)." *Leningradskii iuridicheskii zhurnal*, no. 2 (2012): 201–20.

³⁴ "Obiavlenie," Supplement to *Krasnyi Altai*. 12 March 1922.

³⁵ State Archive of the Novosibirsk oblast, f. P-2111, op. 1, d. 5, l. 17.

³⁶ GAAK, f. P-760, op. 1, d. 10, k. 520 obverse.

Evacuations were halted that winter due to the lack of transport and the poor condition of the railroad tracks. The arrival of “famine-refugees” from European Russia also complicated matters. The operation was partially restored in April 1922. According to the estimates of one researcher, L.K. Ostrovskii, 36,404 Polish refugees left Siberia between July 1921 and January 1923.³⁷

The end of the mass repatriation to Poland was announced in 1924. All Polish repatriates, regardless of their place of residence, were to apply to the Polish embassy in Moscow by November 15, 1924 to obtain an exit visa. The documents confirming the right to leave the USSR were to include an explanatory note on the reasons why a person had not left earlier.³⁸ However, repatriation lasted until 1925. Thus, in May 1925, the Biisk Uezd executive committee carried out an urgent registration of refugees who wished to leave for Poland. Those migrants registered by the local Uevak, but removed from the register due to the lack of necessary documents, did not need to register.³⁹

Conclusion

The repatriation of Polish refugees who settled in Siberia during World War I was carried out in the difficult conditions of the years after the Civil War and the economic crisis. Despite the creation of a whole network of bodies to control the evacuation, their work was severely hampered due to poor information of the center, the small number of employees, and the shortage of registration forms, among other. Many refugees left their settlements without permission, which complicated gathering an accurate count. In addition, some documents betrayed official fears that the outflow of the peasant population from the sparsely populated territory of Siberia might affect the country's economy, especially due to the poor harvest in the Volga region. Groups of forced migrants mostly left in late autumn, after the harvest.

Поступила в редакцию / Submitted: 21.03.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 06.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.10.2021

References

- Belova, I.B. “Bezhtentsy Pervoi mirovoi voyny v Sovetskoj Rossii 1918–1919 gg.” *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3 (2014): 32–36 (in Russian).
- Belova, I.B. “Polozhenie bezhtentsev Pervoi mirovoi voyny v Sovetskoj Rossii: 1921 g.” *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4–2 (18). (2012): 26–29 (in Russian).
- Belova, I.B. *Vynuzhdennye migranty: bezhtentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voyny v Rossii. 1914–1925*. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2014 (in Russian).
- Gatrell, P. “Refugee history and refugees during and after the First World War.” *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 62, no. 3 (2017): 497–521. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.305
- Gonczarow, Jurij M. “Polska rodzina na Syberii w połowine XIX i na początku XX wieku.” *Zeslaniec*, no. 29 (2007): 33–48 (in Polish).
- Lakhareva, N.V. *Reevakuatsyia bezhtentsev Pervoi mirovoi voyny s territorii Kurskoj gubernii (1918–1925)*. Kursk: KIGMS Publ., 2001 (in Russian).
- Nam, I.V. “Pol'skie bezhtentsy Pervoi mirovoi voyny v Sibiri.” In *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii rossijskoj administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri*. Omsk: Poligraf Tsentr KAN Publ., 2015 (in Russian).

³⁷ L.K. Ostrovskii, “Migratsiia kak faktor formirovaniya pol'skoi diaspory v Zapadnoj Sibiri. Chislennost' i sostav pol'skogo naseleniya na territorii kraja na rubezhe XIX–XX vv.” *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* 1, no. 5 (2014): 137–144.

³⁸ “Vnimaniiu pol'skikh bezhtentsev,” *Sovetskaja Sibir'*. 4 September, 1924.

³⁹ *Ibid.*

- Nam, I.V. *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)*. Tomsk: Tomsk university Publ., 2009 (in Russian).
- Oplakanskaya, R.V. “Deyatel'nost' predstavitel'stva Smeshannoi komissii v Sibiri po repatriatsii pol'skikh voennoplennykh v 1921 godu.” *Tomskii zhurnal LING i ANTR*, no. 3 (2015): 120–127 (in Russian).
- Ostrovskii, L.K. “Migratsiya kak faktor formirovaniya pol'skoi diaspori v Zapadnoi Sibiri. Chislennost' i sostav pol'skogo naseleniya na territorii kraya na rubezhe XIX–XX vv.” *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* I, no. 5 (2014): 137–144 (in Russian).
- Ostrovskii, L.K. “Repatriatsiya optantov, bezhentsev i voennoplennykh iz Sibiri v Pol'shu (1921–1924 gg.)” *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3 (2014): 70–74 (in Russian).
- Ostrovskii, L.K. “Repatriatsiya optantov, bezhentsev i voennoplennykh iz Sibiri v Pol'shu (1921–1924 gg.)” *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3 (2014): 70–74 (in Russian).
- Ostrovskii, L.K. *Polyaki v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – pervoi chetverti XX veka*. St. Petersburg: Ale-teiya Publ., 2018 (in Russian).
- Shaidurov, V.N. “Ethnic Entrepreneurship in the Russian Empire in the Era of Economic Modernization in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (as Illustrated in the Example of Siberia).” *Bylye gody*, no. 41–1 (3) (2016): 666–674.
- Shaidurov, V.N. “On the emerging polish diaspora and its development in Siberia in the first half of the 19th century.” *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 10 (2016, 9): 2496–2506. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-10-2496-2506
- Shaidurov, V.N. “The Polish community in Western Siberia: Adaption and integration features in the second half of the 19th century.” *Acta Histriae* 26, no. 2 (2018): 641–660, DOI 10.19233/AH.2018.26
- Shcherbakova, E.V. “Zakonodatel'naya reglamentatsiya optatsii grazhdanstva (1920–1922 gg.)” *Leninogradskii yuridicheskii zhurnal*, no. 2 (2012): 201–206 (in Russian).
- Shostakovich, B.S. “Sistemnaya sibirsko-pol'skaya istoriya – sovremennaya kon-tseptual'naya al'ternativa marginal'no-traditsionalisticheskogo diskursa istorii polyakov v Sibiri.” In *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii rossiiskoi administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri*, 10–22. Omsk: Poligraf tsentr KAN Publ., 2015 (in Russian).
- Skubnevskii, V.A., and Goncharov, Yu.M. “Polyaki v Sibiri (XIX – nachala XX v.) v osveshchenii postsovetsoi otechestvennoi istoriografii.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 69 (2021): 162–170. DOI: 10.17223/19988613/69/24 (in Russian).
- Sula D. *Powrót ludności polskiej: z byłego Imperium Rosyjskiego w latach 1918–1937*. Warsaw: Trio Publ., 2013 (in Polish).
- Tishkina, K.A. “Pol'skie organizatsii Barnaula v gody Pervoi mirovoi i Grazhdanskoi voin.” In Goncharov, Y.M., and Shaydyrov, V.N. eds. *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVIII – nachala XX v. Sbornik nauchnykh trudov*, 162–171. St. Petersburg: Mediapapir Publ., 2020 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Ю.М. Гончаров, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61, yuriig@yandex.ru

Yu.M. Goncharov, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of Russian History, Altay State University, 61, Lenin St., Barnaul, 656049, Russia, yuriig@yandex.ru

К.А. Тишкина, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской части Сибирского федерального университета, 660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 79, ksetishkina@mail.ru

K.A. Tishkina, Ph.D. in History, Researcher of the Research Department, Siberian Federal University, 79, Svobodny St., Krasnoyarsk, 660041, Russia, ksetishkina@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-517-530>

Научная статья / Research article

Проекты Правительства Юга России о развитии городского самоуправления в белом Крыму, октябрь – ноябрь 1920 г.

Василий Жанович Цветков

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Владимир, Россия

✉ vzh.cvetkov@mpgu.su

Аннотация: Изучаются особенности формирования экономической и политико-правовой основы развития городского самоуправления в последний период власти Правительства Юга России генерала П.Н. Врангеля в Крыму осенью 1920 г. В контексте проведения реформ врангелевским правительством в Крыму в 1920 г., преобразования в сфере городской жизни, городского самоуправления менее известны, чем преобразования в аграрной политике и земская реформа. Но преобразования в сфере работы городских дум и городских управ являются не менее актуальными для отечественной историографии. Рассмотрена специфика эволюции муниципального права в условиях предполагаемого дальнейшего существования Белого движения в Крыму, в случае отражения наступления Красной армии на Перекопе. В статье отмечается важность изменения законодательной базы в отношении расширения полномочий городского самоуправления не только в социальной, политической, но и в хозяйственной, экономической сфере. В первую очередь это проявлялось в области предоставления права введения налогов и сборов городскими структурами. Показаны перспективы роста влияния городского самоуправления на принятие экономических и политических решений врангелевского правительства. Дан анализ предполагавшихся форм сотрудничества белой власти и общественности в 1920-х гг. Отдельное внимание в статье уделено проблемам, которые рассматривались на специально созванном съезде городского самоуправления в Симферополе, накануне начала Перекопско-Чонгарской операции. Показана важность решений, которые были приняты во время работы данного съезда на перспективы укрепления финансового положения Крыма. В статье исследованы особенности взаимодействия власти правительства Врангеля и местного населения в период военно-политического кризиса Белого движения осенью 1920 г.

Ключевые слова: Белое движение, Белое дело, Гражданская война, городское самоуправление, муниципальное налогообложение, Союз городов

Для цитирования: Цветков В.Ж. Проекты Правительства Юга России о развитии городского самоуправления в белом Крыму, октябрь – ноябрь 1920 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 517–530. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-517-530>

Projects of the South of Russia's Government on the development of urban self-government in the White Crimea, October – November 1920

Vasiliy Zh. Tsvetkov

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, Vladimir, Russia

✉ vzh.cvetkov@mpgu.su

Abstract: The article studies the development of an economic and political-legal basis for the development of urban self-government under General Wrangel's Government of the South of Russia, in the Crimea, in the autumn of 1920. From among the Wrangel government's reforms in the Crimea

© Цветков В.Ж., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

in 1920, transformations in the sphere of urban life and urban self-government are less well-known than transformations in agrarian policy and the zemstvo reform. But changes in the operation of city dumas and city administrations are no less relevant for Russian historiography. The article considers the specifics of the evolution of municipal law in a situation where it was hoped that the offensive of the Red Army at Perekop could be beaten back. The article notes the importance of changing the legislative framework regarding the expansion of the powers of city self-government not only in the social, political, but also in the economic sphere. First of all, this was manifested in the field of granting the right to impose taxes and fees by city structures. The article discusses the prospects that an increased role of city self-government was supposed to have on economic and political decisions by the Wrangel government. The analysis includes the supposed forms of cooperation between the White power and the public in the 1920s. Special attention is paid to the problems that were considered at a specially convened congress of city self-government in Simferopol, on the eve of the Perekop-Chongar operation. The decisions taken during this congress were supposed to strengthen the financial situation of the Crimea. The article also examines the interaction between the authorities of the Wrangel government and the local population during the military-political crisis of the White Movement in the autumn of 1920.

Keywords: White movement, White cause, Civil war, city government, municipal taxation, Union of cities

For citation: Tsvetkov, V.Zh. "Projects of the South of Russia's Government on the development of urban self-government in the White Crimea, October – November 1920." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 517–530. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-517-530>

Введение

В исследованиях последнего периода истории Белого движения на Юге России большое внимание привлекают стратегические и тактические особенности ведения боевых операций, а также специфика военно-политического и политико-правового положения врангелевского Крыма. Меньше внимания в историографии уделяется социально-экономическим проблемам белого Крыма 1920 г. Следует отметить целый ряд работ современных российских и зарубежных историков, в которых дана характеристика различных аспектов политического и экономического положения Белого Крыма¹.

Можно выделить также работы, отражающие историю социально-политических отношений и государственных структур на территориях белых правительств, вышедших в свет во второй половине 2010-х гг. и связанных с юбилейными событиями революции и начала Гражданской войны в России².

Однако до настоящего времени в историографии отсутствуют исследования, посвященные политической истории последних недель и даже последних дней жизни белого Крыма, с акцентом на работу городского самоуправления. Весьма позитивным исключением, представляется увидевшая свет в текущем году работа В.В. Черемухина, посвященная именно этой проблематике³.

Существует традиционно высокий, сформировавшийся еще с начала 1920-х гг., интерес к военной проблематике, связанной с проведением Перекопско-Чонгарской операции Красной армии⁴.

¹ Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982; Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.). М., 2003; Крым. Врангель. 1920 год // Сборник статей. М., 2006; Кронер Э. Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля. М., 2011.

² Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015; Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды. 1917–1920 гг. М., 2017; Зеленков М.Ю. Социально-политические аспекты поражения Добровольческого Белого движения в России (1917–1920 гг.) // Политика и общество. 2016. № 1 (133), С. 21–32; Оганесов Г.А. Магдалианиду А., Семенов А.А. Российская интеллигенция и «Белое дело» в годы гражданской войны // Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения. Материалы II Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей. Кубанский государственный технологический университет, Армавирский механико-технологический институт. 2017. Армавир, 1917. С. 125–127.

³ Черемухин В.В. Город Керчь накануне Крымской эвакуации 1920 г. (по материалам региональной прессы) // Ключевские чтения – 2020. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. М., 2021. С. 358–362.

⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983; Тюленев И. Первая Конная в боях за социалистическую Родину. Очерк боевых действий. М., 1938; Левочкин А.И. Герои

При этом особенности состояния белого тыла в октябре – начале ноября 1920 года практически не рассматриваются. Между тем именно изучение данной темы может дать представление о возможной тогда перспективе самостоятельного развития полуострова, в качестве вероятного «острова Крым» (следуя названию известного романа В. Аксенова). В процессе анализа такой перспективы далеко не последнее место занимает изучение состояния местного самоуправления, поскольку именно от него в значительной степени зависела устойчивость всей системы власти, созданной на территории, занимаемой Русской армией (далее – РА) генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля и находившейся под управлением Правительства Юга России (далее – ПЮР).

Местное самоуправление – новая опора Белого движения

Летом – осенью 1920 г. врангелевское правительство активно проводило преобразования в аграрно-крестьянской сфере и в области земского самоуправления. Закрепление бывшей помещичьей земли «в собственность обрабатывающих ее хозяйств», создание структур «низового земского звена» требовало привлечения к реализации земельной и земской реформ местного населения. В первую очередь это относилось к зажиточным крестьянам-собственникам. Именно они должны были доминировать в волостных земельных советах, в волостном земстве. И именно на них «делалась ставка» в создании социальной среды, достаточно лояльной к Белому делу⁵.

Но не менее значимые перемены, также ориентированные на существенное расширение социальной базы белой власти, должны были произойти и в структурах городского самоуправления. Часть данных преобразований уже начинала осуществляться, но гораздо больший масштаб перемен, как будет показано далее, предполагался в 1921–1925 гг., в случае дальнейшего существования в Крыму Белого движения.

Источники по данной теме не отличаются большим объемом. Тем не менее их использование позволяет составить относительно полное представление как о масштабах предполагаемых перемен, так и о степени поддержки врангелевского правительства городской общественностью. Оценки внутривластного положения накануне «крымской катастрофы» даны в воспоминаниях представителей «белого тыла»⁶.

Важную информацию о положении крымских городов и о политике ПЮР содержат материалы периодической печати тех дней: газет, выходивших в Севастополе и Симферополе, а также военной прессы (такие газеты, как: «Великая Россия», «Юг России» и «Военный голос», издававшиеся в Севастополе, или «Крестьянский путь», выходивший в Симферополе).

Городское самоуправление в Крыму – изменения в экономическом статусе

Местное самоуправление в Крыму отличалось заметным влиянием. И в 1920 г. в условиях, когда актуальным стало осуществление провозглашенных Врангелем перемен во внутренней политике, невозможно было игнорировать интересы город-

Каховки и Перекопа. М., 1958; *Коротков И.С.* Разгром Врангеля. Оперативно-стратегический очерк (третье издание). М., 1955; *Кузьмин Н.Ф.* Крушение последнего похода Антанты. М., 1958; *Акулов М., Петров В.* 16 ноября 1920 года. М., 1989.

⁵ «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков, переписка 1919–1951 гг. М., 2001. Т. 1. С. 231–232.

⁶ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993; *Немирович-Данченко Г.В.* В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922; *Оболенский В.А.* Крым при Врангеле // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1925. Т. 9. С. 5–56; *Раковский Г.Н.* Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага, 1921; *Чебышев Н.Н.* Близкая даль. Париж, 1933.

ского представительства. В приказе № 179 от 12 октября 1920 г. (все даты указаны по старому стилю, официально употребляемому на белом Юге России. – В.Ц.) Врангель, подводя итоги полугодовой работы правительства, отмечал, в частности, проблемы крымских городов. Правитель Юга России заявлял, что его «тревожит положение городских жителей». «Равновесие между городом и деревней нарушено. Положение рабочих требует серьезнейшего понимания и участия. Общие условия культурной городской жизни расстроены, дороговизна пропитания делает положение интеллигентных тружеников еле переносимым. Выход должен быть найден – помимо общих финансово-экономических мер – и путем организации деятельной самопомощи, при широком содействии государства, которое я заранее обещаю...»⁷.

Врангель делал акцент на социокультурном и хозяйственном положении крымских городов не случайно. Еще в 1919 г. А.И. Деникин, его предшественник на посту Главкома ВСЮР, подчеркивал приоритет социально-экономической сферы над политическими запросами в повседневной жизни городов Юга России. Например, в своей речи на встрече с рабочими Одесских портовых мастерских он говорил: «...Я понимаю, что рабочим нужно одеваться, кушать и кормить детей – вот на это должно быть обращено главное внимание профессиональных союзов. А разрешение волнующих государственных вопросов пускай возьмет на себя народное представительство – Учредительное Собрание...»⁸

Однако экономическое положение городов не улучшалось. Требовались не только общие слова и декларации, но и реальные политические действия. Врангелевское правительство, исходя из общего курса на максимально оперативное разрешение многих назревших проблем тыла, а также учитывая ограниченность территории и ресурсов, принимает весьма прогрессивный, в отношении городского самоуправления, законодательный акт. Примечательна его публикация в крымских газетах за неделю до начала боев на Перекопе.

16 октября (пользуясь правом «первой подписи» за Главкома) его утвердил глава ПЮР А.В. Кривошеин, известный российский политик, сотрудник П.А. Столыпина. А с 18 октября на страницах крымских газет началась публикация обширного, детально разработанного «Временного Положения о городских доходах» (его проект был официально «приложен» к Журналу ПЮР от 24 сентября 1920 г. за № 48).

В первых двух статьях «Временного Положения о городских доходах» (далее – «Положение») перечислялся обширный перечень «источников городских доходов». Состоявший из 41 пункта, он включал гарантированные «поступления от городских капиталов и других городских имуществ, предприятий и оброчных статей», наряду с «различными поступлениями от казны и земств», «пособиями из средств Государственного Казначейства». Тем самым городам гарантировалась финансовая поддержка и от государства.

Далее перечислялись 36 довольно прибыльных источников финансирования городской казны, которые, как заявлялось в «Положении», городские думы могли определять самостоятельно. Это были, в частности, вводившиеся ранее и учреждаемые новые «сборы», устанавливавшие обложение как с имущества, так и с торгово-промышленной деятельности, работы транспорта. Среди них: «оценочный, с недвижимых имуществ», «добавочный к государственному подоходному налогу и самостоятельный подоходный», «квартирный» и, отдельно, «особый квартирный с квартирохозяев, отдающих комнаты в наймы», «комнатный», «с заведений, торгующих предметами роскоши», «с помещений промышленных и торговых предприятий», «с развозного и разносного промысла», «с извозного промысла», «с грузов, развозимых и

⁷ Врангель П.Н. Записки // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Берлин, 1928. Кн. 2. Т. 6. С. 220.

⁸ Генерал Деникин в Одессе. Одесса, 1919. С. 3.

вывозимых по железным дорогам и внутренним водным путям», «за зимовку судов и барок» и др.

Отдельную группу составляли разнообразные «сборы» с развлекательной деятельности, от «сферы услуг», в частности: «с ресторанных счетов», «с реклам, вывесок и объявлений», «с клубов, игральных карт и бильярдов», «с публичных зрелищ и увеселений». Весьма результативными должны были стать налоговые поступления от специфических операций, оказываемых на муниципальном уровне: «за санитарный осмотр привозимого в город мяса», «за рассмотрение планов на новые постройки и за выдачу разрешений на перестройки и капитальные исправления существующих зданий, а также за установку подъемников (лифтов. – *В.Ц.*)», «за занятие тротуаров при постройке новых и перестройке существующих зданий», «за клеймение мер и весов», «за выдачу разного рода удостоверений и справок» и др. Даже животные («лошади и экипажи», «собаки») предусматривались в качестве объектов налогообложения⁹.

Но основной частью налогооблагаемой базы оставалась недвижимость. Лишь небольшая часть объектов выводилась из-под муниципальных сборов («имущества, принадлежащие духовным установлениям... служащим непосредственно религиозным целям», здания «ученых обществ» и «служащие для просветительных, благотворительных и лечебных целей» в том случае, если они не приносили дохода, а также «железнодорожные земли») но, очевидно, это незначительно уменьшало откровенно финансово возможные муниципалитетов.

Показательный факт – «казенные здания.., которые заняты правительственными учреждениями», отнюдь не освобождались от «оценочного сбора», а лишь облагались «по сравнению с прочими недвижимыми имуществами в половинном размере». В «пониженном размере» предполагалось облагать все, что было связано с природоохранными территориями, например, «сады и парки», «палисадники и газоны», равно как и «имущества, имеющие историческое значение».

Еще один важный пункт «Положения» – льготное обложение при «оценочном сборе» для «новых построек», растянутое на шесть лет, до 1925 г. Это может служить очевидным подтверждением серьезности намерений ПЮР создать в Крыму прочную антибольшевистскую государственность.

Установленный перечень расширенной «налоговой базы» крымских городов дополнительно регламентировался «Положением». Так, например, вводилась достаточно простая, но, в то же время результативная схема определения размера «оценочного сбора». «Основанием для обложения недвижимых имуществ оценочным сбором служат или стоимость их, или средняя чистая доходность. Принятие того или другого основания для обложения недвижимых имуществ предоставляется усмотрению городской думы». Ориентировка же в «предельных ценах на квартиры» принималась, исходя из законодательства еще «деникинского периода» (апрель 1919 г.). Тем самым городское самоуправление могло корректировать, по собственному усмотрению, формат налогообложения в зависимости от конкретных экономических или иных условий¹⁰.

«Положением» устанавливался предельный размер «оценочного с недвижимых имуществ сбора» и, несмотря на то что городская дума могла самостоятельно и «единообразно для всех имуществ» устанавливать его, все же он не мог «превышать 30 % чистой доходности имуществ или 2 % стоимости их». Предельный размер (30 %) обложения вводился и для участков, сдаваемых в аренду. Интересно, что вследствие вероятной сложности выявления точных размеров дохода собствен-

⁹ Военный голос. 1920. 18 октября.

¹⁰ Там же.

ника, его обложение производилось исходя из «наемных цен за однородные или находящиеся в одинаковых условиях имущества, сдаваемые внаем в той же местности города». Дума получала право (после одобрения Гражданского и Финансового управлений ПЮР) производить раздельное обложение земли и строений по «различным ставкам обложения». А понятие «чистой доходности» определялось в относительно щадящем режиме, поскольку учитывался «валовой доход» за вычетом расходов по оплате казенных налогов, «по управлению, содержанию, охране и ремонту имущества», «по уплате аренды за землю», «по содержанию и ремонту мостовых и тротуаров, если таковые отнесены за счет владельцев».

Не реже одного раза в пять лет следовало производить «общую оценку всех недвижимых имуществ в городе», однако в случае возведения новых построек и сноса старых переоценка производилась досрочно¹¹.

«Положение» обязывало собственников декларировать «состав имущества и получаемый от него доход», что не исключало последующих детальных проверок со стороны муниципальных властей. В случае «неподачи заявлений или неполноты их» городская управа привлекала виновных к уголовной ответственности, а к собранному в принудительном порядке налогу прибавлялись пени (их размер – «не свыше 5 % с суммы недоимки, за каждый месяц просрочки, причем неполный месяц просрочки считался за полный»)¹². Очевидно, что подобная практика была направлена не только на упорядочение системы муниципальных налогов, но и на борьбу со спекулянтами, мошенниками, борьба с которыми провозглашалась ПЮР и самим генералом Врангелем в качестве приоритетных направлений внутренней политики в белом Крыму еще весной – летом 1920 г.¹³

Полученный таким образом доход поступал «в кассу городской управы». Казалось бы, гарантированное обложение имущества могло, в значительной степени, разрешить проблемы муниципальных бюджетов. Однако «Положение» не ограничивалось этим. Городское самоуправление получало право вводить дополнительное не только косвенное, но и прямое обложение. Так, например, «в целях поднятия благоустройства отдельных частей города» можно было ввести единовременные или регулярные «специальные сборы с недвижимых имуществ, расположенных в этих частях города». Интересно, что главным критерием для введения данных сборов становилась или общая площадь занимаемой тем или иным объектом недвижимости территории, или «длина фасада владения».

Но, пожалуй, наиболее результативным для муниципального бюджета мог бы стать новый формат налогообложения, напрямую связанный с размером получаемого дохода. Осенью 1920 г. Управление финансов, возглавляемое профессором М.В. Бернацким, приступило к упорядочению взимания подоходного налога, предполагаемого в качестве важного источника пополнения крымского бюджета на предстоящий 1921 г.¹⁴ В этой связи и городское самоуправление получало право учреждения собственной подоходной шкалы, коррелируемой с казенными ставками. В «Положении» отмечалось, что городские думы могут «устанавливать добавочный к государственному подоходному налогу сбор в размере не свыше 10 % с суммы государственного подоходного налога», причем делалось это «в одинаковом проценте для всех плательщиков подоходного налога». Для муниципалитета это было, безусловно, выгодно, так как не только позволяло использовать уже имеющиеся у казны сведения о плательщиках, но и давало возможность применять более

¹¹ Военный голос. 1920. 20 октября.

¹² Там же. 21 октября.

¹³ Юг России. 1920. 28 мая; Юг России. 1920. 11 июня.

¹⁴ Там же. 1920. 23 октября.

упрощенную схему прогрессивной ставки обложения, гарантировавшую получение стабильного дохода¹⁵.

Примечателен и устанавливаемый «Положением» порядок взимания «городского добавочного сбора». Он «исчисляется председателем участкового по подоходному налогу Присутствия и вносится плательщиками одновременно с государственным подоходным налогом, причем поступления распределяются между казной и подлежащим городом соответственно установленному процентному отношению городского добавочного сбора к государственному подоходному налогу». Таким образом, местный налоговый аппарат мог получать поддержку от государственного аппарата, а это был дополнительный фактор, способствующий сближению «власти и общественности».

«Положение» регулировало также и порядок взимания «квартирного сбора», которым облагались «лица, занимающие помещения для жилья как в собственных домах, так и в наемных, или предоставленных им в бесплатное пользование». Уплачивали «сбор» и «квартирохозяева», которые «сдавали внаем комнаты». Его размер «устанавливался городской думой единообразно», а предельный размер не мог превышать «20 % с годовой ценности квартиры».

Сумма «сбора» соответствовала «чистой доходности», которая вычислялась, исходя из «годовой валовой доходности сдаваемых внаем комнат, порядком, установленным городской думой», за вычетом следующих расходов: «части квартирной платы, падающей на сдаваемые комнаты», «по оплате квартирного налога, в той его части, которая причитается на сдаваемые внаем комнаты» и «на отопление, и освещение»).

«Квартирный сбор» дополнял «оценочный с недвижимых имуществ сбор», но был направлен, прежде всего, на физических лиц, и от его внесения освобождался довольно большой круг субъектов: правительственные, земские и городские учреждения, больницы, торговые и промышленные заведения, монастыри, рабочие общежития и военные казармы, ночлежные дома, воспитательные дома, учебные заведения, а также помещения дипломатических представительств иностранных государств.

Городская управа составляла кадастр (обновляемый ежегодно не позднее 7 января) сдаваемых в аренду жилых помещений. Отмечалась также и «приблизительная наемная цена», по которой производилась сдача. Сроки внесения «сбора» предполагались «равными долями» к 15 апреля и к 15 октября соответственно. Исходя из этого, можно было предположить, что к середине апреля 1921 г. в белом Крыму была бы проведена необходимая «инвентаризация» городских имуществ и муниципалитеты получили бы первые доходы от реализации принятого «Положения».

Ответственность за неуплату «квартирного сбора» была сугубо гражданской и определялась как «денежное взыскание в размере не свыше 10 тысяч рублей». До 15 тыс. увеличивалось взыскание в случае намеренного сокрытия дохода от сдаваемых квартир и комнат. Взимаемые суммы штрафа переводились в городскую казну. По ценам крымского рынка конца 1920 г. это не было значительными суммами, но для городского бюджета и они представлялись полезными¹⁶.

Показательно сравнение налоговой базы, введенной «Положением», с предшествующими периодами истории городского самоуправления. Предельный процент налогообложения составлял 10 %. Хотя, по ряду свидетельств, члены московской думы, например, выступали за повышение ставки обложения домовладельцев и до 30 %¹⁷. Как отмечалось выше, именно этот предел (не свыше 30 %) устанавливало уже врангелевское «Положение».

¹⁵ Военный голос. 1920. 21 октября.

¹⁶ Там же. 1920. 23 октября; Там же. 25 октября.

¹⁷ Московское городское самоуправление // История Москвы с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. 2. С. 281.

Политическая активность городского самоуправления. Создание Союза крымских городов

Крымское самоуправление отличалось и активной общественно-политической деятельностью. Не всегда и не во всем она была лояльной в отношении властей. Следует заметить, что осенью 1920 г. произошел неприятный инцидент, который Врангель в своих «Записках» характеризовал как «предательство», «подлую игру», «некрасивую историю». По его словам, «оппозиция из состава севастопольского городского самоуправления во главе с городским головой, социалистом-революционером Перепелкиным» напрямую обратилась к представителям Франции в Крыму с запиской, «порочащей Правительство Юга России» и содержащей целый ряд «частью искаженных, частью вымышленных фактов». Главком, имея на руках копию «записки», на встрече с делегацией редакторов крымских газет заявил о недопустимости подобных «обращений». После этого глава городского самоуправления Севастополя Я.Н. Перепелкин был вынужден заявить о своей отставке, мотивировав ее, правда, не политическими, а «материальными причинами», недостатком личной жилплощади (городская дума отставку не приняла)¹⁸.

Но все же критика власти не являлась характерной чертой крымского самоуправления. И белая власть стремилась применять отнюдь не только ограничительные меры в отношении политической позиции городов. Еще в 1919 г. денikinское правительство сохранило принципиальные положения избирательного законодательства, введенного в условиях «революционного законотворчества» после февраля-марта 1917 г., хотя и скорректировало их в сторону ограничения всеобщности и партийного представительства. По воспоминаниям председателя Таврической земской управы князя В.А. Оболенского, «в городах было сохранено всеобщее избирательное право, но с двухгодичным цензом оседлости и с мажоритарной системой выборов. Если двухгодичный ценз оседлости был несколько стеснителен, то замена пропорциональной системы выборов мажоритарной, с моей точки зрения, была весьма целесообразной. Конечно, то, что мне казалось улучшением, то другим могло представляться ухудшением законов Временного правительства, но, во всяком случае, изменения были небольшие и было бы совершенно несправедливо подчеркивать реакционный дух в законодательстве о самоуправлениях... Городские думы были избраны и приступили к работе. Избранные на основании нового закона, думы, благодаря введению ценза оседлости, по своему политическому и национальному составу явились более или менее правильным представительством оседлого населения крымских городов со всеми их особенностями. Севастополь сохранил свою социалистическую думу, в Ялте прошло правое большинство, в остальных городах победу одержали либо различные прогрессивно-демократические группировки, либо неопределенно-обывательские, но все же с прогрессивным уклоном»¹⁹.

В 1920 г. Кривошеин, при полном согласии Врангеля, поддержал местные инициативы по активизации политической деятельности крымских муниципалитетов. В сентябре главой Гражданского управления ПЮР С.Д. Тверским рассматривался проект изменения системы избирательного права, за счет разделения всех крымских городов (независимо от числа жителей) на избирательные округа, причем кандидату в депутаты не возбранялось участвовать в выборах «по любому округу»²⁰. Но особое внимание уделялось созданию новых представительных структур, призванных осуществить союз «власти и общества». В условиях ухудшения положения на фронте таким взаимодействием следовало укрепить положение в тылу.

¹⁸ Врангель П.Н. Записки. С. 217.

¹⁹ Оболенский В.А. Крым при Деникине // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Кн. 8. С. 20.

²⁰ Великая Россия. 1920. 25 сентября; Военный голос. 1920. 26 сентября.

Такой структурой призван был стать Союз крымских городов. В Крыму действовали структуры Всероссийского Союза городов, но если общегосударственная структура обладала большой известностью еще с дореволюционного времени и несомненным общественным признанием, то авторитет регионального представительного объединения еще предстояло получить. Основой крымского Союза стали неформальные собрания городских деятелей, апеллировавших к власти по самым различным вопросам. Однако только накануне «крымской эвакуации» 26 октября 1920 г. съезд городов Крыма приступил к работе в губернском центре – Симферополе. Официально опубликованная повестка дня гласила: «...1) организация Крымского съезда городов и избрание исполнительного органа союза (крымских городов. – В.Ц.), 2) финансовое положение городов, 3) продовольственный вопрос и 4) текущие дела...». Председателем съезда стал В.А. Оболенский²¹.

Несмотря на явное преобладание в программе работы съезда текущих вопросов, немаловажное значение имел вопрос об экономических перспективах крымского самоуправления. И в сложившейся ситуации принятое накануне «Положение» (рассмотренное в статье выше), установившее порядок уплаты городских налогов и сборов, стало той самой необходимой основой бюджетной независимости и основанием, пусть и небольшим, финансовой стабильности муниципалитетов.

Информации о работе общекрымского городского съезда, проходившего в условиях боев, развернувшихся на Перекопе и Чонгаре, немного. Пресса успела опубликовать лишь часть материалов. Последние номера газет закономерно уделяли больше внимания официальным приказам и отчетам о положении на фронте. Но сохранился небольшой по объему «неоконченный дневник» члена Симферопольской городской думы П.С. Бобровского, изданный в журнале «На чужой стороне» в Берлине, в 1924 г., под названием «Крымская эвакуация» (под псевдонимом П.Б.). В нем кратко излагался ход заседаний и давалась оценка основным результатам съезда. Его работа длилась четыре дня и завершилась поздно вечером 28 октября. В это время части РККА уже прорвали основные рубежи укреплений у Юшуни и готовились к переправе через Сиваш у Чонгара. Очевидно, заседания могли еще продолжаться, если бы не внезапная для многих его участников «крымская эвакуация».

Примечательно, что Бобровский представлял не только интересы городской думы губернского города, но и являлся председателем Симферопольской социал-демократической группы «Единство». Поэтому его характеристика общественных настроений в Крыму накануне эвакуации отражала не только мнение делегата общественного самоуправления, но и демонстрировала отношение левоцентристских структур к политике врангелевского правительства.

Согласно его запискам, съезд крымских городов «был задуман еще несколько месяцев тому назад. Инициатором его был Н.С. (Н.С. Арбузов – товарищ Симферопольского городского головы, народный социалист по своим политическим убеждениям). Целью съезда было создание Союза городов Крыма для разрешения целого ряда насущнейших вопросов городской жизни, главным образом, вопросов финансового и продовольственного. Необходим был Союз и для сношений с правительством, роль и значение которого в жизни крымских самоуправлений приняли неестественно большие размеры. Никаких политических целей съезду руководители его – Н.С. и я – не ставили. Но когда оказалось, что съезд соберется в столь исключительный момент, стало ясно, что он не может обойти молчанием создавшееся политическое положение.

8 ноября (по новому стилю. – В.Ц.) открылся съезд. Он был довольно многолюден. Были представители почти всех тринадцати крымских городов, были пред-

²¹ Военный голос. 1920. 16 октября.

ставители губернского земства и случайные гости – представители старой организации Всероссийского Союза городов, приехавшие из Севастополя.

Несколько неожиданно главнейшим вопросом съезда сделался вопрос о заграничном муниципальном займе. Идея этого займа принадлежала Н.С. Я ее всецело разделял. Вкратце она сводилась к следующему.

Города имеют огромные (и неуничтожаемые ни при каком политическом строе) имущества. Под эти имущества заграничные банки дают деньги. Города на эти деньги открывают собственные производства – мельницы, заводы и прочее. Таким образом, с одной стороны, улучшается финансовое положение городов, с другой – облегчается разрешение продовольственного вопроса. В то же время, если бы Франция и Америка (мы имели в виду, главным образом, эти страны) пошли на это, они оказали бы и могущественнейшую поддержку антибольшевистскому Крыму.

Этому вопросу суждено было стать гвоздем съезда – и по существу его, и потому, что на съезде неожиданно появился В.Л. Бурцев, приехавший в это время из Парижа. Бурцев прямо ухватился за эту идею. Не знаю, насколько она казалась ему осуществимой. Но, несомненно, она давала ему в руки новое оружие в его заграничной агитации. Появление Бурцева подняло настроение участников. На съезде раздались политические речи. Был принят текст обращения «К гражданам Франции и Северной Америки». Было постановлено вступить в переговоры с парижскими банками через представителя французского правительства при правительстве Врангеля...»²²

Бобровский упоминает Бурцева в качестве активного участника съезда не случайно. Приехавший из Парижа редактор эмигрантской газеты *La Cause Commune* («Общее дело»), известный в прошлом «борец с провокаторами» выступил в крымской печати с ярким заявлением, в котором писал: «...Надо убедить весь мир в том, что с большевиками невозможны никакие компромиссы. Что им должна быть объявлена беспощадная война. Пока большевизм не будет сокрушен в России – до тех пор не будет мира ни в Европе, ни в Америке...»²³

«Финансовое положение городов» закономерно стало «гвоздем съезда». Оно оказалось логично включенным в общую финансово-политическую программу, осуществлявшуюся ПЮР с начала осени 1920 г., со времени признания Францией врангелевского правительства де-юре. Получение займа от французских банков становилось весьма актуальной задачей для ПЮР, поскольку позволяло рассчитывать на укрепление рубля и стабилизацию бюджета, ослабленного значительными военными и административными расходами²⁴.

Но если обращения к французским финансистам только в форме эмоциональных воззваний о «союзническом долге» могли и не привести к ожидаемому результату, то схожие заявления, гарантированные имущественными обязательствами крымских городов под залог городской, в том числе курортно-санаторной недвижимости, очевидно, воспринимались бы в Париже по-другому.

Именно в этом контексте и следует рассматривать публиковавшееся в дни работы съезда «Положение», обеспечивавшее крымские муниципалитеты не только стабильными, но и достаточно большими по объему имущественными поступлениями. Помимо «доходных статей» от налогов и сборов города могли получить в бли-

²² П.Б. Крымская эвакуация (Неоконченный дневник) // На чужой стороне. Прага; Берлин, 1925. Кн. 11. С. 175–176.

²³ Юг России. 1920. 28 октября.

²⁴ Подробнее о финансовой политике врангелевского правительства в октябре-ноябре 1920 г. См., например: Цветков В.Ж., Цветкова Е.А. Участие профессора М.В. Бернацкого в разработке и осуществлении финансовой политики в условиях революции и Гражданской войны в России в 1917–1920 гг. // Новый исторический вестник. № 68 (2). 2021. С. 50–75.

жайшей перспективе право собирать налоги в «натуральной форме», не в рублях, а зерном или другой, пользовавшейся спросом на рынке сельскохозяйственной продукцией²⁵.

**«Раньше... мы считали своим долгом критику власти.
Теперь она казалась нам неуместной»²⁶**

Представители городского самоуправления заявили о поддержке ПШОР. В принятом съездом обращении социально-экономические и военно-политические аспекты стояли рядом: «Большевики – враги не только наши – они враги всего цивилизованного мира. Крым должен устоять и спасти Россию от большевистского ига... Ни для кого не тайна, что в экономическом положении Крыма заключается наша слабость, и лучше всего знаем это мы, представители городов Крыма, избранные всеобщим голосованием. Между тем это – единственный уголок необъятной России, в котором еще сохранилась русская государственность и культура, и живы, и действуют общественные силы в самоуправлениях, являющихся основой будущей русской демократической государственности. Еще живы самоуправления земские и городские, но работа их под гнетом тяжелых финансовых и экономических условий изо дня в день разрушается. Граждане Франции и Америки! Услышьте наш голос, представителей населения. Окажите материальную поддержку городам Крыма, на которых лежит бесконечно ответственная задача по борьбе с экономической разрухой в тылу армии, сражающейся против большевиков; помогите удовлетворить элементарные потребности населения и спасите нашу культуру»²⁷.

Городские «общественные деятели» искренне поддерживали белую власть в ее трагическом положении. Бобровский писал: «...Армия Врангеля отступила на перекопские позиции. Крым снова остался один, снова превратился в осажденную крепость. Кругом растет страх, что большевики, освободив силы с польского фронта, на этот раз возьмут Крым. Опасение это есть и у меня, и у моих друзей. Но все же мы надеемся, что армия устоит и отстоит Крым. Ведь отстояла же она его прошлой зимой. Правда, тогда большевики были слабы. Их главные силы были на польском фронте. Но ведь и наша армия была тогда совершенно ничтожной. Личность Врангеля как военачальника внушала к себе полное доверие. А мы неоднократно слышали его слова о неприступности Крыма. Больше боялись мы другого – что Крым не выдержит осады в продовольственном отношении. Будущее рисовалось, во всяком случае, очень тревожным. Можно было ожидать всего. И мы отдавали себе в этом отчет.

Но, несмотря на это, ни я, ни друзья мои не считали нужным и возможным менять линию своего поведения. И это не была близорукость, как обвиняли нас потом некоторые близкие люди. Нет. Поведение наше было основано на полной неприемлемости для нас советской власти. В происходившей гражданской войне мы сознательно были на стороне “белых”. А раз это так, мы, как политические и общественные деятели, должны были до конца бороться против советской власти и до конца поддерживать ту армию, которая ведет эту борьбу. Не только должны были, но и не могли иначе.

Все мы хорошо знали вопиющие недостатки этой армии и ее правительства. Первой в Крыму протестовала против неправильных, часто губительных шагов правительства Врангеля, против эксцессов его власти Симферопольская городская дума, а в ней, один из первых, я. Но наш протест, как бы силен он ни был, всегда

²⁵ Крестьянский путь. 1920. 29 октября.

²⁶ П.Б. Крымская эвакуация... С. 174–175.

²⁷ Последние дни Крыма (впечатления, факты и документы). Константинополь, 1920. С. 8–10.

оставался дружеским протестом. В нем никогда не было эс-дековского и эс-эровского злорадства. При таком отношении к происходящей борьбе критическое положение, в котором очутился Крым, только укрепило нас в нашей политической позиции. Война есть война и всегда предполагает возможность поражения. Эту возможность видели и мы. Но тот, кто верит в правоту дела, за которое борется, не может изменить ему из-за страха поражения. Напротив, он удвоит свои усилия. Так поступили и мы. Опасность, грозившая Крыму, заставила нас только теснее сплотиться вокруг армии и ее вождя.

Раньше, в период относительной безопасности, мы считали своим долгом критику власти. Теперь она казалась нам неуместной. Как в осажденной крепости, у нас остались только две заботы – армия и хлеб. Все остальное отошло на задний план. В таком настроении находился я, когда – в первой половине ноября – собрался городской съезд...»²⁸.

Схожие оценки давал в своих воспоминаниях глава Отдела печати ПЮР Г.В. Немирович-Данченко, родственник знаменитого театрального деятеля. Отмечая особенности тех, кто вместе с армией Врангеля эвакуировался из Крыма, он писал: «...Не побежденных капиталистов напоминали эти, потерявшие рассудок люди, отягощенные детьми и пожитками, а беглецов перед приближением стихийной катастрофы... Зрелище весьма поучительное для тех, кто, отвергая большевиков, стремится объяснить неуспех “белых” враждебностью к ним так называемой демократии (очевидно, имелась в виду позиция П.Н. Милюкова и редактируемой им парижской газеты “Последние новости”. – В.Ц.). Если бы эти упрямыцы могли наблюдать картины гражданской войны в России не из Парижского или Берлинского далека, а путем непосредственного восприятия, они убедились бы, что не только демократия, но даже «люмпен-пролетариат», каковым на 50 % была крымская беженская масса, стремился присоединиться к отступавшей в море Русской армии. В одном только недостаточном типичными демократами были эти оборванные, голодные и физически грязные люди: в том, что, потеряв все, они еще сохранили свою гордость и не умели «подчиняться насилию», как повелевает хороший демократический тон... Как ни велики были ошибки Правительства Юга России, приведшие Русскую армию к бесславному исходу, одна картина оставления в двое суток 146 000 русских людей, вместе с Русской армией, ее последнего прибежища свидетельствует о том, что широкие слои населения все поняли и все простили ее вождям...»²⁹.

Выводы

Таким образом можно отметить, что экономические, хозяйственные основы жизни муниципалитетов изменились к 1920 г. Для российского городского самоуправления получение доходов за счет обложения недвижимого имущества, дополнительных отчислений от квартирных поступлений владельцев и арендаторов представлялись гарантированным источником увеличения муниципального бюджета. Однако более перспективным, учитывая опыт работы муниципалитетов во второй половине XIX – начале XX столетия, представлялся доход, получаемый от городских предприятий. Городской транспорт, коммунальные услуги, городские кредитные организации, заводы и фабрики, кооперативы – все эти источники поступления средств могли бы давать гораздо больший доход, чем, собственно, налоговые источники.

Но в условиях Гражданской войны, экономического кризиса, значительного износа городского хозяйства рассчитывать на скорый рост доходов за счет производственной деятельности не приходилось. А облагаемое имущество всегда остава-

²⁸ П.Б. Крымская эвакуация... С. 174–175.

²⁹ Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922. С. 99–100.

лось в пределах городских границ, и его стоимость могла расти пропорционально росту спроса и сужению предложения. Регламентация в «Положении» данного источника дохода свидетельствовала о существенном интересе ПЮР к сотрудничеству с городами.

Следовало учесть также и специфику Крыма, как возможного (даже в условиях незавершенной гражданской войны) центра для развития международного сотрудничества, развития совместных предприятий и структур курортного профиля. Эти перспективы были вполне реальны, принимая во внимание факт юридического признания Францией правительства Врангеля и ее заинтересованность в экономическом развитии крымской инфраструктуры. Развитие международной торговли и сферы услуг, создание совместных предприятий могли компенсировать слабость собственной экономической базы, особенно в приморских городах.

В политическом отношении в белом Крыму в октябре – ноябре 1920 г. объективно формировались предпосылки для более тесного взаимодействия между структурами власти и общественностью. Создание Союза крымских городов, при непосредственной поддержке правительства, обеспечивало большую прочность в отношениях между фронтом и тылом и создавало определенные перспективы для эволюции антибольшевистского сопротивления на Юге России в случае удержания оборонительных рубежей у Перекопа и Чонгара, что отнюдь не исключалось военным и политическим руководством белого Юга.

Поступила в редакцию / Submitted: 03.08.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.10.2021

References

- Akulov, M. Petrov, V. *16 noiabria 1920 goda*. Moscow: Molodaya Gvardya Publ., 1989 (in Russian).
- Chebyshev, N.N. *Blizkaia dal*. Paris: [S.n.], 1933 (in Russian).
- Cheremukhin, V.V. “Gorod Kerch' nakanune Krymskoj evakuacii 1920g. (po materialam regional'noj pressy).” *Kliuchevskie chteniia – 2020. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchennykh*, 358–362. Moscow: Sputnik+ Publ., 2021 (in Russian).
- Karpenko, S.V. *Oчерки istorii Belogo dvizheniia na Iuge Rossii 1917–1920 gg*. Moscow: Ippolitov Publ., 2003 (in Russian).
- Kirmel', N.S., and Handorin, V.G. *Karaiushchii mech admirala Kolchaka*. Moscow: Veche Publ., 2015 (in Russian).
- Korotkov, I.S. *Razgrom Vrangelya. Operativno-strategicheskii oчерk*. Moscow: Voenizdat Publ., 1955 (in Russian).
- Kroner, E. *Belaia armii Chernyy baron. Jizn generala Petra Vrangelia*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Kuzmin, N.F. *Krushenie poslednego pokhoda Antanty*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1958 (in Russian).
- Levochkin, A.I. *Geroi kakhovki i Perekopa*. Moscow: DOSAAF Publ., 1958 (in Russian).
- Nemirovich-Danchenko, G.V. *V Krymu pri Vrangele. Fakty i itogi*. Berlin: [S.n.], 1922 (in Russian).
- Obolenskii, V.A. *Krym pri Denikine*. Bk. 8 of *Na chujoi storone*. Berlin; Praga: [S.n.], 1924 (in Russian).
- Obolenskii, V.A. *Krym pri Vrangele*. Bk. 9 of *Na chujoi storone*. Berlin; Praga: [S.n.], 1925 (in Russian).
- Oganesov, G.A. Magdalianidu, A., and Semenov A.A. “Rossiiskaia intelligentsiia i «Beloe delo» v gody grazhdanskoi voiny.” *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiia Rossii: kharakter, faktory i puti resheniia. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov, prepodavatelei. Kubanskii gosudarstvennyj tekhnologicheskii universitet, Armavirskij mekhaniko-tekhnologicheskii institut*. 2017, 125–127. Armavir: Frmavirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2017 (in Russian).
- Rakovskii, G.N. *Konets belykh. Ot Dnepra do Bosfora*. Praga: Volia Rossii Publ., 1921 (in Russian).
- Ratkovskii, I.S. *Khronika belogo terrora v Rossii. Repressii i samosudy. 1917–1920 gg*. Moscow: Algoritm Publ., 2017 (in Russian).
- Ross, N. *Vrangel v Krymu*. Frankfurt am Main: Possev Publ., 1982 (in Russian).

- Savich, N.V. *Vospominaniia*. St. Petersburg; Dyussel'dorf: Logos Publ.; Goluboi vsadnik Publ., 1993 (in Russian).
- Tiulenev, I. *Pervaia konnaia v boiakh za sotsialisticheskuiu Rodinu. Ocherk boevykh deystvii*. Moscow: Voenizat Publ., 1938 (in Russian).
- Tsvetkov, V.J., Tsvetkova, E.A. "Professor M.V Bernatsky and his financial policy under the conditions of the Revolution and the Civil War." *Novyj Istoriceskij Vestnik* 68, no. 2 (2021): 87–117 (in Russian).
- Vrangel, P.N. *Zapiski*. Bk. 2, vol. 6 of *Beloe delo. Letopis beloi borby*. Berlin: Mednyi vsadnik Publ., 1928 (in Russian).
- Zelenkov, M.YU. "Social'no-politicheskie aspekty porazheniia Dobrovol'cheskogo Belogo dvizheniia v Rossii (1917–1920 gg.)." *Politika i obshchestvo*, no. 1 (2016): 21–32.

Информация об авторе / Information about the author

В.Ж. Цветков, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета, 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1; профессор кафедры истории России Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 600000, Россия, Владимир, ул. Горького, 87, vzh.cvetkov@mpgu.su

V.Zh. Tsvetkov, Dr. Habil. Hist., Professor of the Modern Russian History Department, Moscow Pedagogical State University, 1, bld. 1, Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia; Professor of the Russian History Department, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, 87, Gorky St., Vladimir, 600000, Russia, vzh.cvetkov@mpgu.su

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-531-542>

Научная статья / Research article

Еврейские воинские формирования в войсках атамана Г.М. Семенова в Забайкалье в 1919–1920 гг.

Денис Романович Касаточкин

Московский детско-юношеский центр экологии, краеведения и туризма, Москва, Россия
✉ denis-diderot@yandex.ru

Аннотация: На основе широкого круга источников, в том числе документов Российского государственного военного архива, анализируются малоизвестные страницы истории национальных белых контрреволюционных формирований, созданных атаманом Г.М. Семеновым в начале 1919 г. из еврейского населения Забайкалья. Уникальность Отдельной еврейской роты заключается в том, что она была единственным регулярным вооруженным формированием, состоявшим из евреев, принимавших участие в боевых действиях на стороне Белого движения. Еврейские национальные подразделения являлись одной из этноконфессиональных частей войск атамана Г.М. Семенова, наряду с китайскими, сербскими, бурятскими, монгольскими, кавказскими, татарскими формированиями. Их деятельность на протяжении 1919 г. хотя и носила большей частью гарнизонный характер, однако им приходилось вести бои с партизанами в крайне тяжелых условиях. Переход этих этнических формирований к красным в период, когда Белое движение в Забайкалье уже испытывало агонию, не был чем-то исключительным. Также в статье уделяется внимание положению евреев в Забайкалье во время Гражданской войны и отношению к еврейскому вопросу атамана Г.М. Семенова.

Ключевые слова: атаманщина, Гражданская война, Белое дело, белые армии, антибольшевистские силы

Для цитирования: Касаточкин Д.Р. Еврейские воинские формирования в войсках атамана Г.М. Семенова в Забайкалье в 1919–1920 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 531–542. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-531-542>

Jewish national units among the troops of Ataman G.M. Semyonov in the Transbaikal, 1919–1920

Denis R. Kasatochkin

Moscow children and youth center for ecology, local history and tourism, Moscow, Russia
✉ denis-diderot@yandex.ru

Abstract: This article is based on a wide range of sources, including documents of the Russian State Military Archive. It tells about a little-known national white counterrevolution formation created by Ataman G.M. Semyonov in early 1919 and recruited from the Jewish population of Transbaikalia. The uniqueness of this separate Jewish company lies in the fact that it was the only regular armed formation consisting of Jews and participating in combat action on the side of the White movement. In this way, at the very beginning of 1919, a detachment that included a Jewish company fought against the Red partisans and internationalists in the Yakut taiga on the Magyar rift. In addition, the Jewish divisions carried out garrison service in different settlements of the “Semyonovskii kingdom.” During the summer of 1919, underground Bolshevik cells began to form, which in the spring of 1920 led to

a revolt in the white Jewish units. An insurrection in the village of Aleksandrovka was suppressed by Semyonov's forces. On 23 April 1920 a separate Jewish company in full strength successfully went over to the side of the Reds in the village of Nerchensky Zavod. In response, the Red command decided to create the 4th Rifle Partisan Regiment from among the Jewish partisans who had gone over to the Bolshevik side. Thereafter, this regiment was transformed into the 15th Infantry Regiment of the People's Revolutionary Army of the Far Eastern Republic. In the fall of 1920, it took part in heavy battles for Borzya and Dauria. All this is disclosed in more detail in this article. The Jewish national divisions were only one of the ethno-confessional units of the troops of ataman G.M. Semenov, next to Chinese, Serbian, Buryat, Mongolian, Caucasian and Tatar formations. Their activities in 1919 were mostly garrison work in nature, but they also had to fight against the partisans in extremely difficult conditions. The transition of these ethnic groups to the Reds was not surprising, at a time when the White movement in Transbaikalia was already in agony. The article also pays attention to the position of Jews in Transbaikalia during the Civil War and the attitude of Ataman G.M. Semenov to the Jewish matter.

Keywords: The Civil War, White cause, White armies, anti-Bolshevik forces, atamanshina

For citation: Kasatochkin, D.R. "Jewish national units among the troops of Ataman G.M. Semenov in the Transbaikal, 1919–1920." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 531–542. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-531-542>

Введение

Участие евреев в Русской революции 1917 г. и Гражданской войне принято ассоциировать исключительно со стороной красных. Своей деятельностью Л.Д. Троцкий, Э.М. Скиянский, И.Э. Якир, М.М. Лашевич, А.П. Розенгольц и другие внесли немалый вклад в победу Красной армии в Гражданской войне. Значительное место евреи занимали в Военных Советах фронтов, армий, дивизий; немало евреев входило в комиссарский состав более мелких подразделений. Не было исключением и Дальний Восток, где большое количество евреев занимало важные посты в частях НРА ДВР¹.

В противоборствующем же лагере белых, в Забайкалье, была иная ситуация: среди командного состава евреев практически не было, зато была отдельная национальная еврейская часть. Не лишним будет заметить, что для Белого движения этот случай является практически исключительным. Евреи служили и доблестно сражались в составе некоторых белых частей, на всех театрах военных действий Гражданской войны. Имели место и еврейские формирования, носившие характер отрядов самообороны, которые были либо лояльны Белому движению (Одесская еврейская дружина), либо даже включались в состав армии (Еврейский добровольческий отряд в составе Сибирской армии²), но нигде, кроме как в Забайкалье, не имело место существования регулярного специального еврейского белого воинского формирования.

Целью исследования является реконструкция процесса формирования, деятельности и роли еврейских национальных частей в Гражданской войне в Забайкалье. В отечественной историографии нет специальных работ, посвященных данной проблеме. В работах читинского историка-краеведа В.И. Василевского содержатся сведения о боях еврейской роты на Мадьярском перекате и образовании в ней подпольной большевистской ячейки. В статье иркутского историка П.А. Новикова о национальных частях в Забайкалье, кроме еврейской роты, рассказывается также о «еврейской сотне»³. В монографии А.М. Романова⁴ содержатся сведения из Госу-

¹ См. подробнее: *Левкин Г.Г.* Волочаевка без легенд. Приамурское географическое общество. Хабаровск, 1999. С. 187–193.

² *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 212.

³ *Новиков П.А.* Национальные формирования антибольшевистских сил в Юго-Восточной Сибири (1917–1920 гг.) // Вестник Иркутского государственного технического университета. № 4 (20). 2004. С. 31–38.

⁴ *Романов А.М.* Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013.

дарственного архива Забайкальского края (далее – ГАЗК) о штате и примерной численности еврейской роты.

Источниковой базой данной работы послужили материалы шести фондов Российского государственного военного архива, содержащие приказы по частям войск атамана Семенова и Дальневосточной армии, сведения о личном составе еврейских отрядов. Ценнейшими источниками по истории возникновения и деятельности еврейских подразделений являются воспоминания их бойцов⁵. Также были использованы воспоминания современников и периодическая печать того времени. Использовались номера читинских газет – «Восточная окраина» и «Забайкальская» «Новь», иркутских – «Мысль» и «Свободный Край», верхнеудинской газеты «Прибайкальская жизнь» и других.

Евреи в Забайкалье до начала Гражданской войны

С середины XIX в. в крупных городах Забайкалья имелись значительные еврейские колонии. К началу XX в. в Верхнеудинске, Баргузине, Чите, Нерчинске были построены синагоги, имелись общественные и религиозно-учебные еврейские заведения. Например, только в Чите имелись четыре хедера⁶. В Верхнеудинске хедер открылся в 1908 г., спустя два года была учреждена талмуд-тора⁷ для обучения бедных детей. В 1913 г. открылось общественное русско-еврейское училище, еврейское училище имелось также в Баргузине. Если в конце XIX в. евреи занимались преимущественно торговлей, ремесленничеством, то с начала XX в., помимо торговли, они все больше занимаются предпринимательством. Среди забайкальских золотопромышленников также были евреи. Как владельцы значительного капитала они приобретали все большее политическое влияние и играли активную роль в общественной жизни региона, принимая участие в деятельности органов местного самоуправления⁸.

Несмотря на то что в силу ряда причин евреи в целом имели значительно большую социальную и политическую активность, революционные события 1917 г. были восприняты еврейским населением Забайкалья в основном так же, как приняла их основная масса населения, то есть часть поддержала советскую власть, часть симпатизировала тем, кто примкнет впоследствии к контрреволюционному лагерю, но большинство остались на нейтральной позиции.

С утверждением в Забайкалье с осени 1918 г. власти атамана Г.М. Семенова ситуация кардинально не изменилась.

«В семеновском царстве»⁹

Антисемитом Г.М. Семенов не был. Хотя это напрямую не касалось его подчиненных – молодых, как правило, казачьих офицеров, сделавших на службе у атамана Семенова головокружительную карьеру. Тем не менее серьезных еврейских

⁵ Абрамович И.Л. Воспоминания. М. 2004; Пригожих А.В. Отдельная еврейская рота. Из истории Гражданской войны в Забайкалье 1918–1920 гг. // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов. М., 2018.

⁶ Хедер – еврейская религиозная школа. См. подробнее: Локишин А.Е. Высшее духовное образование в иудаизме в Российской империи: преемственность и модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 2. С. 248–295.

⁷ Талмуд-тора – еврейская религиозная начальная школа.

⁸ Нам И.В., Наумова Н.И., Рабинович В.И. Быть евреем»: институционализация этничности сибирских евреев в условиях революции и гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 53–62.

⁹ В конце 1918 г. генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев был назначен А.В. Колчаком начальником Чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий полковника Семенова и подчиненных ему лиц. Посетив подвластную Г.М. Семенову территорию, он назвал ее в своих записках «семеновским царством».

погромов, какие, например, были на Белом Юге, Сибирь при Колчаке и Забайкалье при Семенове не знали. Разумеется, речь не идет об единичных случаях¹⁰, инициированных отдельными личностями. Автор обличающих атамана Семенова записок, скрывающейся под псевдонимом Даурец, писал: «Часто можно было читать приказы атамана, чтобы не устраивать никаких погромов еврейских и относиться к евреям так же, как и к русским, и вообще в таком духе»¹¹.

Г.М. Семенов пытался поддерживать хорошие отношения с торговыми кругами, фабрикантами, а также золотопромышленниками, среди которых значительную роль играли евреи. Так, когда Семенов остро нуждался в средствах, «к нему пришел представитель евреев, которых в то время в Чите было много, вручил ему солидную сумму денег. В следующий раз, когда у Семенова не было денег, он лично обратился к представителям-евреям и получил от них 30–40 тыс. руб.»¹². С еврейскими купцами вел дела даже начальник Азиатской конной дивизии барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг, который, как известно, был махровым антисемитом¹³.

В Чите при атамане Г.М. Семенове продолжила работать синагога и еврейское училище, более того, открылись еврейское культурно-просветительское общество «Независимый путь», еврейские библиотека и драматический кружок¹⁴. Примером такого лояльного отношения к евреям может служить просьба читинского раввина Льва Шергова, опубликованная в местной газете «Восточная окраина»: «Читинский общественный раввин просит начальников всех войсковых частей, правительственных и общественных учреждений, администрацию торгово-промышленных организаций и владельцев торговых фирм освободить от занятий служащих иудейского вероисповедания в следующие дни еврейского праздника Пасхи: 3, 4, 9 и 10 апреля и накануне праздника 2 апреля с 12 час. дня»¹⁵.

Репрессиям при Семенове, как правило, подвергались либо по политическим причинам, либо речь шла о произволе, вызванном желанием наживы у дорвавшихся до власти «чинов отряда»¹⁶, то есть семеновцев. Последнее не являлось чем-то из ряда вон выходящим в условиях Гражданской войны и царившей в регионе атамандщины. Например, отряд Приамурского конного полка во главе с есаулом Н.В. Танковым ходил в экспедицию на Акшу и Нерчинск, откуда были привезены ценности, деньги, лошади и продовольствие, реквизированные, в том числе, и у одного еврея, сына большевика. Этого еврея Танков привез в Туринский поселок¹⁷, где его, по словам местного священника, зарубили у проруби реки Ингода¹⁸.

В верхнеудинской газете «Прибайкальская жизнь», издававшейся Прибайкальским союзом кооперативов, показан примечательный случай ареста еврея, произошедший осенью 1918 г. в Чите: «12 сентября офицером семеновского отряда на улице арестован был служащий городской управы Левин как «комиссар». Дело можно было выяснить очень просто: пойти в городскую управу и удостовериться, что Левин безвыездно проживал последние два г. в Чите и все время служил в управе. Но арестовавшие поступают иначе: делают обыск у него дома, забирают все его немецкие

¹⁰ Рассказывая о весеннем наступлении колчаковской Западной армии, генерал М. Жанен отмечал, что «не хорошо для дисциплины повторять солдатам: Смерть комиссарам! Смерть жидам!» // См.: Janin Maurice. *Ma mission en Sibirie. 1918–1920*. Payot, Paris. 1933. P. 128.

¹¹ *Даурец Н.П.* Семеновские застенки. Харбин, 1921. С. 18.

¹² *Марковчин В.В.* Три атамана. М., 2003. С. 222.

¹³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 39454. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

¹⁴ *Василевский В.И.* Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: краткие очерки истории. Чита, 2000. С. 98.

¹⁵ Восточная окраина. 1920. 1 апреля. С.3.

¹⁶ Здесь имеется в виду Особый Маньчжурский отряд (далее – ОМО).

¹⁷ Здесь находился штаб Приамурского полка. Ныне село Большая Тура, Карымского района.

¹⁸ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 124. Л. 286.

учебники (Левин готовился ехать в Томск для поступления в университет), и, находят у него, между прочим, членскую карточку, из которой явствует, что он принадлежит к сионистской организации...¹⁹ Среди производивших обыск нашелся «эксперт», офицер, еврей, разъяснявший, «что сионистская организация то же, что и эсеровская... Левина до сих пор держат в тюрьме»²⁰. В приведенном эпизоде – два характерных момента: отождествление сионизма с эсерами и наличие среди чинов ОМО евреев.

В Особый Маньчжурский отряд и другие семеновские части евреи могли попасть как по мобилизации, так и добровольно. Например, в Отдельной тяжелой батарее Сводной Маньчжурской дивизии служил доброволец Цибульский Михаил Иосифович, 17 лет, иудейского вероисповедания²¹; в 4-й роте Читинского стрелкового полка служил доброволец Селим Гельман, 20 лет, иудейского вероисповедания, из Виленской губернии²². Следует учитывать тот факт, что с упразднением в 1915 г. черты оседлости евреи получили право беспрепятственно поступать в военные учебные заведения. Конечно, более всего это характерно для южных регионов, где процент еврейского населения был во много раз выше, но и в Сибири шли те же процессы. Например, в Иркутском военном училище в 1918 г. из 300 воспитанников около 40 были евреями. Полковник В.Н. Шаренберг писал в своих записках: «Евреи держатся особняком. Юнкера относятся к ним крайне отрицательно. Бывали случаи кулачной расправы»²³. Что касается Читинского имени Атамана Семенова военного училища, то уже в эмиграции, в 1963 г., один из его выпускников вспоминал: «Евреи появились и в училище: в батарее – Гаврилович, в пехотной роте – Горбулев, в сотне – Кавалерчик, георгиевский кавалер, юнкер Иркутского военного училища, участник боев за Иркутск, в декабре 1917 г.; караим Гусинский – фельдфебель 1-го выпуска, позднее в Шандуне китайской службы подполковник»²⁴. Более того, семеновское разведывательное управление в Чите осенью 1918 г. возглавлял еврей Гутман. Офицером он не был, но носил псевдоним «поручик Востоков»²⁵.

20 декабря 1918 г. в Мариинском театре в Чите около 10 часов вечера, во время второго акта оперетты «Пупсик» в ложу атамана было брошены две бомбы, а также произведены неизвестными несколько выстрелов. Взрывом одной из них были ранены сам Г.М. Семенов, несколько офицеров и сопровождавших их женщин. Вскоре по делу был арестован рядовой 31-го Читинского полка еврей М.Л. Беренбаум (Неррис). Арестованного привезли в Маккавеево, где располагалась Сводная Маньчжурская имени Атамана Семенова дивизия. В бане, служившей гауптвахтой, его сначала пытали шомполами и нагайками. Для «допроса» позвали китайца Чав Го-тина. Жгли каленым железом, волосы облили керосином и подожгли. Периодически жертве давали отдохнуть и прийти в себя, затем вновь продолжались пытки. Пытаемый не выдержал и сказал, что признается во всем. Он заявил, что в Иркутске имеется антисеменовская организация, членом которой он является и ему выпало убить Семенова²⁶. После пыток арестованный скончался, потому так и осталось не ясно, были ли его показания правдой или он просто не смог терпеть изуверских пыток²⁷.

¹⁹ Сионистская организация, в состав которой входили представители разных партий, была создана в Чите после февральско-мартовских событий 1917 и располагалась в Читинской синагоге.

²⁰ Прибайкальская жизнь 1918. 26 октября. С. 2.

²¹ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 10 а. Л. 178.

²² Там же. Ф. 39849. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 об.

²³ Там же. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 123. Л. 74.

²⁴ Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918–1922) // Военная быль. 1963. Сентябрь. № 62. Париж. С. 28.

²⁵ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 121. Л. 24 об.

²⁶ Даурец Н.П. Семеновские застенки. С. 15–16.

²⁷ Впоследствии в ходе расследования этого дела были арестованы еще двое заговорщиков. Среди отличившихся контрразведчиков оказался печально известный Л.В. Сипайло, чья карьера после

Именно с этим покушением на атамана многие и связывали сведение всех евреев из частей семеновских войск в одну Отдельную роту. Инициатором создания этой национальной еврейской части выступил оказывавший сильное влияние на атамана генерал-майор И.Я. Шемелин²⁸, один из приближенных Семенова наряду с Е.Д. Жуковским, Л.В. Вериго и бароном Р.Ф. Унгерн-Штернбергом.

Это отнюдь не противоречило убеждениям Г.М. Семенова, который был сторонником отдельных этнических частей. В своих мемуарах он писал: «Я до конца придерживался принципа национализации частей своей армии и всегда находил и нахожу теперь, что это наиболее правильное решение, принимая во внимание разноплеменность состава бойцов, их различное воспитание и понимание дисциплины, вытекающие из того обстоятельства, что они принадлежали к разным народам и даже государствам. Я считал, что к такой разноплеменной армии совершенно невозможно подходить с общей меркой психологической и политической оценки частей ее составляющих, и последующие события доказали полную мою правоту. В обстановке гражданской войны однородные по племенному составу воинские части имели более крепкую внутреннюю спайку»²⁹. Также говорили, что еврейскую роту патронировала «атаманша» Маша (М.М. Глебова), любовница атамана, которая, согласно некоторым данным, сама была еврейкой и имела фамилию Розенфельд³⁰. По словам одного из офицеров, служивших у Семенова, «главная роль ее сводилась к спекулятивной деятельности, в которой она поддерживала главным образом евреев-спекулянтов, делая миллионный оборот»³¹.

Еврейские подразделения в семеновских войсках

В приказе Семенова от 4 марта 1919 г. указывалось: «При Отдельной Восточно-Сибирской армии, по примеру других воинских частей – кавказских, бурятских, сербских и т. д. формируется национальная еврейская рота. Запись желающих производится ежедневно в штабе армии от 10 до 12 час. дня у дежурного офицера»³². Любопытно, что создание национальной еврейской части в войсках Семенова вызвало определенный общественный резонанс. Так, иркутская газета «Мысль» писала: «Как выяснилось, такое формирование предпринимается семеновским штабом и никакие еврейские общественные группы к нему не имеют никакого отношения. Исполнительное бюро еврейского национального совета общин Сибири и Урала просит нас сообщить о том, что оно также не имеет никакого отношения к этому «еврейскому отряду»»³³.

Штат Отдельной роты при Особом Маньчжурском Атамана Семенова отряде включал в себя 11 офицеров: командира роты, помощника по хозяйству, делопроизводителя и 8 младших офицеров, фельдфебеля, 5 взводных унтер-офицеров и 8 младших. Нестроевая команда – 19 чел. В примечании указывалось, что количество стрелков – неопределенно, но по сбору всех евреев Отдельной Восточно-Сибирской армии число их должно быть около 200 чел.³⁴ Офицерами в роте были также евреи, за исключением командиров: есаула Вознесенского и подпоручика Сотникова. Согласно воспоминани-

этого громкого дела резко пошла вверх. Любопытно, что именно Сипайло организует по приказу барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга еврейский погром в Урге (Улан-Батор).

²⁸ Пригожих А.В. Отдельная еврейская рота. Из истории Гражданской войны в Забайкалье 1918–1920 гг. // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов. М., 2018. С. 451.

²⁹ Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002. С. 166–167.

³⁰ Марковчин В.В. Три атамана... С. 258.

³¹ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 129. Л. 3.

³² Мысль. 1919. 9 марта. С. 3.

³³ Там же. 13 марта. С. 3.

³⁴ РГВА. Ф. 40138. Оп. 1. Д. 6. Л. 184 об., 185.

ям И.Л. Абрамовича, поручик, командовавший ротой, был «зоологический антисемит». Видимо желая сильнее оскорбить подчиненных евреев, он называл их китайцами, «что было, по всей вероятности, для него высшей степенью унижения»³⁵. Это сравнение с китайцами вызвано тем, что еврейская рота входила в Сводную Маньчжурскую имени Атамана Семенова дивизию, где, в том числе, служили китайцы, которые, как правило, не отличались ни боевыми качествами, ни дисциплиной.

В целом рота несла исключительно гарнизонную службу в том или ином населенном пункте, изредка принимая участие в боевых действиях. Вероятно, на стадии формирования рота входила в состав 31-го Читинского полка в качестве его 4-й роты³⁶. Под командованием есаула Н.А. Вознесенского в начале 1919 г. она участвовала в борьбе с интернационалистами на Мадьярском перекате³⁷, против которых действовали части Особого Маньчжурского атамана Семенова отряда (далее – ОМАСО) во главе с А.И. Тирбахом, усиленные частями японской императорской армии и отрядом харачен³⁸. За эти и последующие бои солдаты еврейской роты были удостоены георгиевскими наградами ОМО. Георгиевским крестом 2-й степени был награжден унтер-офицер Поляк Яков; георгиевским крестом 3-й степени – ефрейтор Гимельштейн Матвей; георгиевскими медалями 3-й степени награждались стрелки Айзенберг Сендер, Лихман Наум, Андоверов Самуил, Вульф Фортус; георгиевскими медалями 4-й степени – стрелки Вигер Ной, Лейкин Абрам, Кузнецов Самуил, Ланготский Борис, Лейбович Герц, Каплув Абрам, Янкелевич Самсон, Мордеев Израиль, Вишняк Михаил, Торговников Аарон, Вихнер Вульф³⁹.

Именно с событиями боев еврейской роты против партизан и интернационалистов связана заметка «Привет издалека» в газете «Забайкальская новь». В ней говорилось: «Чины Отдельной еврейской роты при ОМАСО из далекой якутской тайги шлют привет родным и знакомым и сердечно поздравляют их с праздником Пасхи». Иркутская кадетская газета «Свободный край» язвила по этому поводу, что «лейб-орган» Семенова газета «Русский Восток» выдает перлы об «иностранных» – евреях, а «Забайкальская новь» шлет еврейские приветствия из тайги⁴⁰.

Вероятно, после этих событий Отдельная рота и осталась квартироваться на станции Могоча Амурской железной дороги, в 600 км от Читы⁴¹. Условия там были крайне тяжелые: «солдаты ходили по пояс в снегу и обмораживались, ночуя в тайге всю зиму»⁴². Кроме того, регулярно проводились занятия, где есаул Вознесенский

³⁵ Абрамович И.Л. Воспоминания. М., 2004. С. 11.

³⁶ Василевский В.И. Дела легендарных дней. (Большевистское подполье в Забайкалье 1918–1920 гг.). Чита, 1970. С. 59.

³⁷ С падением Советов в Забайкалье, в конце лета 1918 г., группа интернационалистов (193 человека: 123 немца и австрийца, 42 венгра, 7 чехов, 4 итальянца, 17 русских из которых 4 женщины) при 18 пулеметах со станции Могоча двинулись на север, в село Тупик, откуда на плотках начали сплавляться по реке Тунгир. Первый же перекат положил конец сплаву. Здесь в тайге интернационалисты построили укрепленный лагерь. Держались несколько месяцев, несмотря на атаки семеновцев. Удаленность лагеря не позволяла получать подкрепления от других партизанских отрядов. Попытка прорыва последних 60 интернационалистов в марте месяце привела к окончательной гибели отряда. Многие кончали жизнь самоубийством, спастись удалось не более 10 бойцам.

³⁸ Харачены/харачины – южно-монгольское племя, кочующее по верхнему течению рек Ляо-хэ (Шара-мурень) и Да-лин-хэ (Хунь-мурень) в провинции Ляонин и Внутренней Монголии. В описываемый период проживали на чахарской территории. Доминировали в среде монгольской бюрократии Китая. Несколько сотен всадников харачин служили в инородческих полках войск атамана Семенова (Даурский и Хамарский конные полки Азиатской конной дивизии, располагавшейся в Даурии).

³⁹ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 23. Л. 131, 131 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 130. Л. 25.

⁴¹ Там же. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

⁴² Пригожих А.В. Отдельная еврейская рота. Из истории Гражданской войны в Забайкалье 1918–1920 гг. // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов. М. 2018. С. 452.

«гонял молодых еврейских солдат до потери сознания»⁴³. Не исключено, что причина того, что эта часть оказалась на окраине «семеновского царства», была в том, что семеновцы, считая евреев не самым надежным элементом, опасались возможности революционной пропаганды в своих войсках. С этими соображениями должно быть связано и собственно сведение всех евреев в единую часть. Хотя один из служивших в этой роте солдат отмечал, что целью создания этой части было желание семеновцев смешать в «еврейской роте детей трудящихся с детьми буржуазии, затруднить трудящимся евреям переход на сторону Красной армии»⁴⁴.

В июне месяце 1919 г. еврейская рота ездил в экспедицию на станцию Борзя, где на перегоне Оловянная – Борзя произошел инцидент с ее командиром есаулом Н.А. Вознесенским, устроившим дебош на одной из железнодорожных станций, о чем сообщалось в материалах его судебного дела⁴⁵. Тем не менее, учитывая участие есаула в германской войне, два ранения, жалобу на болезненное состояние и обещание беспорочной службы, суд смягчил ему приговор и заменил наказание «надзором начальства». Есаул Н.А. Вознесенский был «сдан» прапорщику Гольденбергу, но уже спустя два дня вновь арестован за пьянство и буйство⁴⁶.

С 30 июля 1919 г. Отдельная рота вместе со штабом Сводной Маньчжурской имени Атамана Семенова дивизии и Егерским батальоном непродолжительное время была расквартирована в Чите⁴⁷. Впоследствии рота войдет в состав этого Егерского батальона. В силу этого обстоятельства, вероятно, униформа еврейской роты представляла собой следующее: папаха серая без кокарды, фуражка защитная, существующего образца (так в документе – *Д.К.*), без выпушек, с кокардой существующего образца. Мундир и рубаха, существующего образца с желтой выпушкой по обшлаго рукава у офицеров и желтой тесьмой у солдат. Шаровары укороченные или длинные защитного материала, существующего образца с малиновым кантом. Шинель серая, установленного образца. Погоны – защитного цвета, у офицеров – зеленый просвет с зеленым кантом по краям. На погоне трафаретная буква белой краски «Е»⁴⁸.

Непродолжительное пребывание роты в белой столице Забайкалья сказалось на ней скорее негативно – постепенно начала формироваться подпольная большевистская ячейка.

Очередная мобилизация запаса до 43-летнего возраста дала еще около сотни евреев. Из них в Чите успели сформировать 2-ю еврейскую полуроту под командованием капитана Хмелевского, которой затем дополнили состав Отдельной еврейской роты⁴⁹.

Осенью 1919 г. рота несла службу на станции Борзя Кайдаловской ветки Забайкальской железной дороги (344 км от Читы). 150 солдат еврейской роты составили гарнизон Борзи. 31 октября на станцию Хада-Булак (36 км от Борзи) напал

⁴³ *Пригожих А.В.* Отдельная еврейская рота...

⁴⁴ *Абрамович И.Л.* Воспоминания. С. 11.

⁴⁵ Напившись, он трижды останавливал эшелон, затем в районе 73-го разъезда начал избивать кондуктора, который чтобы спастись от доставшего револьвер Вознесенского, вынужден был спрыгнуть с поезда. Встретив другого кондуктора, повторилась та же история. За кондуктора попытался было вступить хорунжий Орловский, но есаул, направив на него заряженный наган, ушел на заднюю площадку поезда, где продолжил избивание, затем сбросил свою жертву с поезда, и пошел нюхать кокаин. Впоследствии виновным себя не признал, сказав, что кондукторы оскорбили его, назвав «товарищем». Затем он устроил дебош, находясь уже под арестом на читинской гауптвахте. См.: РГВА. Ф. 39849. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 об., 3.

⁴⁶ Там же. Л. 11.

⁴⁷ *Романов А.М.* Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013. С. 237.

⁴⁸ Там же. С. 281, 284.

⁴⁹ *Пригожих А.В.* Отдельная еврейская рота... С. 541.

летучий партизанский отряд М.М. Якимова. Согласно данным американских офицеров RRSC⁵⁰, начальник гарнизона Борзи «еврейский капитан» выслал в сторону Хада-Булака стоящий на станции бронепоезд «Истребитель»⁵¹ («тяжелый» импровизированный бронепоезд семеновцев). Гарнизон был усилен прибывшим Уссурийским конным полком и японскими частями. Тем не менее, начальник гарнизона не выступил против партизан и, опасаясь за Борзю, даже отозвал броневик⁵² от Хада-Булака. Прибывший 31 октября из Даурии барон Унгерн выступил с частями своей Отдельной Азиатской конной бригады. Однако его всадники не смогли найти партизан. Вернувшись в Борзю, Унгерн арестовал начальника гарнизона за его бездействие. Вскоре, правда, командир еврейской роты был освобожден – ему все же удалось оправдать свое бездействие и малодушие опасениями, что партизаны могли захватить саму Борзю.

30 декабря 1919 г. еврейская полурота (100 чел.) была также переброшена в Восточное Забайкалье, где в Цаган-Олуевской станице стояла Отдельная еврейская рота (150 чел.). Пополнившись сотней бойцов, Отдельная (8-я еврейская) рота (250 чел.) вошла в сводный отряд капитана Тарана, который, в свою очередь, входил в состав гарнизона Нерчинского завода, состоящий из разных подразделений семеновских войск (всего около 1 тыс. чел.)⁵³. Командовал гарнизоном полковник В.П. Малакен.

Переход на сторону красных

В связи с реорганизацией армии после прихода в Забайкалье «каппелевцев» еврейских подразделений вновь стало несколько. Согласно воспоминаниям командира отдельного имени генерала Каппеля Офицерского отряда подполковника Ф.Ф. Мейбома «Еврейское Общество» предложило Г.М. Семенову развернуть еврейскую часть в батальон. Вряд ли батальон был создан. О его существовании свидетельствует только Мейбом. Документы Дальневосточной армии, а также современники наличие еврейского батальона не подтверждают. Судя по всему, весной 1920 г. просто вновь развернули еврейскую полуроту. Однако вскоре ее бойцы перебили собственных офицеров и попытались перейти к противнику. Произошло это на 43 км от Читы, в деревне Александровка. Ф.Ф. Мейбом так описывает подавление этой части: «Был странный бой. С одной стороны, предатели-евреи, а с другой, наступающей, – г.г. офицеры. Бой был очень короткий. Я нанес Еврейскому батальону сокрушающий удар, с обхватом обоих их флангов, и прижал их к озеру, где частями и переловили весь батальон. В начале боя они, видимо, страшно волновались. Об этом можно было судить по их беспорядочной стрельбе. Мои офицеры шли в атаку с папиросой во рту. Потери с нашей стороны были незначительны»⁵⁴.

Как уже было сказано, подпольная большевистская организация в особой роде возникла еще в июне, когда она стояла в Чите. Возглавляла ячейку М.Б. Литвин, Б.С. Миневиц⁵⁵, И.Л. Абрамович, Я. Гриф⁵⁶, Бронштейн⁵⁷. Каждый создавал подчи-

⁵⁰ RRSC – Russian Railway Service Corps – Американский корпус поддержки русской железной дороги.

⁵¹ *Bisher Jemie*. White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian. London; New York, 2005. P. 245–247; Souvenir Pravda, published by Associated Veterans of The Russian Railway Service Corps. San Francisco, California, August 37, 1936.

⁵² Броневиками в описываемый период называли не только броневые автомобили, но и бронепоезда.

⁵³ *Василевский В.И.* Дела легендарных... С. 59.

⁵⁴ *Мейбом Ф.Ф.* Тернистый путь // Первопроходник. 1976. № 30. URL: <http://www.pervopohodnik.ru/publ/11-1-0-124> (дата обращения: 10.08.2020).

⁵⁵ *Василевский В.И.* Дела легендарных... С. 59.

⁵⁶ *Абрамович И.Л.* Воспоминания. С. 11.

нявшуюся только ему «тройку» заговорщиков, члены которой, в свою очередь, требовали свою «тройку» и так далее. Каждый работал исключительно со своей «тройкой». В результате впоследствии в ячейку вовлекли не просто почти всех солдат роты, но даже офицеров (прапорщика М.Р. Якобсона, юнкера Б. Аркуса). Еврейские подпольщики также наладили контакты с подпольщиками других семеновских частей гарнизона Нерчинского завода, в частности, с «1 сборной ротой»⁵⁸ 32-го стрелкового Сретенского полка⁵⁹.

Теперь оставалось связаться с партизанами, находившимися недалеко от села. И.Л. Абрамович пишет в своих воспоминаниях: «Решили послать к ним одного из солдат – членов нашей подпольной организации. Желательно не жителя Забайкалья: ведь побег его мог тяжело отозваться и на его семье, и вообще на положении евреев, находившихся под властью атамана Семенова. Выбор остановился на иркутянинне Любовиче, сыне портного. Установлен был недельный срок, в течение которого Любович должен был сообщить партизанам наш проект и вернуться к нам, чтобы сообщить решение партизанского командования. Ночью Любович тайно ушел к партизанам. Утром побег был, конечно, обнаружен. Началось расследование, но никаких результатов оно не дало, так как, кроме членов комитета, никто действительно ничего не знал о причинах исчезновения Любовича»⁶⁰.

По данным бойца еврейской роты А.В. Пригожих, к партизанам было послано сразу трое бойцов: Хайкин, Лейбович и Шахнин. Старшина роты Гимельштейн успокоил семеновцев, что эти трое бежали не к партизанам, а за границу. Таким образом была установлена связь с 3-м и 4-м кавалерийским партизанскими полками. Боясь провокации, командиры этих полков С.И. Толстокулаков и Дружинин оставили в заложниках Хайкина и Лейбовича, а также затребовали одного из членов подпольного комитета. Отправился Я. Гриф. Тем временем комитет начал арестовывать офицеров и подготовил сигнальные огни для партизан. Была разоружена пулеметная команда семеновцев. 23 апреля 1920 г. на окружавших село сопках показался отряд в 1 тыс. 50 партизан. Все еще не доверяя евреям, они не выступили сразу. Гарнизон Нерчинского завода начала занимать восставшая еврейская рота во главе с М.Р. Якобсоном. К 11 часам город был занят. Полковник В.П. Малакен с оставшимися верными частями отступил к Аргуни. Красным досталось огромное количество вооружения и припасов: 4 орудия, 30 пулеметов, около 3 тыс. снарядов, 13 млн патронов и множество продовольствия и амуниции.

В приказе главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины № 395/419 атаман Г.М. Семенов назвал предательство, совершенное в день Святой пасхи, «Иудиным делом»⁶¹. Харбинская газета «Заря» писала, что после официального сообщения о причинах падения Нерчинского завода в Чите на улицы вышло множество народа. Газета сообщала: «Какие-то агитаторы стали призывать к еврейскому погрому. Черносотенная агитация оказала свое действие, и толпы уличной черни начали громить еврейские магазины и частные квартиры. Погром был прекращен войсками, оцепившими кварталы, где происходили бесчинства. Среди евреев есть человеческие жертвы»⁶². Читинские газеты о погромах не упоминали и даже опровергали подобные сообщения: «Что погромов и бесчинств в Чите не было, это объяснять не приходится, ибо всем известно, что еврей-

⁵⁷ *Киргизов С.С.* Партизанское движение в Восточном Забайкалье // Красногвардейцы и партизаны. Чита, 1957. С. 50.

⁵⁸ *Василевский В.И.* Дела легендарных... С. 60.

⁵⁹ Части этого полка еще с середины лета 1919 находились в Нерчинском заводе.

⁶⁰ *Абрамович И.Л.* Воспоминания. С. 11.

⁶¹ РГВА. Ф. 39729. Оп. 1. Д. 5. Л. 152 об.

⁶² Восточная окраина. 1920. 28 мая. С. 2.

ских человеческих жертв не было и войска вызывать не нужно было тоже всем известно»⁶³. Газета «Восточная окраина» писала: «Нужно ли при этом добавлять, что газеты могли бы осведомляться об истинном положении в Чите у лиц, ежедневно приезжающих из Читы в Харбин. Но видимо для Харбинской прессы известного направления даже элементарная чистоплотность является совершенно чуждой, и она поэтому клеветает, ни перед чем не останавливаясь»⁶⁴. Бывшие бойцы еврейской роты писали, что погром был не допущен благодаря своевременному обращению еврейской общины в японский штаб в Чите⁶⁵.

Из частей, перешедших на сторону партизан, было решено создать 4-й стрелковый партизанский полк. Его командиром назначили бывшего прапорщика еврейской роты М.Р. Якобсона (выпускника Иркутского военного училища, впоследствии коменданта Учредительного собрания ДВР), его помощником стал Б. Аркус. Евреи заняли командные должности. Костяком полка стала еврейская рота под командой Гершеновича. Полк действовал южнее Сретенска. 6 июня его бойцы два часа сдерживали наступление белых на поселок Калгачинский⁶⁶. На следующий день белые с боями заняли поселок Ишикан, а спустя два часа станицу Копунскую. В оперативной сводке штаба Дальневосточной армии сообщалось: «У противников среди убитых оказались командиры еврейских сотен Соломонович и Мошкович»⁶⁷.

Предательство семеновцы евреям не прощали: отставшего в Газимуровском заводе еврея закололи штыками⁶⁸. 11 июня в районе села Ундинские-Кавыкучи остатки двух еврейских рот оказали белым частям упорное сопротивление, но после короткой атаки конного дивизиона еврейские роты в беспорядке, бросая оружие, бежали в разных направлениях⁶⁹. Эта информация подтверждается и данными начальника штаба Восточно-Забайкальского партизанского фронта С.С. Киргизова, который отмечает, что в районе Копуни и Шелопугино белые сбили части партизан и принудили к отступлению⁷⁰. В районе станицы Записной партизан преследовали части Азиатской конной дивизии. С этим связан анекдотичный эпизод, будто бы ее начальник, барон Унгерн, узнав, что у генерала Т.И. Артамонова в плену еврей из Отдельной еврейской роты, предложил за него броневой автомобиль⁷¹.

Впоследствии 4-й партизанский стрелковый полк был преобразован в 15-й стрелковый полк НРА ДВР, который осенью 1920 г. принял участие в тяжелых боях за Борзю и Даурию.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что еврейские национальные формирования стали одной из этноконфессиональных частей войск атамана Г.М. Семенова, наряду с китайскими, сербскими, бурятскими, монгольскими, кавказскими, татарскими формированиями. Деятельность отдельной еврейской роты на протяжении ее годичного существования носила большей частью гарнизонный характер. Переход этого этнического формирования к красным в период, когда Белое движение в Забайкалье уже испытывало агонию, не был чем-то исключительным: известно более десятка переходов к партизанам подразделений семеновских частей. Что касается подполь-

⁶³ Восточная окраина. 1920. 28 мая. С. 2.

⁶⁴ Там же. 26 мая. С. 3.

⁶⁵ Пригожих А.В. Отдельная еврейская рота... С. 455.

⁶⁶ Восточная окраина. 1920. 9 июня.

⁶⁷ Там же. 10 июня.

⁶⁸ Пригожих А.В. Отдельная еврейская рота... С. 454.

⁶⁹ Восточная окраина. 1920. 13 июня.

⁷⁰ Киргизов С.С. Партизанское движение в Восточном Забайкалье... С. 50.

⁷¹ Голубев. Воспоминания // Барон Унгерн в документах и мемуарах. М., 2004. С. 527.

ных большевистских ячеек, то и они были чуть ли не в половине всех воинских частей войск атамана Семенова. Тем не менее эти семеновские еврейские подразделения в Забайкалье являлись единственным примером белого регулярного этнического еврейского воинского формирования, возглавляемого, в том числе, офицерами евреями.

Поступила в редакцию / Submitted: 22.09.2020

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 26.10.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 30.10.2021

References

- Abramovich, I.L. *Vospominaniia*. Moscow: KRUK-Prestizh Publ., 2004 (in Russian).
- Bisher, Jemie. *White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian*. London; New York: Routledge, Taylor & Francis, 2005. P. 245–247.
- Daurec, N.P. *Semenovskie zastenki*. Harbin: MAYAK Publ., 1921 (in Russian).
- Elenevskii, A. “Voennye uchilishha v Sibiri (1918–1922).” *Voennaia byl'*, no. 62 (September 1963) (in Russian).
- Janin, Maurice, *Ma mission en Sibirie. 1918–1920.*; Paris: Payot Publ., 1933 (in French).
- Kirgizov, S.S. *Partizanskoe dvizhenie v Vostochnom Zabaikal'e. Krasnogvardeitsy i partizany*. Chita: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1957 (in Russian).
- Kuz'min, S.L., ed. *Golubev. Vospominaniia. Baron Ungern v dokumentah i memuarah*. Moscow: KMK Publ., 2004 (in Russian).
- Levkin, G.G. *Volocheavka bez legend*. Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo Publ., 1999 (in Russian).
- Lokshin, A.E. “Traditional Jewish education in the Russian Empire: Continuity and modernization.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 2 (2018): 248–295 (in Russian).
- Markovchin, V.V. *Tri atamana*. Moscow: Zvonitsa Publ., 2003 (in Russian).
- Meibom, F.F. “Ternisty put'.” *Pervopohodnik*, no. 30 (April 1976). Accessed July 10, 2020. <http://www.pervopohodnik.ru/publ/11-1-0-124> (in Russian).
- Nam, I.V., Naumova, N.I., and Rabinovich, V.Yu. “To be Jewish: the institutionalisation of Jewish identity in Siberia during the Revolution and the Civil war.” *Tomsk State University Journal of History*, no. 64 (2020): 53–64. doi: 10.17223/19988613/64/7 (in Russian).
- Novikov, P.A. “Natsional'nye formirovaniia antibol'shevistskikh sil v Yugo-Vostochnoi Sibiri (1917–1920 gg.).” *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 4 (2004): 31–38 (in Russian).
- Prigozhii, A.V. “Otdel'naia evreiskaia rota. Iz istorii Grazhdanskoi voiny v Zabaikal'e 1918–1920 gg.” In *Istoriografiia Grazhdanskoi voiny v Rossii. Issledovaniia i publikatsii arkhivnykh materialov*. Moscow: IMLI RAN Publ., 2018 g. (in Russian).
- Romanov, A.M. *Osobyi Man'chzhurskii otriad atamana Semenova*. Irkutsk: Ottisk Publ., 2013 (in Russian).
- Semenov, G.M. *O sebe. Vospominaniia, mysli i vyvody*. Moscow: AST Publ., 2002 (in Russian).
- Simonov, D.G. *Belaia sibirskaia armiiia v 1918 godu*. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2010 (in Russian).
- Vasilevskiy, V.I. *Dela legendarnykh dnei (Bol'shevistskoe podpol'e v Zabaikal'e 1918–1920 gg.)*. Chita: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1970 (in Russian).
- Vasilevskiy, V.I. *Zabaikal'skaia belaia gosudarstvennost' v 1918–1920 godakh: Kratkie ocherki istorii*. Chita: Poisk Publ., 2000 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Д.Р. Касаточкин, кандидат исторических наук, методист, Московский детско-юношеский центр экологии, краеведения и туризма, 117303, Россия, Москва, Одесская улица, 12а, denis-diderot@yandex.ru

D.R. Kasatochkin, Ph.D. in History, Methodist, Moscow Children and Youth Center for Ecology, Local History and Tourism, 12a, Odesskaya St., Moscow, 117303, Russia, denis-diderot@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-543-554>

Научная статья / Research article

Настроения тылового населения Владимирского края в годы Великой Отечественной войны

Илья Сергеевич Тряхов

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия

✉ ilja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация: Изучаются настроения тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны на материалах Владимирского края – региона, имевшего свои специфические особенности. Источниками для анализа послужили как архивные документы, в том числе впервые вводимые в научный оборот, так и документы мемуарного и эпистолярного характера. В ходе исследования автор приходит к выводу о неоднозначных настроениях населения тыла по отношению к войне и его условиям жизни, обращается внимание на негативное восприятие ряда действий власти в начальный период войны со стороны граждан. Рассматривается сложное положение в тылу в период битвы за Москву, победа в которой в значительной степени оказала переломное значение на настроения немалой части населения исследуемого региона. Анализ писем фронтовиков и тружеников тыла ярко выявляет фатализм большинства из них и покорное следование предписанной им судьбе. Одновременно в их письмах просматривается надежда на скорую победу над нацизмом и вера в построение светлого будущего их ближайшими потомками. В то же время, несмотря на преимущественно патриотические высказывания, на примере Владимирского края просматривается и критическое отношение к действующей власти, причем не только региональной, но и центральной. Вместе с тем следует констатировать значительный успех советской пропаганды в консолидации людей в условиях войны как на фронте, так и на временно оккупированных территориях.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военная повседневность, мотивация, поведенческие особенности, массовое сознание

Для цитирования: Тряхов И.С. Настроения тылового населения Владимирского края в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 543–554. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-543-554>

The sentiments of the population in Vladimir Region during the Great Patriotic War

Ilya S. Tryakhov

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

✉ ilja.tryahoff@yandex.ru

Abstract: The article examines the mood of home front workers during the Great Patriotic War based on the materials of Vladimir region, a region that had its own specific features. The author draws attention to the change in the rear position of this territorial unit during the war. The sources for the analysis were archival documents, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, as well as documents of a memoir and epistolary nature. The study of Soviet propaganda during the indicated period draws attention to the transition from predominantly internationalist to patriotic slogans – a process that started at the very beginning of the war, with some precedents already

© Тряхов И.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

in the last pre-war year. In the course of the study, the author identifies the ambiguous sentiments of the population in the rear in relation to the war and their living conditions. Attention is drawn to the fact that citizens had a negative perception of a number of actions of the authorities in the initial period of the war. The article tells the difficult situation in the rear during the battle for Moscow, a victory which to a large extent caused a turn in the mood of the majority of the population. An analysis of the letters of front-line soldiers and home front workers clearly reveals the fatalism of most of them, and their submissive adherence to their prescribed fate. At the same time, their letters show the hope for a quick victory over Nazism and the belief that their closest descendants would be able to build a bright future. Despite the predominantly patriotic statements, the example of the Vladimir region shows a critical attitude towards the Soviet government, not only on regional but also on central level. Still, one cannot but confirm that Soviet propaganda was very successful in consolidating the people during the war, which was of course facilitated by the policy of Nazi Germany both at the front and in the temporarily occupied territories.

Keywords: World War II, military daily live, motivation, behavioral characteristics, mass consciousness

For citation: Tryakhov, Ilya S. “The sentiments of the population in Vladimir Region during the Great Patriotic War.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 543–554. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-543-554>

Введение

Изучение мотивации и поведенческих особенностей людей военной эпохи является важнейшим направлением современных исследований в истории Второй мировой войны. В данном контексте особое значение приобретает анализ настроений населения тыла. В качестве объекта исследования выбран Владимирский регион¹, особенностью которого было изменение его удаленности от линии фронта в течение первых военных лет.

В советской исторической традиции проблема настроений населения изучалась преимущественно в контексте роли КПСС в идеологической победе в Великой Отечественной войне. Термины «массовое сознание» или «массовая психология» не звучали, а вместо них использовалось понятие «общественное сознание». «Общественное сознание» народа в годы Великой Отечественной войны в советский период трактовалось как единство и безусловная вера в победу страны над фашизмом, а также как сплочение партии и народа для достижения этой общей цели. В таком духе был выдержан ряд исследований монографического характера² и отдельные статьи³. Разумеется, партию и народ не следует противопоставлять, а роль партийных организаций в данном направлении работы нельзя недооценивать, но, вероятно, преувеличение этой роли в советский период представляло одну из крайностей отечественной историографии. На излете существования советского государства явственно проявилась иная крайность – принижение, иногда доходящее до отрицания, роли Коммунистической партии в достижении Победы⁴. В постсоветский период было высказано мнение о Победе, достигнутой не благодаря усилиям власти, а вопреки ей, с чем нельзя согласиться. В современной отечественной историографии преобладают более взвешенные оценки. Историки подчеркивают неоднозначность происходивших событий и прослеживают разные реакции населения, отдельных его

¹ Владимирский регион до августа 1944 г. являлся составной частью Ивановской области, а затем был выделен в отдельную административную единицу.

² *Комков Г.Д.* Истоки победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1961; *Средин Г.В.* КПСС – организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1975.

³ *Киреев Н.М., Ставицкий И.В.* Рост и укрепление рядов КПСС в период Великой Отечественной войны // *Вопросы истории.* 1959. № 12. С. 3–19; *Уткин Б.П.* Идеологическая работа в период Великой Отечественной войны // *Вопросы истории.* 1985. № 4. С. 33–46.

⁴ *Савушкин Л.М.* Идеология советского тыла: проблемы и противоречия. 1941–1945. Воронеж, 1990; *Мерцалов А.Н., Мерцалова А.А.* Сталинизм и война. М., 1998.

групп и личностей на трудности, которые внесла в их жизнь Великая Отечественная война⁵. Исследуются разносторонние проявления общественных настроений и вариантов поведения тылового населения в повседневной жизни⁶.

В статье предполагается проследить динамику настроений граждан в ходе войны, отношение их к военным трудностям на примере Владимирского региона. Для реализации поставленной цели автором были использованы как архивные источники, созданные партийными инстанциями городского и районного уровня, так и материалы личного происхождения – мемуары и дневники.

Государственная политика по сплочению населения в начале войны и настроения жителей Владимирского региона в 1941 г.

Рассмотрение настроений населения невозможно без анализа государственной политики по консолидации советских граждан в условиях противостояния с нацизмом. Особая роль отводилась пропаганде среди гражданского населения⁷. С самого начала войны пропаганда стремилась призвать население не только к самоотверженной борьбе с противником, но и к революционной бдительности. Наиболее распространенными лозунгами летом – осенью 1941 г. стали следующие: «Боритесь со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов! Помогайте нашим истребительным батальонам уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов!». Другим лозунгом, предложенным к распространению, стали слова И.В. Сталина: «Основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины»⁸.

В начале войны не были отброшены интернационалистические догмы, хотя уже в 1940 г. начальник Главного политического управления РККА Л.З. Мехлис говорил о необходимости выдвижения на первый план именно патриотических лозунгов⁹. В начале войны в армии и среди мирного населения было распространено мнение, что немцы – «культурный народ» и что солидарность между рабочими разных национальностей преодолет национальное противостояние¹⁰. В какой-то степени это можно назвать просчетом довоенной пропаганды. Знаменитый советский писатель К. Симонов считал пропагандистскую политику страны перед вой-

⁵ Козлов Н.Д. Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб., 1996; Кринко Е.Ф. Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941–1945 годах // *Российская история*. 2010. № 5. С. 74–89; Чудиновских Е.Н. «Наряду с хорошим настроением имеют место ... открытые вылазки враждебных элементов» // *Военно-исторический журнал*. 2002. № 6. С. 19–25; Сомов В.А. Бомбежки г. Горького и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История*. 2007. № 1. С. 33–39; Парамонов В.А. Социальные настроения населения советского тыла в период Сталинградской битвы // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2018. Т. 23. № 1. С. 44–55.

⁶ Лончинская Л.Я. Массовое сознание населения уральских областей в годы Великой Отечественной войны: Исторический аспект: дисс. канд. ист. наук. Челябинск, 2005; Никитина М.Э. Идеология врага и героя и их внедрение в массовое сознание в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005; Точенов С.В. Строительство оборонительных сооружений на территории Ивановской области в 1941–1943 гг. // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. История*. 2011. № 4. С. 90–96.

⁷ Livshin A., Orlov I. The Soviet «Propaganda State» during World War II: Resource Constraints and Communication Capabilities // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2012. Vol. 39. № 2. P. 192–218.

⁸ Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО РФ). Ф.П.-118. Оп. 1. Д. 61. Л. 24.

⁹ Ложные установки в деле воспитания и пропаганды». Доклад начальника Главного политического управления РККА Л.З. Мехлиса о военной идеологии. 1940 г. // *Исторический архив*. 1997. № 5–6. С. 96.

¹⁰ Кринко Е.Ф. Образы противника... С. 75.

ной неоднозначной¹¹, тем более что глобальные цели нацистов были известны из речей, книг, статей А. Гитлера, А. Розенберга и других лидеров рейха.

Обращение к великорусскому патриотизму А.И. Вдовин характеризует как своеобразный «националистический нэп»¹², который стал одним из важнейших факторов победы. Уже до войны было пересмотрено отношение к Отечественной войне 1812 года¹³, а в годы войны СМИ проводили параллели между той войной и идущей¹⁴. Большое значение в пропаганде имели и другие герои Отечества: Александр Невский, А.В. Суворов, П.С. Нахимов и пр.

Особенностью средств массовой информации не только военных лет, но и всего периода сталинизма стала их монополия на предоставления информации. В начале войны немногочисленные личные радиоприемники были изъяты у населения, и таким образом воздействие геббельсовской пропаганды на население тыла было практически исключено. Периодическая печать была несколько более разнообразной, т. к. существовали не только центральные, но и местные издания. Однако степень охвата населения средствами периодической печати была меньшей, чем радио, и с течением войны снижалась. В деревнях из-за малого количества радиоточек и нехватки периодической печати большой популярностью пользовались избы-читальни, где обсуждались имевшиеся в наличии газеты. В качестве источника информации выступали и агитаторы. Среди недостатков следует отметить однобокость получаемой информации, а также ее запоздалость. Доверие к газетным материалам, согласно сводкам НКВД, было невысоким¹⁵.

Учитывая трудные условия жизни в тылу, советская пропаганда стремилась уделять в СМИ особое внимание обстановке внутри Германии и ее сателлитов. Неизменными были утверждения, что положение населения там хуже, и гитлеровская власть скоро падет под ударами внутреннего недовольства¹⁶. Следует признать, что по отношению к Германии советская пропаганда нередко выдавала желаемое за действительное, и на часть жителей советского тыла эти утверждения оказывали слабое воздействие. Напротив, некоторые граждане были убеждены, что «немецкий народ не ест гнилой крахмал как русский человек, они не голодают как мы, у них весь народ ходит сытый и имеет много запасов, хлеба у них хватит на долгие годы, немецкие солдаты пьют вино, а наша армия голодает»¹⁷.

В документах суздальского райкома сохранился значительный срез данных, которые зафиксировали пораженческие настроения. Согласно данным, собранным местными органами НКВД, такие высказывания были характерны для «социально-чуждых элементов»¹⁸. Встречались слова о скорой голодной смерти и неэффективности экономической деятельности советской власти в предшествующие 20 лет. Одна из колхозниц заявила, что солдаты немецкой армии лучше одеты, т. к. разграбили занятые советские территории, на что другая ей возразила, что «это неправда и у немцев своего шелку сколько угодно и девать его некуда»¹⁹.

Поддержать и привить патриотические настроения пропаганда стремилась через сообщения в прессе и листовки о героических страницах прошлого. Весьма

¹¹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышление о И.В. Сталине. М., 1988.

¹² Вдовин А.И. Националистический нэп в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2015. № 8. С. 89–99.

¹³ Щеголев А. Владимирское крестьянство в войне 1812 года // Призыв. 1942. 28 февраля.

¹⁴ Будницкий О.В. Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов // Российская история. 2012. № 6. С. 157–169.

¹⁵ ГАВО. Ф.П.-112. Оп. 3. Д. 108. Л. 48–49 об.

¹⁶ Юдин И. В тылу у Гитлера // Вперед. 1942. 14 января.

¹⁷ ГАВО. Ф.П.-112. Оп. 3. Д. 108. Л. 44, 47.

¹⁸ Там же. Л. 40.

¹⁹ Там же. Л. 42.

интересен в этом смысле, подготовленный корреспондентом В. Горюновым сборник «Муром в Великой Отечественной войне». Автор стремился провести параллели между текущей войной и героическими страницами истории, где участвовали предки жителей города. Здесь есть упоминания былинного богатыря Ильи Муромца, борьбы муромцев с половцами, участие жителей города в битве на Чудском озере с немецкими псами-рыцарями, отпор города полчищам Батя, отмечалось значение муромцев в Куликовской битве, в походе Ивана Грозного на Казань и борьбе польскими интервентами. Не забыл автор Северную войну и вклад муромцев в строительство Санкт-Петербурга, а также сражения муромских мушкетеров под руководством адмирала Нахимова в Крымской войне. На самом деле 21-й Муромский полк был обычной пехотой²⁰. При этом подчеркивалось, что мужеством и доблестью русских восхищался Карл Маркс²¹. Автор обошел в своем изложении русско-японскую и Первую мировую войну, но подчеркнул вклад муромцев в победу большевиков в гражданской войне, в боевые действия на озере Хасан, на реке Халхин-Гол и в советско-финской войне. Горюнов отмечал, что город за годы сталинских пятилеток превратился из захолустного купеческого городка в крупный индустриальный и культурный центр, что, по мнению автора, должно было мотивировать граждан на жертвенную борьбу с самого начала войны²².

В начале войны поведение некоторых местных коммунистов было далеко не таким патриотичным. Так, коммунист Маслов якобы самовольно уехал с женой из города, аналогично поступила член ВКП(б) Кузнецова, которая, не сдав дела и не снявшись с партийного учета, уехала вместе с мужем. Заочно оба были исключены из рядов партии. В конце октября 1941 г. некоторые партийные работники послали своих жен и детей с эшелонами завода № 3 города Александрова, что было сделано в соответствии с решением Ивановского обкома, но вызвало в городе массу кривотолков²³. Проявившаяся у отдельных работников осенью 1941 г. паника породила термин «эвакуационная горячка». Задачей партийных агитаторов и организаторов состояла в разъяснении, что массовой эвакуации нет, а отдельная эвакуация семей – это частное дело, которое можно осуществлять многим²⁴. О том, что не у всех в этом случае есть равные возможности, умалчивалось.

В Коврове в 1941 г. не были приняты в партию несколько человек, по причине уклонения от ответа на вопрос о добровольном вступлении в РККА, некоторые отвечали иначе – фразой «когда мобилизуют, тогда и пойду»²⁵. Для коммунистов такие ответы виделись недопустимыми. Отмечаются случаи исключения из числа кандидатов в члены ВКП(б) за отказ ехать на фронт²⁶.

По данным сводок ковровского горкома в начале войны преобладало приподнятое настроение рабочих и служащих, но отдельные скептики, разумеется, находились. Инженер технического отдела Ковровского машиностроительного завода Калашников восхвалял силы противника и упорствовал во время подписки на военный заем. Возможно, его действия были отмечены в докладной записке не только по причине его критического отношения к действиям местных властей, но и из-за его прошлого, т. к. в документе есть упоминания о его родословной и о подозрениях в спекуляциях с его стороны²⁷.

²⁰ Кушпетовский Н. Памятка Муромского полка к 200-летию юбилею. 1708–1908 г. Варшава, 1908.

²¹ ГАВО. Ф.П.-495. Оп. 5. Д. 121. Л. 4.

²² Там же. Л. 5.

²³ Там же. Ф.П.-119. Оп. 3. Д. 65-а. Л. 93.

²⁴ Там же. Л. 94.

²⁵ Там же. Ф.П.-116. Оп. 1. Д. 48. Л. 14.

²⁶ Там же. Ф.П.-112. Оп. 3. Д. 90. Л. 2.

²⁷ ГАВО. Ф.П.-116. Оп. 1. Д. 48. Л. 96.

Шпиономания, распространенная в стране до войны, в военные годы усилилась. Партийная пропаганда часто говорила о вербовке враждебных остатков советской власти. «Важнейший вопрос – вопрос бдительности. Немецкая разведка во временно-захваченных городах и районах вербует враждебные остатки советской власти элементы – остатки разбитых эксплуататорских классов или ущемленных советской властью и перебрасывает их в тыл со шпионскими и диверсионными целями...», – так гласил отчетный доклад Ковровского горкома, произнесенный на III городской партийной конференции²⁸.

На предприятиях Коврова было арестовано несколько человек, до этого вернувшихся из плена. Выяснилось это после ареста. Арестованные во время следствия рассказывали, что они были завербованы немецкой разведкой и с определенными заданиями переброшены в тыл. На текстильной фабрике им. Абельмана в 1942 г. было арестовано руководство в лице главного инженера Соколова (тот был сыном священника), начальников цехов Воробьева и Чашкина, которые на следствии показали, что проводили антисоветскую работу среди рабочих и указали на желание работать у немцев в случае оккупации города. Следствием также были выявлены случаи умышленной порчи фабричного оборудования²⁹. Насколько достоверными были показания подозреваемых, выяснить не удалось.

Война неизбежно порождала угнетенное состояние среди населения. Ярче всего это выразила в своих мемуарах Н.Д. Максимова, создав следующий образ: «И у меня впечатление от войны осталось такое, что будто над нами было распростерто черное покрывало, которое незримо присутствовало над нами все четыре года, пока шла война. И только в День Победы оно как бы разорвалось на куски, и майский ветер унес их, открыл нам чистое, яркое небо, и мы увидели, как прекрасен мир»³⁰. А.Е. Дорофеева, заканчивавшая тогда институт, вспоминала, что учебные помещения тут же заняли под госпиталь, а выпускной бал прошел со слезами, без танцев и песен³¹.

Осень 1941 г. стала самым сложным в психологическом отношении периодом войны. Паническим настроениям были подвержены не только обычные граждане, но и члены партии, включая отдельных руководителей. Ощущение приближения катастрофы усиливало строительство оборонительных сооружений. Непродуманность стройки, необеспеченность мобилизованных одеждой и инструментами в необходимом количестве³² вызывало недовольство некоторых из них³³.

Д.А. Артюх вспоминал, что жители тех мест, где работали мобилизованные на трудовой фронт (в основном девушки), всячески заботились о рабочих³⁴. Местные жители нередко подкармливали мобилизованных на оборонительные работы, т. к. паек последних был мал, но в то же время более разнообразен, чем рацион местных жителей. В этом случае происходил обратный обмен³⁵.

В конце осени 1941 г., когда быстро распространялись слухи о падении Москвы, множество жителей стало искать вражеских диверсантов, портя дороги и тратя силы

²⁸ ГАВО. Ф.П.-116. Оп. 1. Д. 71. Л. 152.

²⁹ Там же. Л. 152.

³⁰ Максимова Н.Д. Мемуары А.П. Пугачевой: о городе Владимире в годы Великой Отечественной войны // Рождественский сборник. Вып. XII. Ковров, 2005. С. 187.

³¹ Победители: Воспоминания участников Великой Отечественной войны и труженников тыла. Владимир, 2010. С. 72.

³² На строительстве оборонительного обвода вокруг Владимира трудилось лишь 720 человек вместо 2000, которых ежедневно вынуждали ходить на расстояние 25 километров. См.: ГАВО РФ. Ф.П.-100. Оп. 56. Д. 52. Л. 35.

³³ Артюх Д.А. Противотанковые рвы в Судогодском и Собинском районах Владимирской области // Рождественский сборник. Ковров, 2005. Вып. XII. С. 137.

³⁴ Там же. С. 138.

³⁵ Победители: Воспоминания участников... С. 285.

на возведение препятствий едва ли не на всех открытых площадках, будь то огромное поле или небольшая лесная поляна³⁶. Эта была не инициатива снизу, а спланированные действия местных властей, которые и сами не были уверены в том, что враг не дойдет до региона.

В свете панических настроений обращает на себя внимание дело инженера станции Владимир члена партии В.В. Виноградова. По первоначальным данным, поступившим в горком 16 октября 1941 г., он поддался панике и занялся эвакуацией семьи, для чего использовал кассу предприятия, забрав оттуда значительную сумму, и воспользовался автомашиной завода. В ходе проверки выяснилось, что семья этого гражданина действительно уехала, но по железной дороге. Изъятие денег из кассы также не подтвердилось³⁷. В неясных условиях осени 1941 г. любой слух, больше похожий на донос, распространялся с огромной скоростью и мог привести к непредсказуемым последствиям.

Обстановку в тылу ухудшали отдельные армейские подразделения, самовольно забиравшие продовольствие и фураж у населения, что было пресечено лишь зимой 1942 г.³⁸

Для жителей региона, через который шел огромный поток беженцев, «кризисным моментом» был период обороны Москвы, а контрнаступление советских войск в декабре того же года стало переломным в психологическом плане. В последующие годы трудности и лишения военных лет стали более привычным явлением. По крайней мере, назидательные публикации в местной печати с разоблачением паникеров, трусов и шептунов (реальных и мнимых) в 1942 г. прекратились, и пропагандистские меры были сосредоточены не на поиске врага в своем тылу, а на убеждении людей следовать лозунгу «Все для фронта, все для победы». Если за половину 1941 г. во владимирской газете «Призыв» было опубликовано более 20 сообщений такого рода, то в 1942 г. их не было.

Государственная пропагандистская машина для сплочения людей с самого начала войны обратилась к патриотизму граждан, стремясь напомнить героические страницы отечественной истории и убеждая население, что война с нацистской Германией идет за свободу и независимость Родины. Однако настроения граждан оказывались противоречивыми. С началом войны изменения в пропагандистской работе пошли очень быстрыми темпами, чему способствовали действия немецкой стороны. Вся деятельность, направленная на истребление и угнетение населения оккупированных территорий, издевательства и убийства советских военнопленных доносились советской пропагандой до тылового населения. К тому же в письмах с фронта солдаты и офицеры подтверждали сообщения о немецкой оккупационной политике и отношении к советским военнопленным.

Настроения граждан региона в 1942–1945 гг.

На настроения населения сильное воздействие оказывали письма знакомых и родственников, непосредственно побывавших на оккупированных территориях. Так, в письме к историку-архивисту В.П. Баулиной – жительнице Владимира ее знакомая В.В. Давыдова отмечала, что ненавистные фашисты мучают мирное население, сжигают дома, топчут наши поля и хотят отнять у нас счастье и радость³⁹. О схожем явлении безудержного грабежа оккупантов пишет Баулиной и М. Цыганова, указывая на то, что немцы «унесли даже пару белья», но при этом не успели сжечь

³⁶ Ковровчане в Великой Отечественной. Ковров, 2000. С. 7–8.

³⁷ ГАВО. Ф.П.-100. оп. 56. д. 47. Л. 163.

³⁸ Там же. Ф.П.-116. Оп. 1. Д. 67. Л. 72–72 об.

³⁹ Там же. Ф.П.-421. Оп. 1. Д. 76. Л. 3 об.

деревню. Характерен и эпитет, которым отступающие немецкие войска наградила Цыганова: «вшивая немчура»⁴⁰.

Стойкость жителей блокадного Ленинграда для ряда партийных работников казался образцом для подражания. Инструктор горкома Хренова, со ссылкой на опыт ленинградцев, обращалась к комсомолу с призывом наладить работу детской библиотеки, оказать помощь в сборе книг, а также создать условия для развлечения подростков после рабочего дня⁴¹. Проблема детской безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних была так велика, что неоднократно обсуждалась на заседаниях горкомов. Секретарь Владимирского горкома ВКП(б) Мирский на одном из собраний партийного актива отмечал: «Большинство детей, о которых идет речь, это дети наших фронтовиков и что скажут отцы, когда вернутся с фронта. Они предъявят нам счет за воспитание детей, поэтому то мы в корне должны изменить отношение к детям»⁴². Секретарь требовал от каждого заводского цеха взять шефство над двумя-тремя детьми. Призыв заниматься не только карательной, но и воспитательной деятельностью был озвучен в адрес судебных инстанций⁴³.

Судя по воспоминаниям жителей городов владимирского региона, основным источником сведений о военной и политической обстановке было радио, но не везде. Жительница села Заполицы Суздальского района Е.И. Туманова вспоминала, что на ее окружение СМИ вообще не оказывали влияния, т. к. ни радио, ни газеты у них не было⁴⁴.

Важной составляющей, определявшей настроения в годы войны, стали бомбардировки. Среди части населения воздушные бомбардировки вполне могли посеять деморализацию, и потому важно проследить ответные реакции на них жителей. Для Владимирского региона, который люфтваффе почти не бомбили, каждая из немногочисленных упавших бомб запомнилась очень хорошо. Б.Е. Чиркунов вспоминал панику среди окружавших его людей, когда была сброшена авиабомба, которая не взорвалась и была уничтожена саперами⁴⁵. Этот эпизод так и остался единственным эпизодом, связанным с бомбардировкой с воздуха в регионе.

Особое значение для самоотверженного труда в тылу имел образ врага. Это явление, необходимое для успешного ведения войны, сформировалось не сразу, ведь два предвоенных года в стране не велось почти никакой антифашистской и анти-немецкой пропаганды. К тому же не следует забывать и старый стереотип о немецкой нации, исторически сложившийся в умах значительной части советского населения: немцы – это культурная и образованная нация, не способная творить злодеяния. Реальность оказалась иной, и на разрушение стереотипа потребовалось время.

Зачастую отношение к немцам было противоречивым, с одной стороны это была ненависть, с другой проявлялось сострадание и сочувствие. Первая черта характерна для тех, кто видел немецкие злодеяния или «встречался» с немцами со слов своих родственников, воевавших на фронте. Сочувствие же проявлялось чаще всего в конце войны и в послевоенный период, когда человеку доводилось видеть пленных немецких солдат – жалких и подавленных. Тогда этот немец уже не ассоциировался со злым врагом, в нем видели человека, волею судьбы попавшего в плен. В целом превалирует мнение, что они «испортили детство»⁴⁶, «не такие как мы – злой народ»⁴⁷.

⁴⁰ ГАВО. Ф.Р.-421. Оп. 1. Д. 127. Л. 1–1 об.

⁴¹ Там же. Ф.П.-100. Оп. 56. Д. 75. Л. 12 об.

⁴² Там же. Л. 12 об.

⁴³ Там же. Л. 14.

⁴⁴ Хроника чувств: 1941–1945 гг. Возвращение: 1941–1945 гг. Документы из фондов Государственного архива Владимирской области. Владимир, 2015. С. 66.

⁴⁵ Победители: Воспоминания участников... С. 285.

⁴⁶ Хроника чувств: 1941–1945 гг. Возвращение: 1941–1945 гг. С. 78.

⁴⁷ Там же. С. 80.

И это скорее уже третий вид отношения, который нельзя считать ни ненавистью, ни сочувствием. В тех случаях, когда пленные немцы вызывали сочувствие, преобладала точка зрения о насильственной отправке рядовых вермахта на войну.

Во фронтовых письмах, посылаемых советскими солдатами домой, четко преваляровала ненависть к гитлеровским захватчикам⁴⁸. Д.А. Гусаров прямо писал матери: «Если бы у меня были дети, я им бы сказал, чтобы они всю жизнь мстили этому врагу»⁴⁹. А.Г. Павлов называл врага «фашистскими разбойниками-детоубийцами»⁵⁰, а В.А. Пичугин, участвовавший в наступлении на Кенигсберг, назвал город «центром прусских детоубийц»⁵¹. Часть ярких характеристик могла быть придумана не самими военнослужащими, а услышана от агитаторов или прочитана во фронтовых газетах. Создавая характеристику врага, солдаты тем самым участвовали в формировании мнения о нем со стороны жителей тыла.

Общей негативной тенденцией выделяется дневник жительницы Коврова Л.П. Тихонравовой. В своем дневнике в трудные дни начала 1942 г. она сокрушалась о гибели мужа, который даже не успел прислать аттестат, который мог бы стать важным довеском для относительно сносной жизни в годы военного лихолетья. Ее страдания дополнялись несправедливостью о том, что не все призванные в армию молодые мужчины оказывались на фронте, многие окапывались в тылу⁵². Следствием продовольственных трудностей стал конфликт с маленькой дочерью, требовавшей молоко в ультимативной форме⁵³. Более того, даже к концу «кровавого, жуткого 1942 г.» для Л.П. Тихонравовой оставались неясны цели войны. В дневнике она указывает на лишения, перенесенные русским народом в довоенные годы (недостаток питания, тюрьмы), хотя и обращает внимание на изменения в политике в военный период («церкви стали открывать, священников освобождать»). С другой стороны, требует от руководства страны: «войну бы кончали скорее», т. е. считает, что продолжение войны есть исключительно воля И.В. Сталина и его окружения. Как часто бывает в периоды испытаний, многие люди становятся более суеверными и пытаются найти утешение не только в религии, но и в мистицизме. Л.П. Тихонравова – яркий тому пример со своим увлечением спиритизмом, а также весьма характерным утверждением: «Морозов нет, зима сиротская. Народ говорит: земля не промерзает потому, что людской кровью пропитана»⁵⁴ (речь шла о зиме 1942–1943 г. – *И.Т.*). Именно на 1942 г. пришлось наибольшее количество смертей, в том числе в Коврове⁵⁵.

Для большинства переживших войну основными проблемами военных лет были продовольствие и наличие относительно нормальных жилищных условий, а также болезни – свои собственные и близких. Это характерно не только для жителей городов, но и для людей⁵⁶, проживавших в сельской местности⁵⁷.

Осознание всеобщего несчастья, необходимости взаимопомощи, а также общей цели на ближайшее время выразилось в широком участии в мероприятиях по

⁴⁸ Хроника чувств: 1941–1945 гг.: Письма владимирцев с фронта и на фронт. Ярославль, 1990. С. 51–52, 56, 58, 61, 85, 185. Об этом пишут, например, А.Я. Абашкин, А.И. Дубков, Н.И. Кузнецов, П.Я. Борисов, Н.С. Батков Г.С. Зудилов и др.

⁴⁹ Там же. С. 84.

⁵⁰ Там же. С. 99.

⁵¹ Там же. С. 177.

⁵² Великий Подвиг: Даты. События. Документы. Воспоминания. Владимир, 2005. С. 246.

⁵³ Ковровчане в Великой Отечественной. С. 69.

⁵⁴ Там же. С. 73.

⁵⁵ ГАВО. Ф.П.-116. Оп. 63. Д. 32. Л. 42.

⁵⁶ Великий Подвиг: Даты. События. Документы. Воспоминания. С. 246.

⁵⁷ Дети войны – патриоты Отечества. Владимир, 2006. С. 39, 43; Путь к Победе: Ковров в 1941–1945: сборник материалов о Великой Отечественной войне. Ковров, 2005. С. 13; Победители: Воспоминания участников... С. 285.

организации помощи армии и военнослужащим. Женщины и девушки становились не только за станки на фабриках и заводах, но успевали ухаживать за ранеными в многочисленных госпиталях края⁵⁸.

Отношение к действующей власти и лично к председателю ГКО И.В. Сталину в массовом сознании населения было в целом позитивным. В источниках личного происхождения редко упоминается верховная власть Советского Союза, еще реже упоминается сам председатель ГКО.

Случаи наказаний за антисоветские высказывания и действия также отложились в памяти населения, однако в источниках личного происхождения они встречаются не чаще, чем оценка деятельности правительства в военные годы. Упаднические настроения среди населения отмечаются редко. Наиболее характерно разочарование во времени, в котором пришлось жить, было у упомянутой Л.П. Тихонравовой⁵⁹. Ф.И. Ларионов в своем письме дочке извиняется за то, что ни он, ни ее мать не могут сделать подарков ко дню рождения, но, оправдываясь, отмечает, что «не мы с мамой виноваты...»⁶⁰

В докладных записках НКВД отмечалось, что в ряде колхозов суздальского района председатели колхозов пьянствуют, а работники райпартактива вместо противодействия этому явлению сами участвуют в таких мероприятиях⁶¹. Вследствие этого среди жен красноармейцев отмечались недовольные настроения и высказывания: «Наши мужья проливают кровь, а здесь наши руководители пьянствуют»⁶².

Анализируя негативные высказывания, можно заметить, что для сельского населения главной проблемой были колхозы. Надежда на их роспуск связывалась чаще всего с приходом немцев⁶³. Чуть позже появилась мысль, согласно которой колхозы распустят по требованию Англии и Америки⁶⁴. В этой версии наряду с роспуском обычно прибавлялась надежда на открытие церквей⁶⁵.

Отдельные граждане в беседах утверждали в 1942 г., что скоро «наши войска будут сдаваться в плен пачками, и так соединятся вместе против Советской власти и возьмут власть голыми руками»⁶⁶. Вернувшийся из РККА солдат И.Е. Гришанинов утверждал, что на фронте широко распространено предательство и измена, а командный состав абсолютно неспособный⁶⁷.

В своих письмах в тыл родным и близким военнослужащие чаще всего призывали их верить в победу и не расстраиваться слишком сильно о том, что идет война, надеясь, что «сыны будущее построят»⁶⁸. Вера в светлое будущее, эксплуатировавшаяся властью со времен революции, достигла в годы войны еще больших масштабов. По мнению фронтовиков, думать следовало о дне завтрашнем, то есть о времени, когда будут жить дети участников войны. Почти в половине исследованных писем с фронта проявлялось стремление отдать свою жизнь, погибнуть героической смертью за свободу родной страны.

Условия жизни населения в течение войны практически не улучшались, а потому и настроения граждан менялись в позитивную сторону медленно. В то же время

⁵⁸ Победители: Воспоминания участников... С. 91–92.

⁵⁹ Из дневника Тихонравовой Л.П. // Ковровчане в Великой Отечественной. С. 68–70, 73.

⁶⁰ Там же. С. 96.

⁶¹ ГАВО. Ф.П.-112. Оп. 3. Д. 131. Л. 13; Д. 108. Л. 55, 57.

⁶² Там же. Д. 108. Л. 38.

⁶³ Там же. Л. 43.

⁶⁴ Там же. Л. 44.

⁶⁵ Там же. Л. 44., 49 об.

⁶⁶ Там же. Л. 44.

⁶⁷ Там же. Л. 47 об.

⁶⁸ Хроника чувств: 1941–1945 гг.: Письма владимирцев с фронта и на фронт. С. 35, 36, 41; В.Г. Моисеев обращается в письме с призывом не верить болтунам и паникерам. См.: Там же. С. 102.

перелом в войне и победная поступь Красной армии в 1944–1945 гг. существенным образом повлияла на ожидание улучшений в жизни после войны, а также на то, что именно война являлась определяющим фактором тяжелого положения широких слоев населения.

Выводы

Анализ настроений жителей Владимирского региона показывает, что большинство из них видели войну справедливой, а виновником конфликта считали ненавистного врага. Складывалось это ощущение под воздействием не только пропаганды, но и на основе информации, получаемой из других источников, в первую очередь писем родных и знакомых с фронта и с территорий, побывавших в оккупации. Основная масса населения в сравнительно сжатые сроки, примерно к зиме 1941–1942 гг., осознала, что альтернативой борьбы с врагом становилось уничтожение и порабощение большинства жителей Советского Союза. Трудные условия существования военных лет в полной мере отражались на настроениях людей и приводили нередко к критическому отношению к власти, далеко не всегда делавшей все для минимально возможного улучшения жизни. В начальный период войны люди, которые в той или иной степени были обижены советской властью, рассчитывали на ее падение под ударами немцев. В то же время советская власть за предшествующие десятилетия смогла в значительной степени привить, прежде всего, молодежи веру в построение коммунизма.

Несмотря на все трудности и лишения, потерю близких людей на фронтах войны население Владимирского региона в целом занимало в годы войны патристическую позицию. Горожане, жители сел и деревень регулярно ходили на работу, самоотверженно трудились, мирились с нехваткой продовольствия и плохими жилищными условиями. Большинство людей, по мере возможности, стремились помогать друг другу, воспринимая войну как равное бедствие для всех.

Поступила в редакцию / Submitted: 04.10.2020

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.10.2021

References

- Artiukh, D.A. "Protivotankovye rvy v Sudogodskom i Sobinskom raionah Vladimirskoi oblasti." *Rozhdestvenskii sbornik*, no. 12 (2005): 135–141 (in Russian).
- Budnitskii, O.V. "Izobretaia Otechestvo: istoriia voiny s Napoleonom v sovetskoi propagande 1941–1945 godov." *Rossiiskaia istoriia*, no. 6 (2012): 157–169 (in Russian).
- Chirov, V.M. *Velikii Podvig: Daty. Sobytiia. Dokumenty. Vospominaniia*. Vladimir: [S.n.], 2005 (in Russian).
- Chuchelin, G.A. *Vo imia spaseniia otchizny (1941–1945)*. Vladimir: Zoloty vorita Publ., 2000 (in Russian).
- Chudinovskii, E.N. "Nariadu s khoroshim nastroeniem imeiut mesto otkrytye vylazki vrazhdebnykh elementov." *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 6 (2002): 19–25 (in Russian).
- Frolov, N.V. *Kovrovchane v Velikoi Otechestvennoi*. Kovrov: Mashteks Publ., 2000 (in Russian).
- Golovkin, V.I. "Sobintsy v gody voiny." *Velikaia Otechestvennaia voina i sovremennost'*. Vladimir: [S.n.], 1995: 40–47 (in Russian).
- Grafskaia, G.G., ed. *Deti voiny – patrioty Otechestva*. Vladimir: [S.n.], 2006 (in Russian).
- Kireev, N.M., and Stavickii, I.V. "Rost i ukreplenie riadov KPSS v period Velikoi Otechestvennoi voiny." *Voprosy istorii*, no. 12 (1959): 3–19 (in Russian).
- Komarova, N.E., and Moniakova, O.A., eds. *Put' k Pobede: Kovrov v 1941–1945: sbornik materialov o Velikoi Otechestvennoi vojne*. Kovrov: Znamia truda Publ., 2005 (in Russian).
- Komkov, G.D. *Istoki pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine*. Moscow: Akademia Nauk SSSR Publ., 1961 (in Russian).
- Kozlov, N.D. *Moral'nyi potentsial naroda i massovoe obshchestvennoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: Dissertatsiia ... doktora istoricheskikh nauk*. St. Petersburg, 1996 (in Russian).

- Krinko, E.F. “Obrazy protivnika v massovom soznanii sovetskogo obshchestva v 1941–1945 godakh.” *Rossiiskaia istoriia*, no. 5 (2010): 74–89 (in Russian).
- Kushpetovskii, N. *Pamiatka Mskouromgo polka k 200-letnemu iubileiu. 1708–1908 g.* Warsaw: Russkoe obshchestvo Publ., 1908 (in Russian).
- Livshin, A., and Orlov, I. “The Soviet ‘Propaganda State’ during World War II: Resource Constraints and Communication Capabilities.” *The Soviet and Post-Soviet Review* 39, no. 2 (2012): 192–218, doi.org/10.1163/18763324-03902004 (in Russian).
- Livshin, A.Ya., and Orlov, I.B., eds. *Sovetskaia propaganda v gody Velikoi otechestvennoi voiny: “kommunikatsiia ubezhdeniia” i mobilizatsionnye mekhanizmy.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Lonchinskaia, L.Ya. *Massovoe soznanie naseleniia ural'skikh oblastei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: Istoricheskii aspekt: Dissertatsiia... kandidate istoricheskikh nauk.* Cheliabinsk, 2005 (in Russian).
- Maksimova, N.D. “Memuary A.P. Pugachevoi: (o gorode Vladimire v gody Velikoi Otechestvennoi voiny).” *Rozhdestvenskii sbornik*, no. 12 (2005): 185–193 (in Russian).
- Mertsalov, A.N., and Mertsalova, A.A. *Stalinizm i voina.* Moscow: Terra Publ., 1998 (in Russian).
- Nikitina, M.Ye. *Ideologemy vruga i geroina i ikh vnedrenie v massovoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Dissertatsiia... kandidate istoricheskikh nauk.* Penza, 2005 (in Russian).
- Paramonov, V.N. “Social moods of the population of the Soviet rear during the Stalingrad battle.” *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* 23, no. 1 (2018): 45–55, https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.1.5 (in Russian).
- Savushkin, L.M. *Ideologiia sovetskogo tyla: problemy i protivorechiia. 1941–1945.* Voronezh: Voronezhskii universitet Publ., 1990 (in Russian).
- Simonov, K.M. *Glazami cheloveka moego pokoleniia: Razmyshlenie o I.V. Staline.* Moscow: Novosti Publ., 1988 (in Russian).
- Somov, V.A. “Bombyozhki g. Gor'kogo i massovoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny.” *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. Istoriia*, no. 1 (2007): 33–39 (in Russian).
- Somov, V.A. “Formy sotsial'nogo reagirovaniia naseleniia na nachalo Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam Volgo-Viatskogo regiona).” *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 3 (2011): 192–197 (in Russian).
- Sredin, G.V. *KPSS – organizator pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine.* Moscow: Znanie Publ., 1975 (in Russian).
- Tochenov, S.V. “Stroitel'stvo oboronitel'nykh sooruzhenii na territorii Ivanovskoi oblasti v 1941–1943 gg.” *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 4 (2011): 90–96 (in Russian).
- Utkin, B.P. “Ideologicheskaiia rabota v period Velikoi Otechestvennoi voiny.” *Voprosy istorii*, no. 4 (1985): 33–46 (in Russian).
- Vdovin, A.I. “Nationalistic NEP during the Great Patriotic war.” *Klio*, no. 8 (2015): 89–99 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

И.С. Тряхов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, Россия, Владимир, ул. Горьковых, 87, ilja.tryahoff@yandex.ru

I.S. Tryakhov, Ph.D. in History, Associate Professor of the Russian History Department, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, 87, Gorkii St., Vladimir, 600000, Russia, ilja.tryahoff@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-555-567>

Научная статья / Research article

Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью во второй половине 1945 г.

Александр Владимирович Жадан

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России,
Владивосток, Россия

✉ awzhadan252@mail.ru

Аннотация: Исследуются причины и условия обострения криминальной обстановки на Дальнем Востоке во второй половине 1945 г. и исторический опыт местных органов НКВД по поддержанию правопорядка в условиях советско-японской войны и первых послевоенных месяцев. На основании анализа документации управлений НКВД Приморского и Хабаровского краев, представленной внутренними распорядительными документами и материалами первичных парторганизаций, автор делает выводы о тенденциях и детерминантах развития криминальной ситуации в регионе, способах и направлениях деятельности органов НКВД по обеспечению правопорядка. Изучая заявленную проблематику, удалось не только констатировать наличие негативной динамики по количеству и тяжести преступных проявлений, но и установить, что криминальный кризис второй половины 1945 г. был обусловлен наложением новых политических и социально-экономических факторов и на без того тяжелую криминогенную обстановку, сложившуюся за годы Великой Отечественной войны. В ходе исследования во многом подтвердился неоднократно отмечаемый в историографии факт о влиянии «кадрового голода» и проблем материального обеспечения на эффективность деятельности органов НКВД в военный и послевоенный периоды. Основными путями по нормализации оперативной обстановки в дальневосточном регионе стали меры организационного, оперативного-розыскного, контрольно-методического и административного характера, позволившие остановить рост уличной преступности. Вместе с тем успех оказался лишь частичным – общий уровень криминальной активности в регионе продолжал оставаться высоким на протяжении нескольких послевоенных лет.

Ключевые слова: Вторая мировая война, японские военнопленные, истории правоохранительных органов, сталинизм

Для цитирования: Жадан А.В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью во второй половине 1945 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 555–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-555-567>

Activities of the NKVD of the Far East in the fight against crime in the second half of 1945

Alexander V. Zhadan

Vladivostok branch of Far East legal institute Ministry of Internal Affairs of Russia,
Vladivostok, Russia

✉ awzhadan252@mail.ru

Abstract: This article examines the causes and conditions of the aggravation of the criminal situation in the Far East in the second half of 1945 and the historical experience of local NKVD (People's Commissariat of Internal Affairs) bodies in maintaining law and order under the conditions of

© Жадан А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the Soviet-Japanese war and the first post-war period. Based on the analysis of the documentation of the NKVD departments of Primorye and Khabarovsk territories, including internal administrative documents (orders, plans, etc.), as well as materials of primary party organizations (minutes of party meetings, certificates, memos, etc.), the author draws conclusions about the development of the criminal situation in the region, and discusses the NKVD's ways and directions to ensure law and order. Studying the stated problems, it was possible not only to state the presence of negative dynamics in the number and severity of criminal manifestations, but also to establish that the criminal crisis of the second half of 1945 was caused by the imposition of new socio-economic and political factors (including the amnesty for prisoners, the relocation of large masses of troops, the Soviet-Japanese war, the placement of prisoners of war, demobilization) on the already difficult criminal situation that had developed during the Great Patriotic War. The study largely confirmed the fact repeatedly noted in historiography about the impact of "personnel starvation" and problems of material support on the effectiveness of the NKVD in the war and post-war period. The archival documents show that the main ways to normalize the operational situation in the Far East region were measures concerning organizational work and operational-search activities, as well as control-methodical and administrative measures. The author concludes that the measures taken allowed the NKVD of the Far East to reverse the explosive growth of serious street crime by the end of 1945. However, this success was only partial – the overall level of criminal activity in the region continued to remain at a fairly high level for several post-war years.

Keywords: World War II, Japanese prisoners of war, Law Enforcement History, Stalinism

For citation: Zhadan, Alexander V. "Activities of the NKVD of the Far East in the fight against crime in the second half of 1945." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 555–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-555-567>

Введение

Обеспечение безопасности общества и защита прав человека от преступных посягательств являются важнейшими задачами государства и его правоохранительных органов. В условиях военного времени правоохранительная функция государства приобретает особое значение, связанное с необходимостью обеспечения нормального функционирования тыла, поддержания авторитета органов власти, чувства уверенности и защищенности у населения. Не менее сложной и важной является задача обеспечения правопорядка в процессе перехода общества от состояния «социального шока» военного времени к мирной жизни, неизбежно сопровождающегося криминальными эксцессами.

В годы Великой Отечественной войны, как и в послевоенный период, реализация основной части вышеназванных задач легла на плечи органов НКВД – МВД. При этом характерной особенностью историографии органов внутренних дел рассматриваемого нами периода является крайняя неравномерность в изучении отдельных вопросов, обусловленная как уровнем развития исторической науки в нашей стране, так и политико-идеологической конъюнктурой осмысления эпохи сталинизма.

Среди отечественных исследователей до сих пор отсутствует единство подходов в интерпретации сталинизма в целом как исторического явления и в оценке его влияния на эволюцию отдельных сфер советского государства и общества¹. Дискуссии о феномене сталинизма продолжаются и в зарубежной историографии². Интересной особенностью последних лет стало внимание историков к региональным аспектам деятельности государственно-репрессивного механизма сталинской эпохи³.

¹ Белоусова О.В. Миф о Сталине и пространство памяти: возможности нового исследовательского подхода // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 266–273.

² Stalin's Catechism: Interview with historians David Brandenberger and Mikhail Zelenov about «Stalin's Master Narrative» // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 3. С. 784–797.

³ Ерин М.Е., Мойсинович А.М. Проблемы сталинизма в современной историографии // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (15). С. 5–11.

Историческая наука в настоящее время обладает широким спектром исследований, посвященных отечественным органам правопорядка периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени, их структурным изменениям, отдельным направлениям деятельности, социально-бытовым условиям жизни и работы сотрудников⁴. В последние десятилетия растет внимание исследователей и к региональным аспектам деятельности правоохранительных органов, в том числе Сибири и Дальнего Востока⁵.

Исследователями достаточно подробно изучен и описан комплекс причин морально-психологического, демографического, социально-экономического характера, вызвавший в военное время быстрый рост уголовной преступности как в целом по стране, так и в дальневосточном регионе⁶.

Вместе с тем, в настоящее время остаются недостаточно изученными специфика развития и основные детерминанты криминальной ситуации на Дальнем Востоке в условиях советско-японской войны и первых послевоенных месяцев, а также специфика деятельности местных органов НКВД в сферах противодействия преступности и поддержания правопорядка.

В задачи данной статьи входит изучение и анализ исторического опыта деятельности дальневосточных органов НКВД по борьбе с преступностью в условиях завершающего этапа Второй мировой войны и первые послевоенные месяцы.

Для реализации поставленной цели предстоит: проанализировать развитие криминальной ситуации на Дальнем Востоке в военное время, установить комплекс причин, детерминировавших вспышку преступности во второй половине 1945 г.; охарактеризовать эффективность работы дальневосточных органов НКВД, выявить факторы, оказывавшие на нее негативное влияние; исследовать и систематизировать комплекс мер, реализуемых органами правопорядка в целях нормализации криминальной ситуации на Дальнем Востоке.

Источником для анализа послужил корпус документов управлений НКВД Хабаровского (далее – УНКВД по ХК) и Приморского краев (далее – УНКВД по ПК), хранящихся соответственно в архивах УМВД данных субъектов РФ, а также в Государственном архиве Хабаровского края. Также использовались документы центрального аппарата НКВД СССР, в частности фонда Главного управления по борьбе с бандитизмом (далее – ГУББ НКВД СССР) Государственного архива Российской Федерации.

⁴ *Бородкин Л.И.* ГУЛАГ в годы войны: мобилизационная экономика в экстремальном режиме // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 46–54; *Емелин С.М.* Историография деятельности органов НКВД-МВД в конце 1930-х – середины 1950-х гг. // История государства и права. 2009. № 24. С. 41–45; *Зиборов В.К., Иванов В.А., Ходяков М.В.* «Кадры решают все!» Блокадные записки сотрудника НКВД. 1942 год // Новейшая история России. 2015. № 2 (13). С. 246–276; *Латышев А.В.* Работа фильтрационных лагерей НКВД в 1942 г.: влияние экономических факторов и ведомственных интересов // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 36–48; *Shearer D.R.* Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven, 2009 и др.

⁵ *Милежик А.В.* Становление научной школы по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России // Клио. 2019. № 1 (145). С. 128–135; *Суверов Е.В.* Борьба с бандитизмом в послевоенный период в Западной Сибири (1945–1949 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-1. С. 23–25; *Шабельникова Н.А.* На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. 2020. № 5 (161). С. 20–27 и др.

⁶ *Галлямова Л.И.* Дальний Восток СССР в годы Великой Отечественной войны в освещении современной региональной историографии // Россия и АТР. 2020. № 2 (108). С. 23–40; *Belova E., Gregory P.* Political economy of crime and punishment under Stalin // Public Choice. 2009. № 140. P. 463–478.

Историко-криминологический анализ ситуации на Дальнем Востоке в 1941–1945 гг.

Военные годы стали для страны периодом социально-экономического кризиса, затронувшего в том числе и дальневосточное общество. Дефицит продуктов питания и товаров первой необходимости, рост цен на рынках и обесценивание зарплат обуславливали рост преступных посягательств на собственность (краж, грабежей, разбоев, мошенничеств, присвоений, растрат и т. д.). Сложная оперативная обстановка сложилась на объектах транспорта, через которые шли потоки грузов, поставляемых по ленд-лизу⁷.

Мобилизация взрослого населения на фронт и на производство создала проблему безнадзорности детей – социальной почвы преступности несовершеннолетних⁸.

Насыщенность региона пенитенциарными учреждениями обуславливала «засоренность» социальной среды отбывшими наказание уголовниками. Ослабление конвойной службы в результате масштабной мобилизации личного состава в армию привело к увеличению числа побегов заключенных. К этому следует добавить вызванный военным временем рост дезертирства (в том числе трудового⁹), а также наличие в регионе определенного количества антисоветски настроенных граждан (бывших белоказаков, участников повстанческих формирований и контрреволюционных организаций). В совокупности данные обстоятельства формировали социальную базу бандитизма на Дальнем Востоке.

Опасная криминогенная обстановка сложилась в период 1941–1943 гг., когда рост преступности, в том числе бандитизма, сопровождался одновременным снижением показателей предупреждения и раскрываемости преступлений. Однако активные действия органов НКВД, в особенности повышение эффективности агентурно-оперативной работы, позволили к 1944 г. добиться существенных успехов в борьбе с преступностью. Сократилось количество проявлений бандитизма (см. табл. 1). Стабильно росла раскрываемость преступлений. Так, по Хабаровскому краю этот показатель составлял в 1 квартале 1944 г. – 75,7 %, во 2 квартале – 83,2 %, в 3 квартале – 86,6 %, в 4 квартале – 88,3 %¹⁰. Высоких показателей раскрываемости удалось добиться в 1944 г. органам НКВД Приморья¹¹.

К 1944 г. в структуре дальневосточной преступности преобладали посягательства на собственность, при относительно небольшом числе тяжких преступлений. Такая ситуация была характерна как для городов, так и для сельской местности¹².

Положительные тенденции общего сокращения преступности, при сохранении высокого процента раскрываемости и незначительном числе тяжких преступлений сохранялись и в первой половине 1945 г. Так, если во второй половине 1944 г. в г. Хабаровске было зарегистрировано 997 преступлений (из которых было раскрыто 926), то в первом полугодии 1945 г. аналогичные показатели составили соответ-

⁷ Ткачева Г.А., Жадан А.В. Социально-экономические детерминанты криминализации приморского общества в 1941–1945 гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 94–99.

⁸ Ляскина Н.В. Особенности внешкольной работы в профилактике детской беспризорности и безнадзорности в Приморском крае (1941–1945 гг.) // Гуманитарные чтения. сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой Победы. Владивосток: ДВФУ, 2020. С. 84–90.

⁹ Khlevniuk O.V., Hale-Dorell A. Deserters from the Labor Front: The limits of coercion in the Soviet war economy // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20. № 3. P. 481–504.

¹⁰ Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. П-513. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.

¹¹ Шабельникова Н.А., Бакиуттов С.Н. Деятельность милиции Приморья в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: материалы Междунар. форума. Владивосток, 2015. С. 319–320.

¹² Архив УМВД по Приморскому краю (далее – АУМВД по ПК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 50. Л. 82, 87.

ственно – 902 и 839¹³ (табл. 2). Существенных успехов удалось добиться в 1-м квартале 1945 г. Дорожному отделу милиции УНКВД по ПК, повысившему раскрываемость краж на железнодорожном транспорте на 9,3 %¹⁴.

Таблица 1

Количество ликвидированных на Дальнем Востоке бандитских групп и их членов с июня 1941 по 1944 г.

Регион	Период времени	Ликвидировано бандитских групп	Общее количество выявленных членов бандитских групп	Из них	
				убито	арестовано
Приморский край	Вторая половина 1941 г.	1	26	–	26
	1942 г.	–	95	–	95
	1943 г.	11	397	27	370
	1944 г.	10	35	2	33
Хабаровский край	Вторая половина 1941 г.	3	22	13	9
	1942 г.	31	263	17	246
	1943 г.	15	94	5	89
	1944 г.	22	82	1	81

Составлено самостоятельно по: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 493. Л. 1–3; Д. 274. Л. 1.

Таблица 2

Сведения об уголовной преступности по г. Хабаровску за первое полугодие 1945 г. (зарегистрировано/раскрыто)

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Тяжелые виды преступлений	3/2	2/0	5/4	0/0	2/2	0/0
Кражи всех видов	108/100	130/124	143/138	134/123	137/124	152/139
Прочие преступления	20/18	15/15	12/12	13/13	16/15	10/10
Всего	131/120	147/139	160/154	147/136	155/141	162/149

Составлено самостоятельно по: ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 21. Л. 6–7.

Примечание: в число раскрытых преступлений включены сведения о раскрытых в отчетном месяце из числа совершенных ранее.

Однако вторую половину 1945 г. можно охарактеризовать как период резкого обострения криминальной обстановки на Дальнем Востоке.

Подтверждения этого тезиса содержатся, во-первых, в партийной документации органов НКВД. В частности, в материалах Партбюро Управления милиции (далее – УМ) УНКВД по ХК, датированных декабром 1945 г., отмечается рост в 1945 г. тяжелых форм преступлений в сравнении с прошлым годом на 9,9 %, неудовлетворительное положение в борьбе с хулиганством, увеличение детской преступности.

¹³ ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

¹⁴ ГАРФ. Р-9415. Оп. 3. Д. 384. Л. 2.

При этом резолюция Партбюро обращает внимание на нарастание преступности именно во второй половине 1945 г.¹⁵

Во-вторых, о стремительном ухудшении криминальной ситуации в данный период свидетельствуют внутренние распорядительные документы органов НКВД¹⁶. В «Плане агентурно-оперативных мероприятий по усилению борьбы с уголовно-бандитской преступностью и наведению должного порядка в г. Хабаровске» от 26 декабря 1945 г. (далее – «План агентурно-оперативных мероприятий») указывается, что «За последние 2–3 месяца в г. Хабаровске резко возросла уголовная преступность и хулиганство, зачастую сопровождающееся бандитскими проявлениями»¹⁷.

О росте уголовной преступности, особенно в крупных городах дальневосточного региона в конце 1945 г., свидетельствуют и материалы ряда научных исследований¹⁸.

Какова же была совокупность причин и условий, детерминировавших в указанный период времени криминальный кризис в дальневосточном регионе?

В документах органов НКВД в качестве основных факторов указываются: рост преступности среди военнослужащих; последствия амнистии, объявленной Указом Президиума ВС СССР от 07.07.1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией»; ослабление паспортного режима и контроля за расконвоированными заключенными.

Так, на партийном собрании 28 ноября 1945 г. заместителем начальника УМ УНКВД по ХК Черновым отмечалось: «Нами не все было сделано оперативно в связи с освобождением людей из лагерей по амнистии, не учтена была демобилизация и возможные проявления хулиганства со стороны военнослужащих. Все это вместе взятое и породило рост преступности в городе»¹⁹. Аналогичные выводы содержатся не только в партийной документации, но и в оперативно-аналитических материалах²⁰.

Для Дальнего Востока исторически была характерна высокая концентрация воинских контингентов. В годы Великой Отечественной войны в регионе размещалось около 40 дивизий, а в преддверии войны с Японией группировка войск была увеличена вдвое. В рассматриваемый нами период времени военнослужащие составляли до четверти населения региона²¹.

Негативные тенденции разложения дисциплины в отдельных частях и роста преступности среди военных начали проявляться в Приморском крае уже во второй половине 1944 г., о чем свидетельствует переписка начальника УНКВД по ПК А.А. Закусило и секретаря Приморского крайкома ВКП(б) Н.М. Пегова. В четвертом квартале 1944 г. на долю военнослужащих приходилось 13 % от общего числа преступлений, совершенных в Приморье²².

Количественное увеличение воинских контингентов во второй половине 1945 г., сопряженное с неразберихой частых передислокаций, слабым контролем за оружием и боеприпасами, наличием у отдельных бойцов трофейного и иного нелегального оружия, низкой дисциплиной в отдельных воинских частях и попустительством командования, привело к резкому росту преступности военнослужащих и дезорганизации общественного порядка в ряде населенных пунктов Дальнего Востока. Материалы пере-

¹⁵ ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 22. Л. 18–20.

¹⁶ Архив УМВД по Хабаровскому краю (далее – АУМВД по ХК). Ф. 40. Оп. 1. Д. 141. Л. 42.

¹⁷ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 126. Л. 90.

¹⁸ Худяков П.П., Швец А.В. Становление и развитие организационно-правовых основ и структуры аппарата милиции Приамурья (1917–1982 гг.). Благовещенск: Благовещенский филиал ДВЮИ МВД России, 2008. С. 99.

¹⁹ ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 21. Л. 34–34 об.

²⁰ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 126. Л. 90.

²¹ Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. Владивосток, 2009. С. 124.

²² АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 4–6.

писки А.А. Закусило и Н.М. Пегова пестрят сообщениями об убийствах, изнасилованиях, разбойных нападениях и иных тяжких преступлениях, совершаемых военными²³.

Проблема пресечения автолихачества, часто сопровождаемого человеческими жертвами, становится в рассматриваемый период одной из важных задач для дальневосточных органов НКВД. В документах отмечается, что аварии совершаются главным образом водителями воинских частей, которые в результате бесконтрольности со стороны командования используют автотранспорт в преступных целях²⁴.

Регион наполняется нелегальным оружием, чего не было в предшествующие годы, когда Дальний Восток являлся глубоким тылом. В декабре 1945 г. начальник УНКВД по ХК И.И. Долгих ставит этот вопрос перед начальником гарнизона и комендантом г. Хабаровска, требуя изъятия всего нетабельного и трофейного оружия, имеющегося у военнослужащих²⁵.

Не менее сложная оперативная обстановка сложилась и на железной дороге – основной транспортной артерии региона. В приказе начальника УНКВД по ХК № 0133 от 20 октября 1945 г. отмечается значительное увеличение числа дерзких хулиганских действий со стороны военнослужащих на объектах Дальневосточной железной дороги, особенно на станциях Хабаровск-1 и Хабаровск-2²⁶.

Отдельного упоминания заслуживает критическая ситуация, имевшая место на присоединенной территории Южного Сахалина непосредственно после окончания боевых действий. Десятки тысяч беженцев, желающих выехать в Японию, скопились в портовых городах, формируя социальную почву для возможных эксцессов. На острове действовала японская агентура, в лесах скрывались японские военнослужащие, регион был насыщен тайниками с оружием. Повсеместно имели место разрушение и поджоги предприятий, линий связи, объектов транспорта, жилья, культуры и т. д. Массовый характер приобрели бандитизм, расхищение продовольствия, ценного оборудования и имущества, в чем участвовали как местное население, так и советские военнослужащие²⁷.

Наконец, еще одним фактором, осложнившим криминогенную ситуацию в рассматриваемый нами период, стало прибытие в регион десятков тысяч японских военнопленных. Формирование системы лагерей НКВД для военнопленных оказалось сопряжено с целым рядом трудностей, в том числе кадрового и материального характера. Далеко не сразу удалось обеспечить эффективную систему охраны и оперативного контроля за пленными японцами. В связи с этим уже осенью 1945 г. обстановка была серьезно осложнена большим числом побегов японских военнопленных, сопровождавшихся зачастую преступлениями в отношении советских граждан²⁸.

Проблемы эффективности действий дальневосточных органов НКВД по обеспечению правопорядка

Говоря о проблемах в борьбе с преступностью и поддержании правопорядка на Дальнем Востоке, следует иметь в виду, что на эффективность работы органов НКВД в рассматриваемый период времени оказывал влияние целый комплекс негативных факторов, объективно обусловленных эпохой военного времени: острый «кадровый голод», приводящий зачастую к замещению вакантных должностей со-

²³ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 78.

²⁴ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 126. Л. 90; АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 119.

²⁵ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 126. Л. 93.

²⁶ Там же. Д. 128. Л. 40.

²⁷ Кузнецов Д.А. Организация охраны правопорядка и борьба с преступностью на Южном Сахалине (1945–1950 гг.) // Россия и АТР. 2009. № 2. С. 101–102.

²⁸ Серебренников С.В. Побег японских военнопленных из советских лагерей (1945–1956 гг.). (Страницы отечественной и зарубежной историографии) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9. С. 184–194.

трудниками, не готовыми к выполнению возлагаемых обязанностей, проявлениям халатности, нарушениям служебной дисциплины, законности и т. п.²⁹; слабость системы подготовки кадров и проблемы материально-технического обеспечения. Анализируя криминальную ситуацию второй половины 1945 г., можно наблюдать как общее проблемное состояние органов правопорядка отражалось на результативности их действий на конкретных направлениях.

1. Недостаточно эффективная организация охраны общественного порядка. В документах отмечается неудовлетворительная организация патрулирования в общественных местах и на объектах транспортной инфраструктуры³⁰. Основной причиной была нехватка личного состава для обеспечения необходимого количества постов и маршрутов патрулирования³¹. Ситуацию усугублял тот факт, что значительное число постовых милиционеров находилось в преклонном возрасте³².

2. Недостатки в организации оперативно-розыскной работы. Исследованные документы позволяют выделить ряд причин низкой результативности в работе оперативных аппаратов:

- наличие на должностях оперативного состава значительного числа сотрудников, имевших малый опыт соответствующей работы³³;

- специфика социальной среды военнослужащих и проблемность ее оперативной разработки³⁴;

- недостаточно эффективная агентурная работа. В условиях масштабных социальных процессов, протекавших в регионе, естественным образом утратила свою актуальность имевшаяся агентурно-осведомительская сеть. Необходимо было в короткий срок осуществить оперативную разработку и приобрести качественную агентуру среди военнослужащих, военнопленных японцев, осевших в регионе после амнистии уголовников, демобилизованных фронтовиков и ряда иных социальных групп. Однако недостаточный опыт и квалификация оперативных работников часто не позволяли им приобретать «квалифицированную агентуру» (т. е. лиц, имеющих авторитет в уголовной среде и (или) относящихся к определенной социальной группе, профессии). В документах отмечается, что вербуемая агентура «малоквалифицированная», а, следовательно, бесполезна для оперативной работы³⁵.

Для противодействия преступности военнослужащих требовалась агентурно-осведомительская сеть в данной среде. Такого рода сетью располагали органы контрразведки НКВД «Смерш», однако ее оперативный аппарат был прежде всего ориентирован на выявление государственных преступлений и в меньшей степени интересовался общеуголовной преступностью. В ряде случаев органам НКВД вовсе не удавалось наладить необходимое взаимодействие с органами военной прокуратуры и контрразведки, руководствовавшихся, по-видимому, своими ведомственными интересами³⁶;

- недостаточное использование в оперативно-розыскной деятельности возможностей криминалистики и служебного собаководства³⁷.

3. Нерешительность действий милиции в отношении военнослужащих. На пассивное отношение ряда работников милиции к происходящим беспорядкам обра-

²⁹ Дорохов В.Ж. «Кадровый голод» в милиции СССР в 1945–1949 гг. (на примере Хабаровского края) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 1 (36). С. 14–19.

³⁰ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 128. Л. 40.

³¹ ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 21. Л. 34–34 об.

³² Там же. Л. 35.

³³ Там же. Д. 22. Л. 18.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 20.

³⁶ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 90.

³⁷ ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 22. Л. 19.

щалось внимание на партийных собраниях³⁸, а в уже упомянутом «Плане агентурно-оперативных мероприятий» напрямую отмечалось, что «органы милиции ослабили борьбу против уголовных проявлений и особенно против преступлений со стороны военнослужащих, проявляя в этом явную нерешительность»³⁹.

Основные направления деятельности органов НКВД по нормализации криминальной ситуации на Дальнем Востоке

Необходимо признать, что центральное и региональное руководство НКВД имело вполне четкие представления о криминальной ситуации в регионе, факторах ее обуславливавших и недочетах в собственной работе, с учетом чего достаточно оперативно разрабатывались и реализовывались необходимые меры организационного, оперативного, контрольно-методического и иного характера.

1. *Меры организационного характера.* Происходит расширение оперативных аппаратов. Так, Приказом начальника УНКВД по ХК № 00118 от 5 сентября 1945 г. (на основании приказа НКВД СССР № 00941 от 11 августа 1945 г.) вводилось 10 дополнительных должностей в штатах периферийных органов по борьбе с бандализмом⁴⁰.

В октябре – ноябре 1945 г. для усиления оперативно-агентурной работы в местах содержания военнопленных формируются специальные структурные подразделения – оперативно-чекистские отделы (ОЧО). В состав каждого из ОЧО, помимо прочих структурных единиц, входило по два агентурных отделения, одно из которых обслуживало заключенных, вольнонаемных работников и служащих ВОХРа, а второе занималось работой с военнопленными⁴¹.

В целях обеспечения патрулирования населенных пунктов, своевременного пресечения преступлений и нарушений общественного порядка дополнительно создаются специальные мобильные подразделения.

Распространенной практикой становится реорганизация пеших подразделений наружной службы в кавалерийские⁴².

В октябре 1945 г., изначально временно, в г. Хабаровске создается мобильная группа из 50 человек, имеющая на вооружении автоматическое оружие⁴³. С 14 ноября 1945 г. такого рода группа (со штатом 30 чел.) начинает действовать на постоянной основе⁴⁴.

2. *Меры оперативно-агентурного характера.* Основные усилия оперативных аппаратов в данный период времени сосредоточиваются на выявлении лиц, незаконно хранящих, а также сбывающих холодное и огнестрельное оружие. В разработку брались частные слесаря, мелкие кустарные мастерские, государственные предприятия, связанные с металлообработкой. Осуществлялась проверка правильности хранения и охраны оружия, имевшегося у частных лиц и в организациях.

Особое внимание было обращено на работу в среде военнослужащих, где имелось трофейное (иное незаконное) оружие и осуществлялся его нелегальный оборот. Оперативные работники были ориентированы на проверку и изъятие оружия у военнослужащих, не имеющих необходимых документов на право его ношения⁴⁵.

³⁸ ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 21. Л. 35.

³⁹ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 126. Л. 90.

⁴⁰ Там же. Л. 110–111.

⁴¹ Там же. Д. 125. Л. 4–5 об., 9–10 об., 14–15 об., 80–84.

⁴² Там же. Д. 126. Л. 77–78, 81–82.

⁴³ Там же. Д. 128. Л. 39.

⁴⁴ Там же. Л. 42.

⁴⁵ Там же. Д. 126. Л. 92–93.

3. *Методическая помощь со стороны центральных аппаратов периферийным органам.* Учитывая кадровую слабость территориальных органов, получает распространение практика создания специальных групп из руководящего и оперативного состава региональных управлений НКВД и милиции для оказания методической помощи на местах. Такого рода группы численностью от 10 до 12 человек прикомандировывались к городским, районным, линейным отделениям милиции сроком на 14 дней.

Деятельность групп строилась по ряду направлений:

1) помощь в налаживании оперативной работы. Проводилась проверка имевшихся оперативных учетов: лица, не представлявшие реального интереса для оперативной работы, удалялись из него. В агентурно-осведомительской сети отсеивался «балласт» (т. е. отмеченная выше «малоквалифицированная» агентура) и приобреталась новая, преимущественно ориентированная на разработку притонов, грабительских групп и бандитов-одиночек. В оживленных общественных местах с целью предупреждения преступлений силами оперсостава организовывалось регулярное изъятие уголовного элемента;

2) помощь в организации работы участковых уполномоченных. Последним давались конкретные оперативные задания, направленные на профилактику преступлений и нарушений общественного порядка на закрепленных участках. Большое внимание уделялось проверке домовладений для выявления нарушителей паспортного режима;

3) помощь в организации охраны общественного порядка и взаимодействия с общественностью. Совместно с секретарями райкомов ВКП(б) была организована работа по мобилизации общественности на борьбу с уголовной преступностью. Проводились инструктивные собрания с дворниками, бригадами⁴⁶, управдомами; активные граждане привлекались к дежурству по охране общественного порядка⁴⁷.

4. *Очистка городов от уголовного и асоциального элемента. Проведение массовых проверочных операций.* В ходе массовых операций, к проведению которых привлекалось максимально возможное число сотрудников НКВД, представителей общественности и военнослужащих, должна была осуществляться проверка документов у всего населения, включая пассажиров на железной дороге и пароходах. Поводом к проведению такого рода мероприятий обычно служила активизация бандитских проявлений со стороны дезертиров и уголовных элементов⁴⁸. Однако такого рода акции, помимо прочего, имели существенный недостаток – во время проверок могла пострадать агентурно-осведомительская сеть, имевшаяся в уголовной среде. Возможно, в связи с этим к концу 1945 года происходит постепенное сужение масштаба такого рода мероприятий: их планирование сосредоточивается в отделах уголовного розыска и борьбы с бандитизмом; сами операции (облавы) проводятся силами только оперсостава, при наличии вооруженных нарядов усиления⁴⁹.

Помимо разовых проверочных мероприятий была организована постоянная совместная работа оперативных аппаратов и паспортных столов по выселению из крупных городов лиц, подпадавших под административные ограничения (бывшие заключенные, разного рода социально вредные элементы)⁵⁰.

5. *Усиление охраны правопорядка в общественных местах, на объектах транспорта и в случаях отдельных общественно-политических событий.* Обеспечение общественного порядка стало в рассматриваемый период времени одной из наибо-

⁴⁶ Члены бригад содействия милиции.

⁴⁷ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 126. Л. 90–91.

⁴⁸ Там же. Л. 21–21об., 53–53 об.

⁴⁹ Там же. Л. 94.

⁵⁰ Там же. Л. 91–92.

лее актуальных задач, на выполнение которой было мобилизовано максимально возможное количество сил и средств. В случаях обострения оперативной обстановки весь рядовой состав переводился на казарменное положение (например, такие меры были приняты в октябре 1945 года на Дальневосточной железной дороге⁵¹); в периферийных подразделениях устанавливалось ежесуточное дежурство из должностных лиц в ранге не ниже старшего оперуполномоченного. Вводились отдельные ограничения в торговле алкоголем⁵². Отдельное внимание отводилось проверке документов у посетителей кинотеатров, ресторанов и магазинов. В местах, наиболее пораженных преступностью и на окраинах городов, действовали конные патрули⁵³.

В целях пресечения «автолихачества» большая часть личного состава Госавтоинспекции выводилась на трассы для организации постовой службы. Сами посты были усилены автоматчиками. От инспекторов требовали обеспечить систематическую проверку документов у водителей с обязательным задержанием нарушителей правил дорожного движения. Одновременно была организована проверка гаражей на предмет выявления недокументированного автотранспорта (не имеющего паспортов, государственных номеров, незаконно приобретенного и т. п.), с наложением на такой транспорт ареста и последующим изъятием⁵⁴.

Отдельно стоит отметить мероприятия по пресечению терроризма, диверсий и проявлений бандитизма в связи с важными общественно-политическими событиями. Таковыми в рассматриваемый отрезок времени стали, например, прибытие в Хабаровск ставки Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке – маршала А.М. Василевского, а также представителей союзных армий в сентябре 1945 г. и празднование 7 ноября 1945 г.

На время таких мероприятий усиливался режим охраны в местах лишения свободы и лагерях для военнопленных, ограничивалось перемещение расконвоированных заключенных, в том числе в качестве шоферов. Усиливалась охрана государственной границы, важных промышленных и транспортных объектов. На улицах действовали усиленные наряды милиции, в ряде мест запрещалась стоянка автотранспорта, торговля с рук и лотков, удалялись чистильщики обуви. Милиция совместно с бригадмилом организовывала патрулирование населенных пунктов с целью обнаружения возможных контрреволюционных листов, задержания подозрительных лиц и т. д.⁵⁵

Выводы

В рассматриваемый период времени можно констатировать наличие в регионе криминального кризиса, детерминированного наложением новых социально-экономических и политических факторов (амнистия заключенных, передислокации больших масс войск, советско-японская война, размещение военнопленных, демобилизация и т. д.) на и без того тяжелую криминогенную обстановку, сложившуюся в военные годы. Сами органы НКВД в данное время оказались существенно ослаблены в кадровом отношении, испытывали нехватку материально-технических ресурсов.

Ответом со стороны органов НКВД стала выработка и реализация комплекса мер, направленных на стабилизацию оперативной обстановки в регионе: расширение оперативных аппаратов; дополнительное формирование специальных мобильных подразделений; совершенствование оперативно-розыскной работы; оказание мето-

⁵¹ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 128. Л. 40.

⁵² Там же. Л. 40 об.

⁵³ Там же. Д. 126. Л. 93.

⁵⁴ Там же. Л. 94.

⁵⁵ Там же. Д. 124. Л. 178; Д. 126. Л. 66–69.

дической помощи со стороны центральных аппаратов периферийным органам; совершенствование методик проведения проверочных мероприятий; усиление административного надзора за асоциальными и уголовными элементами; усиление охраны общественного порядка; профилактика дорожно-транспортных происшествий и др.

Рассуждая о результативности действий дальневосточных органов НКВД в данном направлении, можно резюмировать, что принятые меры позволили органам НКВД к концу 1945 г. переломить взрывной рост уличной преступности, однако успех был частичным. Показательны в этой связи материалы ноябрьского собрания партийной организации УМ УНКВД по ХК: «Преступно-хулиганствующему элементу в городе нанесен сокрушительный удар и уже нет того разгула, наводившего страх на население... Однако, надлежащего общественного порядка мы еще в городе Хабаровске не навели. Уголовные преступления и особенно квартирные кражи совершаются в большом количестве»⁵⁶. Высокий уровень преступности будет характерен для региона в течение еще нескольких послевоенных лет.

Поступила в редакцию / Submitted: 14.09.2020

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 06.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.10.2021

References

- Belousova, O.V. "The myth of Stalin and the memory space: opportunities for a new research approach." *Voprosy Istorii*, no. 8 (2020): 266–273 (in Russian).
- Borodkin, L.I. "GULAG during the war: mobilization economy in extreme mode." *Ural Historical Bulletin*, no. 4 (2018): 46–54 (in Russian).
- Dorokhov, V.Zh. " 'Personnel famine' in the police of the USSR in 1945–1949 (on the example of the Khabarovsk territory)." *Questions of national and Federal relations*, no. 1 (2017): 14–19 (in Russian).
- Emelin, S.M. "Historiography of the NKVD-MVD activity in the late 1930s – mid-1950s." *History of State and Law*, no. 24 (2009): 41–45 (in Russian).
- Erin, M.E., and Moisinovich, A.M. "Problems of Stalinism in modern historiography." *Bulletin of Yaroslavl state University named after P.G. Demidov. Series: Humanitarian Sciences*, no. 1 (2011): 5–11 (in Russian).
- Gallyamova, L.I. "The Far East of the USSR during the Great Patriotic war in the coverage of modern regional historiography." *Russia and the Asia-Pacific region*, no. 2 (2020): 23–40 (in Russian).
- Khudyakov, P.P., and Shvets, A.V. *Formation and development of the organizational and legal foundations and structure of the police apparatus of the Amur region (1917–1982)*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk branch of the DVUI Publ., 2008 (in Russian).
- Kuznetsov, D.A. "Organization of law enforcement and fighting crime in southern Sakhalin (1945–1950)." *Russia and the Asia-Pacific region*, no. 2 (2009): 101–109 (in Russian).
- Latyshev, A.V. "The work of the NKVD filtration camps in 1942: the influence of economic factors and departmental interests." *Voprosy Istorii*, no. 2 (2019): 36–48 (in Russian).
- Lyaskina, N.V. "Features of extracurricular work in the prevention of child homelessness and neglect in the Primorsky territory (1941–1945)." *Humanitarian readings. Collection of articles of the all-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory*, 84–90. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publ., 2020 (in Russian).
- Milezhik, A.V. "Formation of a scientific school on the history of law enforcement agencies in the Russian far East." *Clio*, no. 1 (2019): 128–135 (in Russian).
- Serebrennikov, S.V. "Escapes of Japanese prisoners of war from Soviet camps (1945–1956). (Pages of domestic and foreign historiography)." *Izvestiia Volgograd state pedagogical University*, no. 9 (2017): 184–194 (in Russian).
- Shabel'nikova, N.A. "The Great victory in the memory of generations: the Second world war in modern Far Eastern historiography." *Klio*, no. 5 (2020): 20–27 (in Russian).

⁵⁶ ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 21. Л. 34–35.

- Shabelnikova, N.A., and Bakshutov, S.N. “Activities of the Primorye militia during the great Patriotic war.” In *The Great Patriotic war and the Second World War: the far Eastern dimension: materials of the Intern. Forum*, 319–320. Vladivostok: Far Eastern Federal publishing House, 2015 (in Russian).
- Suverov, E.V. “Fight against banditry in the post-war period in Western Siberia (1945–1949).” *Actual problems of fighting crimes and other offenses*, no. 16–1 (2016): 23–25 (in Russian).
- Tkacheva, G.A., and Zhadan, A.V. “Socio-economic determinants of criminalization of Primorye society in 1941–1945.” *Society: philosophy, history, culture*, no. 1 (2018): 94–99 (in Russian).
- Vashchuk, A.S., ed. *Mir posle voyny: dal'nevostochnoe obshchestvo v 1945–1950 e gg.* Vladivostok: Dalnauka Publ., 2009 (in Russian).
- Ziborov, V.K., Ivanov, V.A., and Khodyakov, M.V. “‘Cadres decide everything!’ Blockade notes of an NKVD officer. 1942.” *Modern History of Russia*, no. 2 (2015): 246–276 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

А.В. Жадан, кандидат исторических наук, старший преподаватель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, 690087, Россия, Владивосток, ул. Котельникова, 21, awzhadan252@mail.ru

A.V. Zhadan, Ph.D. in History, Senior Lecturer of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 21, Kotelnikova St., Vladivostok, 690087, Russia, awzhadan252@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-568-578>

Научная статья / Research article

Ненецкий автономный округ в системе российского федерализма: по материалам этносоциологического исследования

Владимир Юрьевич Зорин ^а, Михаил Сергеевич Каменских ^{б,с}✉

^аИнститут этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва, Россия

^бПермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН,
Пермь, Россия

^сПермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия

✉ pomidorr@mail.ru

Аннотация: Анализируются тенденции развития современного российского федерализма на примере общественно-политической ситуации, сложившейся на фоне дискуссий о возможном объединении Ненецкого автономного округа и Архангельской области. В 1993 г. Ненецкий округ был провозглашен равноправным субъектом Российской Федерации. Однако исторически он находится в транспортной и энергетической зависимости от Архангельской области, что и стало причиной сложных отношений между регионами в последние 30 лет. В этой связи ситуация в округе представляет интерес с позиции анализа тенденций развития российского федерализма. Основным источником для написания статьи послужили данные этносоциологического исследования, проведенного в округе в 2020 г. Исследование включало в себя анкетирование, фокус-группы и записи глубинных интервью. Материалы опросов показали, что несмотря на принятое решение, население округа и лидеры общественного мнения высказываются против проекта объединения округа и Архангельской области в один субъект. По мнению авторов, в дискуссии о развитии системы административно-территориального деления России крайне важно выработать гибкую стратегию, извлечь уроки из постсоветского опыта государственного строительства. В ближайшей перспективе необходимо привлечь к сотрудничеству широкие слои лидеров общественного мнения, изучить их настроения, учесть позицию при планировании схемы управления в рамках решения о целесообразности создания новых регионов. К разработке стратегии необходимо привлечь экспертное сообщество.

Ключевые слова: национальная политика, ненцы, национальные округа, административная реформа, национально-территориальное устройство

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Национальные округа в системе российского федерализма» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.).

Для цитирования: Зорин В.Ю., Каменских М.С. Ненецкий автономный округ в системе российского федерализма: по материалам этносоциологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 568–578. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-568-578>

The Nenets Autonomous Okrug in the system of Russian federalism: an ethno-sociological investigation

Vladimir Yu. Zorin ^a, Mikhail S. Kamenskikh ^{b,c}✉

^a Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

^c Perm State National Research Polytechnic University, Perm, Russia

✉ pomidorrr@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of trends in the development of modern Russian federalism, against the background the discussions about a possible merger of the Nenets Autonomous Okrug (NAO) and the Arkhangelsk Region. These discussions caused mass protests among the residents of the Nenets Autonomous Okrug. In 1993, the NAO was proclaimed as an equal subject of the Russian Federation. However, the Okrug's historical dependence on the Arkhangelsk Region in terms of transport and energy caused difficult relations between the two regions over the past 30 years. In this regard, the situation in the Okrug is of interest from the standpoint of analyzing trends in the development of Russian federalism. In 2020, the situation around the NAO and the Arkhangelsk Region came back on the agenda after the announcement of the upcoming merger of the subjects. Mass protests, and the refusal of the majority of the district's population to support the amendments to the Constitution of the Russian Federation, suspended the process of regional integration. The main source of the study are data won from an ethno-sociological study conducted in the district in 2020. The study included questionnaires, focus groups and in-depth interview recordings. The material shows that despite the decision, the population of the district and public opinion leaders find an integration of the district and the Arkhangelsk region into one subject unacceptable. Moreover, the idea is perceived by many people as a threat, "an attempt to conquer, invade." The participants of the survey give a negative assessment of the actions of the Arkhangelsk region authorities and support representatives of the district authorities that are against the integration. At the same time, the residents of the Okrug share the values of civil Russian identity and are ready to dialogue and compromises. The authors suppose that now it is essential to develop a flexible strategy and take into consideration the situation that has emerged recently. In the short term, it is necessary to involve broad strata of public opinion leaders in discussion and cooperation, study their sentiments, and take their position into account when studying the feasibility of new regions. It is necessary to involve the expert community in the development of the strategy.

Keywords: national policy, Nenets, national districts, administrative reform, national territorial structure

Acknowledgements and Funding: The article was prepared in the framework of the project "National Districts in the System of Russian Federalism." (Program of fundamental and applied scientific research "Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening of all-Russian identity" 2020–2022).

For citation: Zorin, V.Yu., and Kamenskikh, M.S. "The Nenets Autonomous Okrug in the system of Russian federalism: an ethno-sociological investigation." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 568–578. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-568-578>

Введение

Одним из основных трендов дискуссии о развитии модели российского федерализма последних десятилетий стала политика, нацеленная на укрупнение регионов путем слияния небольших по численности населения и «малоэффективных» субъектов с находящимися рядом и исторически тяготеющими к ним крупным административно-территориальными единицами. Эта политика, в частности, коснулась созданных в 1920–1930 гг. национальных округов, которые в начале 1990-х гг. получили статусы равноправных субъектов РФ¹. Так, в 2005–2008 гг. в стране прошла реформа админи-

¹ Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. М., 2000.

стративно-территориального деления (АТД), в результате которой за счет слияний в стране было ликвидировано шесть из десяти существовавших ранее округов.

В целом в научной литературе этот период не стал предметом глубокого изучения и анализа полученных результатов. Немногочисленные исследования проведения и итогов реформы дают ей неоднозначные оценки. Так, например, авторы доклада «Объединение субъектов РФ: за и против», соглашаясь, что объединение регионов «вполне логичный инструмент реформы АТД страны», назвали слияния 2005–2008 гг. «ошибкой», отметив, что принимаемые решения были «продиктованы политическими соображениями, без адекватной социально-экономической экспертизы при непрозрачной системе принятия решений»². Более осторожную оценку представляют авторы исследования «Объединение регионов Российской Федерации: социологические данные, глубинные интервью, сравнительный анализ», отмечая, что при целесообразности укрупнения как такового необходимо принятие федерального закона об административных единицах с особым статусом, а также «должны быть реализованы все обещанные планы социально-экономического развития регионов и созданы программы их кадрового развития»³.

Проведение реформы АТД нашло отражение в непрекращающихся дискуссиях в российском политологическом сообществе о будущей модели государственного устройства. Часть ученых с учетом новых геополитических рисков и вызовов отмечают необходимость усиления федерального центра, другая считает необходимым укреплять субъекты федерации, повышая их уровень. Как правило, новые проекты реформ возникают в период предвыборных циклов⁴. Можно предположить, что видение государством будущего национально-территориального устройства страны стало одной из причин появления статьи В.В. Путина «Россия: национальный вопрос»⁵.

В 2020 г. повестка реформы АТД вновь актуализировалась в связи с подготовкой проектов поправок в Конституцию страны, среди которых звучали и предложения о целесообразности укрупнения субъектов Федерации и даже ликвидации национально-территориальных образований. Эти идеи не получили поддержки, но определенное обсуждение среди экспертов состоялось. Поэтому появление информации о подготовке слияния Ненецкого автономного округа (НАО) и Архангельской области оказалось в центре внимания всей страны.

Ненецкий автономный округ и Архангельская область: история взаимоотношений

Ненецкий автономный округ – официально самый малочисленный регион РФ. Его население едва превышает 40 тыс. чел., из которых собственно ненцы составляют 17%⁶. Сложности во взаимоотношениях с Архангельской областью начались у НАО с момента его создания в 1929 г., поскольку он в рамках политики созданного при ВЦИК Комитета содействия народам северных окраин выделялся из состава Архангельской

² Артоболевский С.С., Вендина О.И., Гонтмахер Е.Ш., Зубаревич Н.В., Кынев А.В. Объединение субъектов Российской Федерации: за и против. М., 2010. С. 174.

³ Окунев И. Ю., Осолков П. В., Тисленко М. И. и др. Объединение регионов Российской Федерации: социологические данные, глубинные интервью, сравнительный анализ: монография. М., 2019. С. 175.

⁴ «А вы людей, проживающих там, спросили?»: глава комитета Госдумы о предложениях по укрупнению регионов // Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1081695.html> (дата обращения: 01.07.2021); Михаил Прохоров предложил сократить число регионов до 10-15 регионов // Пункт А. URL: <https://punkt-a.info/news/glavnoe/mikhail-prokhorov-predlozhit-sokratit-chislo-regionov-do-10-15> (дата обращения: 01.07.2021).

⁵ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

⁶ Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам РФ // Демоскоп weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=23 (дата обращения: 01.07.2021).

губернии⁷. Географическое положение округа предопределило его зависимость в сфере транспорта и энергетики. До распада СССР округ формально считался «находящимся в составе Архангельской области», что было закреплено в Конституции РСФСР 1978 г.⁸ С принятием Конституции РФ 1993 г. НАО стал равноправным субъектом РФ. В Уставе региона записано, что «Ненецкий автономный округ (далее округ) является равноправным субъектом Российской Федерации и обладает на своей территории всей полнотой государственной власти»⁹. Однако властями Архангельской области политическая самостоятельность не признается. Так, в Уставе области до 2020 г. было оговорено, что НАО находится в составе Архангельской области как «государственно-территориальное образование, являющееся субъектом Российской Федерации и одновременно составной частью области»¹⁰, в последней редакции от 21.12.2020 N 352-22-ОЗ этот пункт исключен, однако НАО, например, не обозначен среди субъектов, с которыми граничит область: «Территория Архангельской области является неотъемлемой частью единой территории Российской Федерации и граничит с Республикой Коми, Республикой Карелия, Кировской областью, Вологодской областью и Тюменской областью» (ст. 4 п. 1)¹¹. В 1994 и 2009 гг. власти Архангельской области предпринимали несколько попыток слияния с округом, но они не увенчались успехом¹².

В последние два десятилетия отношения двух регионов регулировались отдельными договорами, в рамках которых НАО перечислял часть собственных бюджетных средств в бюджет Архангельской области для решения общехозяйственных вопросов, связанных с транспортным и энергетическим обеспечением, сохраняя политическую самостоятельность. Согласно последнему Договору о взаимодействии при осуществлении государственных полномочий от 5 июня 2015 г., срок которого истекает 31 декабря 2021 года, Архангельская область передала входящему в ее состав НАО все государственные полномочия (часть из них была передана Архангельской области в 2008 г.)¹³. В канун истечения срока договора, 2 апреля 2020 г., Президент России В.В. Путин назначил исполняющим обязанности губернатора Архангельской области главу НАО Александра Цыбульского, а на его место был назначен заместитель губернатора НАО Юрий Бездубный. Этот шаг политологи восприняли как своеобразный задел для подготовки объединения регионов¹⁴.

⁷ Постановление ВЦИК от 15.07.1929 «О составе округов и районов Северного края и их центрах» // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15910#aXOXkfSn2gphgQVA> (дата обращения: 01.07.2021).

⁸ Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения: 01.07.2021).

⁹ Устав Ненецкого автономного округа, утв. Пост. Собранием депутатов Ненецкого автономного округа № 24 от 11.09.1995 // Официальный сайт Администрации НАО. URL: <https://adm-nao.ru/informaciya-o-neneckom-avtonomnom-okruga/ustav-neneckogo-avtonomnogo-okruga/> (дата обращения: 10.07.2021).

¹⁰ Решение Областного собрания депутатов Архангельской области от 23 мая 1995 года № 36 «Об Уставе Архангельской области» (с изменениями на 21 декабря 2020 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/962000387> (дата обращения: 01.07.2021).

¹¹ Устав Архангельской области // Правительство Архангельской области. URL: <https://dvinland.ru/region/charter/> (дата обращения: 01.08.2021).

¹² Объединение регионов Российской Федерации... С. 15–16.

¹³ Об утверждении договора между органами государственной власти Архангельской области и Ненецкого автономного округа о взаимодействии при осуществлении полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/411702104> (дата обращения: 01.07.2021).

¹⁴ Архангельская область и Ненецкий автономный округ начнут объединение // Ведомости. 2020. 13 мая.

И тем не менее очередная попытка слияния не удалась. В округе прошла серия протестов, которая нашла отражение в период проведения Всенародного голосования за внесение поправок в Конституцию РФ. Единственным субъектом РФ, где большинство населения высказалось против поправок, стал Ненецкий автономный округ. Эксперты в сфере этнополитики отметили, что жители региона высказались не против поправок в Конституцию, а «продемонстрировали свои сомнения по поводу целесообразности объединения НАО и Архангельской области»¹⁵. Это мнение разделяют и авторы статьи. В итоге принятое за полгода до этого решение об объединении регионов было отменено¹⁶, а Президент РФ В.В. Путин высказался, что «понимает» граждан, голосовавших против¹⁷. В новой редакции Конституции РФ Ненецкий автономный округ представлен как полноправный субъект РФ (ст. 65)¹⁸.

В этой ситуации, на наш взгляд, актуальность и сложность вопроса укрупнения регионов за счет присоединения автономных территорий оказалась недооценена с точки зрения общественно-политической стабильности и рисков массовых протестов. Границы федерализма подвижны, и в территориях, где субъекты, обладающие этнической самобытностью, становятся муниципалитетами более крупных регионов, федеративная стабильность может стать наиболее уязвимой. На сегодняшний день ситуация в НАО представляется актуальной как для политической повестки, так и для науки.

В имеющейся научной литературе Ненецкий автономный округ, в контексте своего административного статуса, становился объектом исследований только в общих и справочных работах, посвященных российским национальным округам¹⁹. Современные исследователи сходятся во мнении, что ситуация во взаимоотношениях НАО и Архангельской области является сложной и требующей решения. «Вопрос о слиянии области и округа во многом зависит от федеральных властей. Но неопределенность и невнятность в ряде случаев той позиции, которую они занимают, вредит развитию нормальных взаимоотношений между областью и округом», – полагают авторы исследования «Объединение субъектов Российской Федерации: за и против»²⁰.

Оценка ситуации в округе по данным этносоциологического исследования

С целью анализа ситуации в округе в 2020 г. на территории НАО силами научного коллектива Института этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая, Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, а также ГАУ ЦИОМ Архангельской области проведено этносоциологическое исследование, включающее массовый опрос населения, участие в котором

¹⁵ Подробнее см.: *Зорин В.Ю.* Что хотели жители НАО сказать протестным голосованием по Конституции России // ИА Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3007947.html> (дата обращения: 10.07.2021).

¹⁶ Архангельская область и Ненецкий округ откладывают объединение // *Ведомости*. 2020. 28 мая.

¹⁷ Путин: Понимаю тех наших граждан, кто голосовал против // *Российская газета*. 2020. 2 июля.

¹⁸ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г. // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <https://constitution.garant.ru/rf/chapter/d4d1c020f5ac1ff694cd399cf1a90fc2/> (дата обращения: 01.08.2021).

¹⁹ См. напр.: *Шабаяев Ю. П.* Ненецкий автономный округ // *Народы Севера России: обычаи, традиции, культура*. Справочник. М., 2017. С. 460–465; *Филатов С. Б., Лункин Р.Н., Деннен К.* Архангельская область и Ненецкий автономный округ // *Религиозно-общественная жизнь российских регионов*. М., 2014. С. 141–194.

²⁰ *Артоболевский С.С., Вендина О.И., Гонтмахер Е.Ш., Зубаревич Н.В., Кынев А.В.* Объединение субъектов Российской Федерации... С. 91.

приняли 300 жителей округа в возрасте старше 18 лет²¹. В качестве метода получения информации использовался анкетный телефонный опрос методом САТІ (Computer Assisted Telephone Interview). Опрос проводился в период с 5 ноября по 13 ноября 2020 г. в компьютеризированной системе телефонных опросов специально подготовленными интервьюерами. Выборочная совокупность опроса отражала генеральную совокупность по таким параметрам, как пол, возраст опрошенных, тип населенного пункта (ошибка выборки не более 2,5 %). Результаты исследования могут быть экстраполированы на все взрослое население Ненецкого автономного округа. Проведенные позже авторами данного исследования фокус-групповые дискуссии позволили углубить и качественно дополнить результаты массового опроса²². Полученные результаты являются наиболее актуальным на сегодняшний день срезом общественного мнения в округе, подготовленного независимыми экспертами. Итоги исследования легли в основу данной работы.

Первый блок вопросов касался этнокультурной ситуации в округе. Опрос населения показал, что большинство жителей НАО говорят на русском языке – 92,1 %. В основном на ненецком говорят мене 1 % опрошенных²³. Это подтверждают и фокус-группы: русский – основной язык даже для коренного населения. Но интерес к ненецкому языку и культуре существует, они воспринимаются всем населением как часть культурного пространства территории. Важно отметить, что респонденты с сожалением разделяют между собой идею о том, что в округе не поддерживаются практики сохранения языка, хотя ненецкая культура крайне интересна. Кроме этого, часть респондентов считают важным для себя понимать язык, освоить его²⁴. Таким образом, в рамках исследования отмечено существование специфической модели региональной идентичности, когда этнокультурная составляющая региона рассматривается как «своя» всем населением независимо от национальности.

Разговор об округе, его особенностях вызвал положительный эмоциональный отклик у участников групповых дискуссий, в высказываниях прослеживается любовь к родному краю, готовность любой ценой отстаивать его интересы. Участники указывали на такие отличительные особенности территории, как характер жителей – стойкий, дружелюбный, выносливый, открытый, доверчивый, спокойный. Во-вторых, значительная часть высказываний была связана с эмоционально положительным восприятием культуры и северной природы: «Природа особенная, у Севера своя неповторимая статья, он сказочен, но суров, не каждому под силу жить в таких условиях»²⁵. Количественный опрос подтвердил этот тезис. Большинство – 62,7 % – не хотят покидать регион. Этот показатель достаточно высок даже среди молодежи 18–29 лет – 52,1 %. Еще 53,1 % убедительно назвали главным преимуществом жизни в округе близость родных. Треть довольна тем, что в округе есть постоянная работа. Примерно столько же указали на дружелюбие населения – 28,1 %; хорошую экологию – 26,4 %²⁶. Таким образом, жители в целом позитивно воспринимают ситуацию в округе и связывают с ним будущее свое и детей.

Далее респондентам предлагалось порассуждать о том, как изменилась жизнь в НАО за последние 10–15 лет. В результате каждый второй отметил улучшение ситуации (46,9 %), что указывает на общий оптимизм. Только 20,1 % заметили ее

²¹ Заключительный аналитический отчет о проведении научного этносоциологического исследования на тему: «Изучение общественного мнения жителей Ненецкого автономного округа» (ноябрь 2020 г.). ГАУ АО «ЦИОМ». Архангельск, 2020.

²² Полевые материалы автора (ПМА). ФГ1, ФГ2. Нарьян-Мар, 2021. 20 ноября.

²³ Заключительный аналитический отчет... С. 21.

²⁴ ПМА. ФГ1. Нарьян-Мар, 2021. 20 ноября.

²⁵ Там же.

²⁶ Заключительный аналитический отчет... С. 23–24.

ухудшение. Треть респондентов (29,7 %) посчитали, что заметных изменений уровня жизни не произошло, ситуация стабильна²⁷.

В фокус-групповом исследовании разговор о том, как изменился округ и жизнь людей за последние 10–15 лет, обозначил две линии.

1. Пессимистичная (отрицательные изменения). Эта линия рассуждений связана с периодом высокой стоимости нефти. В общественном мнении это был период подъема, правильных решений, формирования капиталов. Все, что происходило после, привело к отрицательным последствиям в текущем положении округа. Власти не сумели должным образом распорядиться средствами, не вложили их в строительство производства, долгосрочные перспективные проекты, не инвестировали в будущее. Многие припоминали, как тратились деньги на «неуместные» фестивали, концерты, выезды творческих коллективов, звучало слово «профестивалили». Эмоционально здесь присутствовали разочарование, досада. Участники говорили о снижении уровня жизни, появлении тревожности за будущее, критиковали региональную власть, губернаторов за недостаток «хватки», «хозяйственности» у политических региональных лидеров. В целом о негативных изменениях говорят больше²⁸.

2. Оптимистичная, положительные изменения. Это направление дискуссии связано с социальной помощью, инфраструктурой. Участниками единодушно признавалось, что за этот период времени округ стал интереснее, более благоустроенным, появились новые дома, тротуары, дала результаты программа переселения из ветхого жилья и программа ипотеки под 1 %²⁹.

Дискуссия о проблемах в НАО выявила множество проблем, которые участники переживают достаточно эмоционально, говорят о них с тревогой. Среди ключевых проблем прозвучали следующие:

1. Экономика региона, отсутствие производства, нефтяная зависимость (в количественном опросе каждый второй (48,5 %) также указал снижение экономики в округе).

2. Логистические трудности, мало дорог, нет дороги до «большой земли».

3. Климатические трудности.

4. Высокая стоимость жизни.

5. Упадок сельских территорий. Алкоголизм на селе.

6. Отсутствие перспектив для молодежи.

7. Высокая стоимость билетов, что создает сложности выезда из округа, в том числе на отдых.

8. Ситуации продуктового дефицита.

9. Недовольство местной властью, ее решениями, недостаточным знанием специфики округа.

В количественном опросе среди трудностей на лидирующие позиции вышли два варианта: отдаленность территории – 62 %; и низкое качество/количество дорог – 50,8 %. На вопрос о том, как изменилось образование в округе за последнее десятилетие, 35 % дали положительные ответы, каждый третий заметил улучшение ситуации. Еще 24,1 % указали на противоположный вариант, по их мнению, проблемы обострились. При этом участники дискуссии в целом положительно охарактеризовали образование в НАО, не видя специфических проблем³⁰. В оценках изменений в сфере здравоохранения преобладали отрицательные позиции: 37 % респондентов посчитали, что ситуация ухудшается. Результаты подтверждаются групповыми

²⁷ Заключительный аналитический отчет... С. 25–27.

²⁸ ПМА. ФГ1, ФГ2. Нарьян-Мар, 2021. 20 ноября.

²⁹ Там же.

³⁰ Заключительный аналитический отчет... С. 30.

дискуссиями. Здравоохранение воспринимается как наиболее проблемная сфера. Люди недовольны и доступностью медицинских услуг, и качеством их оказания. Но в большей степени фактором недовольства является сложность попадания на прием, нехватка кадров, необходимость выезжать из округа для прохождения полноценного обследования³¹.

Наибольший оптимизм в оценках отдельных сфер пришелся на социальную защиту. Доля респондентов, замечающих позитивные перемены в системе социальной защиты, составила 38,3 %. Социальная защита вызвала удовлетворение и у большинства участников дискуссии, особенно в отношении двух категорий: многодетных семей и лиц старшего возраста. Признается высокий уровень социальной поддержки, она считается одной из лучших в России³².

Неоднозначные результаты были получены в отношении оценки возможности трудоустройства. По мнению опрошенных, за последние 10–15 лет работу в округе стало найти сложнее, в целом на это указали 74,3 %. Столь высокий показатель свидетельствует об актуализации проблемы в общественном мнении. В то же время на фокус-группах эта проблема обсуждалась в двух направлениях. Во-первых, респонденты говорили о проблемах, которые присущи не только округу, но и всей России, а именно сложности трудоустройства по специальности. Звучали фразы о том, что работу найти трудно, особенно в нефтяной отрасли, так как работодатель предпочитает нанимать не местное население, чтобы не выплачивать климатических надбавок. Говорили также об отсутствии рабочих мест в силу отсутствия производства. Есть мнение, что рабочие места сохранились только в бюджетной сфере, в органах власти. Вторая точка зрения, также активно звучащая в дискуссии, касалась того, что работу найти можно и это зависит от самого человека³³.

Оценка жителями НАО деятельности органов власти в округе и в Архангельской области

Особого внимания заслуживают оценки опрошенных в отношении органов власти НАО и Архангельской области. Исследование установило, что треть опрошенных (34,7 %) отрицательно высказались о деятельности органов власти Архангельской области по решению вопросов округа. Каждый четвертый считает, что от них в этом вопросе ничего не зависит – 25,1 %, а 23,8 % заняли нейтральную позицию. Только 7,3 % были лояльны по отношению к властям области³⁴. Многие приписывают эту тему к «откупным деньгам», которые округ платит Архангельской области, чтобы те «не вмешивались в наши дела». Вообще тема финансовой составляющей четко прослеживается в отношениях между НАО и Архангельской области. НАО выступает в представлениях респондентов донором, а область своего рода «неблагодарным реципиентом»³⁵.

Конкретный опыт решения проблем Архангельской областью также оценивается негативно: участники полагают, что регион не способен на это в силу компетенций, истинных мотивов участия, непонимания жизни в округе и удаленности. Есть мнение о том, что жители области предвзято относятся к проживающим в округе.

³¹ Необходимо отметить, что опрос проводился в период наибольшей интенсивности распространения коронавирусной инфекции Covid-19, чем и можно объяснить наиболее негативные отзывы о системе здравоохранения.

³² Заключительный аналитический отчет... С. 31–32.

³³ ПМА. ФГ1, ФГ2. Нарьян-Мар, 2021. 20 ноября.

³⁴ Заключительный аналитический отчет... С. 44.

³⁵ ПМА. ФГ1, ФГ2. Нарьян-Мар, 2021. 20 ноября.

Для жителей НАО это мнение стало одним из консолидирующих мотивов собственной территориальной идентичности³⁶.

Говоря об окружных органах местного самоуправления, 38 % ответивших указали на нейтральную позицию, 23,8 % положительно оценили их деятельность, почти столько же дали отрицательные оценки – 22,4 %³⁷. Это подтверждается и на групповых дискуссиях. Оценки органов местного самоуправления по решению проблем жителей округа более спокойные, присутствует попытка сместить локус ответственности на системный уровень. Например, в силу правовых изменений, возможности глав муниципальных образований стали более ограниченными. Говорили участники и об отсутствии средств в бюджетах. Однако признается тот факт, что местные власти реагируют на обращения и работают, если это позволяют средства. В целом по данному вопросу открытая критика отсутствовала, обсуждение было эмоционально спокойным в сравнении с дискуссией об органах власти Архангельской области.

Анализ высказываний участников дискуссий о возможности объединения с Архангельской областью указывает на неприемлемость этого проекта на современном этапе. Респонденты говорили, что это вызвано страхом потери определенного уровня жизни, возможного оттока населения, запустения территории³⁸.

Выводы

Жители НАО в большинстве соотносят себя и свое будущее со своим регионом и Россией, в связи с чем готовы выйти на протесты только в крайних ситуациях. Несмотря на относительно низкий процент коренного населения, имеет место этносамоидентификация региона, культура коренных народов интересна всем жителям региона, и они готовы содействовать ее сохранению и развитию. Жители симпатизируют органам местной власти и негативно воспринимают действия администрации Архангельской области. Идея объединения регионов на данном этапе развития не находит поддержки у большинства населения, и оно готово публично высказывать свою позицию.

Очевидно, что ситуация в НАО рассматривается как продолжение реформы АТД 2005–2008 гг., ее развитие будет во многом определять будущее российского федерализма, особенно в части территориальных образований с этническим компонентом. В сложившейся ситуации крайне важной представляется выработка прагматичной и компромиссной стратегии для будущего региона.

В этой работе нужно учитывать следующие факторы. Во-первых, необходимо отметить, что социально-экономическая целесообразность укрупнения регионов страны известна и не вызывает сомнения. Однако с политической точки зрения это далеко не однозначный процесс. Любое укрупнение – это перестройка системы управления, зачастую болезненное событие не только для элиты, но и для местного населения, особенно если речь идет о национально-территориальных субъектах Федерации. Поэтому при планировании дальнейшей работы, безусловно, нужно руководствоваться не только экономическими факторами, но и текущей политической ситуацией. Во-вторых, не нужно забывать, что в стране уже накоплен положительный опыт интеграции национальных округов в исторически близкие им регионы, коим, безусловно, является и Архангельская область для Ненецкого автономного округа. Приступая в 2005 г. к процессу объединения с Коми-Пермяцким автономным округом, например, власти Пермской области изучали весь комплекс проблем этой тер-

³⁶ ПМА. ФГ1, ФГ2. Нарьян-Мар, 2021. 20 ноября.

³⁷ Заключительный аналитический отчет... С. 38.

³⁸ Там же.

ритории. Экономически это было невыгодно Пермской области, было много скептиков и противников объединения. Тем не менее, перед голосованием велись активные консультации с общественными организациями. Им на конкретных цифрах доказывали, что в условиях нового региона уровень благосостояния и возможностей для развития культуры коми-пермяцкого народа только вырастет. К моменту референдума противников объединения практически не было³⁹. В результате слияние субъектов прошло без каких-либо массовых протестов и заложило основу для последующего процесса объединения регионов в 2005–2008 гг. Опыт этой работы нельзя забывать в случае принятия решений о новом этапе реформы.

В-третьих, вопрос об объединении этих двух субъектов Федерации отложен, но не снят с повестки дня. Вполне возможно, что к нему еще придется вернуться. Учитывая опыт 2020 г., многое в НАО придется проводить сначала. Нужно привлечь к дискуссии и сотрудничеству широкие слои лидеров общественного мнения, изучить их настроения, учесть позицию при планировании схемы управления новым регионом. В обсуждении моделей возможного объединения должны принимать участие этнографы, эксперты комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной палаты РФ и Ассамблеи народов России. Нельзя допустить, чтобы в результате реформ не были обеспечены необходимые условия для этнокультурного развития всех этносов, чтобы национальная культура народов округа стала темой для политических спекуляций. История учит, что недооценка национального вопроса может привести к самым неожиданным, в том числе негативным последствиям.

Таким образом, ситуация, сложившаяся сегодня в Ненецком автономном округе, представляется актуальной не только с точки зрения развития данной территории, но и с позиции будущих трендов российского этнофедерализма. Все это потребует дополнительного анализа и научных рекомендаций российских политологов.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.06.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.10.2021

References

- Artobolevsky, S.S., Vendina, O.I., Gontmakher, E.Sh., Zubarevich, N.V., and Kynev, A.V. *Ob'yedineniye sub'yektov Rossiyskoi Federatsii: za i protiv*. Moscow: Inzor Publ., 2010 (in Russian).
- Cheshko, S.V. *Raspad SSSR: etnopoliticheskiy analiz*. Moscow: IEA RAS Publ., 2000 (in Russian).
- Filatov, S.B., Lunkin, R.N., and Dennen, K. "Arkhangel'skaya oblast' i Nenetskiy avtonomnyy okrug." In *Religious and social life of Russian regions*, 141–194. Moscow: Summer Garden Publ., 2014 (in Russian).
- Okuney, I.Yu., Oskolkov, P.V., and Tislenko, M.I. et al., eds. *Ob'yedineniye regionov Rossiyskoy Federatsii: sotsiologicheskkiye dannyye, glubinnyye interv'yuy, sravnitel'nyy analiz: Monografiya*. Moscow: Aspect Press Publ., 2019 (in Russian).
- Putin, V.V. "Rossia: Natsionalnyi vopros." *Nezavisimaya gazeta*, January, 23, 2012, (in Russian).
- Shabaev, Yu.P. "Nenetskiy avtonomnyy okrug." *Narody Severa Rossii: obychai, traditsii, kul'tura*. Moscow: Knorus Publ., 2017 (in Russian).
- Yashin, N.A. "O prakticheskikh aspektakh obrazovaniya novogo sub'yekta RF v rezul'tate ob'yedineniya Permskoy oblasti i Komi-Permyatskogo avtonomnogo okruga." Issue 2 of: *Ob'yedineniye Permskoy oblasti i Komi-Permiatskogo avtonomnogo okruga. Sbornik dokumentov. Informatsion-*

³⁹ Яшин Н.А. О практических аспектах образования нового субъекта РФ в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа // Объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Сборник документов. Информационный нормативно-методический бюллетень по вопросам политической и правовой культуры. Пермь: Пермское книжное издательство, 2004. Вып. 2. С. 6.

nii normativno-metodicheskii byulleten' po voprosam politicheskoi i pravovoi kul'tury. Perm: Permskoye knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2004 (in Russian).

Zorin, V.Yu. "Chto khoteli zhiteli NAO skazat' protestnym golosovaniyem po Konstitutsii Rossii." IA Regnum, Accessed June 10, 2021, <https://regnum.ru/news/polit/3007947.html> (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

В.Ю. Зорин, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая, 119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а, v.y.zorin@mail.ru

V.Yu. Zorin, Dr. Habil. Politics, Professor, Chief researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119991, Russia, v.y.zorin@mail.ru

М.С. Каменских, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, 614990, Россия, Пермь, ул. Ленина, 13а; доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, 614099, Пермь, Комсомольский проспект, 29, pomidorr@mail.ru

M.S. Kamenskikh, Ph.D. in History, Senior Researcher of the Department of History, Archeology and Ethnography, Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a, Lenina St., Perm, 614990, Russia; Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomolskiy Ave., Perm, 614099, Russia, pomidorr@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-579-587>

Research article / Научная статья

The experience of intercultural communication between Russian refugees and Filipinos on Tubabao Island, 1948–1951

Charie Ann Cabides-Padullo

Leyte Normal University, Tacloban City, Philippines

✉ c.padullo@lnu.edu.ph

Abstract: The article examines the history of Russian immigrants on the Philippine Island of Tubabao, where they fled from China in 1948 to avoid repatriation to the USSR. The refugees lived on the island for four years, a period the local population remembers as “Tiempo Russo.” The author’s goal was to examine how Filipinos saw the Russians by interviewing older islanders who had had direct contacts with the emigrants. The survey focused on three topics: 1) Fears of the Russians when they arrived on the island; 2) Formal and informal social means of communication between natives and Russians; 3) The level of respondents’ trust in Russian refugees. The interviews revealed that the large number of refugees (6,000) who arrived on the island initially aroused apprehension among the local population. However, the Russians’ good behavior, friendliness and openness eventually dispelled all fears. The Russians and the islanders developed stable links as they bartered products and carried out leisure activities together, among others. At the same time, the islanders were introduced to Russian everyday culture: playing the piano, watching movies, drinking alcohol (coconut wine). In general, the local population saw their temporary positive effects. They made an impression as open, friendly, hospitable people, who loved to drink and treat others very well.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, adaptation, imagology, resettlement, refugees

For citation: Cabides-Padullo, Charie Ann. “The experience of intercultural communication between Russian refugees and Filipinos on Tubabao Island, 1948–1951.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 579–587. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-579-587>

Опыт межкультурной коммуникации русских эмигрантов с филиппинцами на острове ТубабАО, 1948–1951 гг.

Чарие Энн Кабидес-Падулло

Педагогический университет Лейте, Таклобан, Филиппины

✉ c.padullo@lnu.edu.ph

Аннотация: Статья посвящена истории русских эмигрантов на филиппинском острове ТубабАО, куда они бежали из Китая в 1948 г., когда им угрожала опасность репатриации в СССР. На острове беженцы прожили четыре года, вошедших в историю острова, который получил название «Тьемпо Руссо». Целью исследования является выяснение характера восприятия филиппинцами русских поселенцев через анализ интервью, взятых автором статьи у старшего поколения островитян, имевших непосредственный опыт общения с русскими эмигрантами. Опрос содержал следующие ключевые моменты: 1) чувство опасности, связанное с прибытием русских на остров; 2) формальные и неформальные социальные способы общения между туземцами и русскими; 3) уровень доверия респондентов к русским беженцам. В результате анализа собранного

материала удалось установить, что чрезмерное число переселенцев на острове (6 тыс. чел.) первоначально вызывало у местных жителей тревогу за собственную безопасность. Однако характер поведения самих русских, их дружелюбие и открытость в дальнейшем развеяли все страхи. Между русскими и островитянами установились устойчивые связи, в рамках которых были выработаны коммуникативные практики, выражавшиеся в интенсивном продуктообмене, совместном проведении досуга и проч. Одновременно происходило приобщение туземцев к русской повседневной культуре: игре на фортепьяно, просмотру кинофильмов, употреблению алкоголя (кокосового вина). В целом восприятие русских местными жителями носило положительный характер. Они запомнились людьми открытыми, «нестеснительными», дружелюбными, гостеприимными, любившими выпивать и угощать.

Ключевые слова: русская эмиграция, русская диаспора, адаптация, имагология, переселение, беженцы

Для цитирования: *Cabides-Padullo Ch.A.* The experience of intercultural communication between Russian refugees and Filipinos on Tubabao Island, 1948–1951 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 579–587. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-579-587>

Introduction

In 1948, fearing repatriation to the Soviet Union, some 6,000 refugees who had fled China were hosted by the Philippine Government on Tubabao Island. They stayed for four years, a time that the locals affectionately remember as “Tiempo Russo.”¹

Ever since the upheavals of revolution and civil war had forced them to flee their homeland to China 25 years earlier, communities of Russians had prospered in such cities as Harbin, Shanghai and Beijing.² As the Chinese communists, backed by the Soviet Union, began defeating the Nationalist government’s forces, they began forcibly repatriating Russian émigrés under their control back to the USSR. Thus, some 40,000 Cossacks were sent back north across the border, only to be marched off to GULAG in the Soviet Far East. Fearing a similar fate, a group of 6,000 White Russians still in China sent pleas for sanctuary to several countries through the International Refugee Organization (IRO).³ Many replied sympathetically, but only Philippine President Elpidio Quirino provided concrete help, by offering Tubabao Island as a temporary refuge. According to Kinna Kwan, Senior Researcher at the President Elpidio Quirino Foundation, for the locals on the island, “these four years comprise a very fascinating period they fondly refer to as the *Tiempo Russo*, or the Time of the Russians.” She explained:

The camp eventually grew to be a thriving ‘little Russian city,’ divided into 14 main districts with democratically-elected leaders, and with communal kitchens, power stations, Russian schools, a hospital and a dental clinic, an arbitration court, a police force and a little jail, and several churches for different faiths, including a wooden Russian Orthodox church built from an abandoned church left by the Americans.⁴

This article is about the White Russian refugees who were hosted on Tubabao Island from 1949 to 1953. Like their compatriots who had settled abroad elsewhere, they brought along their culture and customs, creating a little Russia. Unfortunately, not much research has been done about how the local population regarded the new arrivals, nor about how they interacted.

¹ Ajay Kamalakaran, “When the Philippines Welcomed Russian Refugees,” *Russian Beyond the Headlines* July 5, 2015, https://www.rbth.com/arts/2015/07/07/when_the_philippines_welcomed_russian_refugees_47513.html

² Sheng Mao, “Frontier politics and Sino-Soviet relations: a study of Northwestern Xinjiang, 1949–1963.” (PhD diss., University of Pennsylvania, 2017).

³ Now the United Nations High Commissioner for Refugees – UNHCR.

⁴ Kamalakaran, “When the Philippines Welcomed Russian Refugees,” 2.

Located some 15–20 minutes from the mainland, off the southeastern point of Samar Island, Tubabao is part of the municipality of Guiuan Eastern Samar. The island's population largely supports itself by fishing and is divided into five barangays (villages): Camparang, San Antonio, San Juan, San Pedro and Trinidad.

This study asks three questions:

1) What were the experiences of the island's inhabitants who had a firsthand knowledge of the émigrés?

2) To what extent did formal and informal social networks form between the local population and the refugees?

3) What are the perceptions of safety and trust between the locals and the refugees?

Understanding the interconnectedness and relationships formed between the native population and the Russians provides a positive corrective to fears about accepting refugees from other countries today. This paper also hopes to remind the islanders about their own rich history so that they can better appreciate it and tell future generations about the time that White Russians found asylum in their midst.

The definition of the word “refugee” was vague until its implicit adoption by the U.N. High Commission for the Refugees (UNHCR). Formerly known as the International Refugee Organization, the UNHCR is the primary institution for providing support to refugees all over the world. According to one of its reports,

UNHCR has an interest in the protection and welfare of the persons who have been displaced by persecution, situations of general violence, conflict or massive violations of human rights, because of their similarity to refugees in terms of the causes and consequences of their displacement and humanitarian needs.⁵

By the same token, UNHCR also shifted the emphasis on the meaning of protection. Rather than being considered as providing legal asylum, it is now seen as security for refugee operations.⁶ The objective of the White Russian refugees who found a temporary home in Tubabao was mainly to secure legal asylum. The fact that the Philippines welcomed them was hardly unusual, and even today it opens its doors to Afghans seeking a safe harbour. According to Azer Paroccha, President Rodrigo Duterte himself reiterated the Philippines' willingness to accept refugees in his first address to the United Nations General Assembly in September 2020: “The Philippines continues to honor this humanitarian tradition in accordance with our obligations under the 1951 Convention on the Status of Refugees and the 1967 Protocol,” the statesman declared.⁷

Because of the influx of North Korean refugees into their country, South Korean academics and government officials have paid particular attention to the question of refugee integration as well as resettlement. In recent years, they have been particularly interested in such aspects as assimilation, social adaptation, public opinion towards North Koreans and South Korea, and other issues concerning the resettlement of North Koreans in South Korea.⁸

Integration with the host country's local population is critical for those seeking asylum there. The former should understand the reasons why refugees seek a different home

⁵ *Internally Displaced Persons: The Role of the United Nations High Commissioner for Refugees* (n.p.: UNHCR, 2000), 1–2.

⁶ Howard Adelman, “Refugees and Border Security Post-September 11,” *Refuge: Canada's Journal on Refugees* 20, 4 (2002): 5–14. 2002. <https://doi.org/10.25071/1920-7336.21268>

⁷ Azer Parrocha, “Afghan Refugees Welcome in Ph:Palace” Philippine News Agency, 17 August 2021, <https://www.pna.gov.ph/articles/1150713>

⁸ Andrei Lankov, “Bitter Taste of Paradise: North Korean Refugees in South Korea,” *Journal of East Asian Studies* 6, 1 (2006): 105–37.

Canada has also had experience accepting refugees. Its first encounter with Asian refugees was in 1970, when the federal government sponsored a group of 228 Tibetans. Because of uncertainty about their religious and cultural requirements, upon arrival the Tibetans faced greater challenges than refugees from other countries. Michael Lampheir noted that Tibetans found it hard to adjust and were therefore more isolated from the Canadian population than both the refugees and their government sponsors would have preferred.⁹

Interaction with the host country's population is a prerequisite for refugees to familiarize themselves with the former. They would find it difficult to blend in with the local inhabitants if they remain aloof. Therefore, it is vital that the host country's officials make them aware of this important duty.

Understanding how refugees and the host country's population interact is an increasingly important task for those working on refugee and migration issues. This includes international and national NGOs, academics and civil society. Although there is evidence that refugees and migrants can contribute significantly to the host country's society if given the opportunity to do so, interaction and agreement between locals and refugees has a significant bearing on their prospects.¹⁰ Regardless of how much money NGOs and other agencies raise to deal with refugees, what matters most is the public's attitude and the relationship that it will form toward refugees.

The picture is more mixed elsewhere: a 2016 survey in 11 countries found that there was majority support for compassion towards refugees, as well as for accepting them. But connections have recently been made between refugees and security threats, which may be starting to erode refugees' more favored status.¹¹ In most societies the impressions of having foreign people in their land can arouse fear and suspicion.

Many studies show clear distinctions in public attitudes based on refugees' and migrants' characteristics. Evidence from the UK, for instance, suggests that people tend to react negatively when asked about "immigration", but are much less prone to do so when asked about specific groups of migrants.¹² In particular, people tend to be more favourably disposed towards those seen as refugees than they are towards asylum-seekers and other migrants.

This clear distinction needs to be taught to the local population hosting the refugees. Without knowing about the immigrants about to arrive in their communities, they will worry that they might be putting their safety at risk. There is little detail about the perception of the locals in Tubabao when the White Russian refugees arrived. However, it cannot be denied that their first reaction was to think about their safety.¹³

Concerns about security have become another key factor driving attitudes about the relationship between the host population and refugees. A 2016 poll by the Brookings Institution showed that 46% of Americans who oppose accommodating refugees were concerned about possible links to terrorism.¹⁴ In another US study, even one-third of those who supported accepting refugees expressed concerns about the safety of doing so.¹⁵

⁹ Michael C. Lanphier, "Canada's Response to Refugees," *The International Migration Review* 15, 1/2 (1981): 113–30, <https://doi.org/10.2307/2545331>

¹⁰ Pantuliano, S., "3 Ways for Countries to Build Resilience to Mass Refugee Flows," *Huffington Post*, 19 January 2016.

¹¹ *Public Perceptions of the Refugee Crisis* (New York: TENT Foundation, 2016).

¹² R. Ford, G. Morrell, and A. Heath, "'Fewer but better'? Public views about immigration," in Park, A., Clery, E., Curtice, J., Phillips, M., and Utting, D., eds. *British Social Attitudes: The 29th Report* (London: Nat Cen Social Research Publ., 2012), 2.

¹³ Helen Dempster, and Karen Hargrave, "Understanding Public Attitudes Towards Refugees and Migrants." *Icelandic Review of Politics & Administration* 16, 2 (2020): 6.

¹⁴ S. Telhami, *American attitudes on refugees from the Middle East* (Washington DC: The Brookings Institution, 2017).

¹⁵ J. Tolay, *Refugees: Is There Room for a Middle Ground?* (London: The Conversation, 2017).

Theoretical framework

This study’s theoretical framework is Social Constructivism, which best explains the refugee-host relationship. The author mostly relied on Social Constructivism to analyse interaction among the locals and the White Russian refugees.

Immanuel Kant was a forerunner of Social Constructivism. He argued that our knowledge about the world is subjective rather than objective because it is formed through human consciousness.¹⁶ Refugees can be seen as a social construct because they result from human conflicts. Therefore, the relationship between refugees and the host’s population, whether it be negative or positive, is a social construct that ultimately affects how integration occurs at the local level.

Integration is not a one-way street. The local population can also learn from the behavior of the refugees. This can create new social constructs as they observe the different practices of the refugees. When the White Russians arrived in Tubabao, the islanders did not know their habits and culture. Through observation and interaction, the locals began to understand some of their practices. For example, the Russians were fond of bathing on the beach. As they did so, the ladies would wear almost nothing. But the islanders noticed that they valued the upper part of their bodies rather than the lower, since the women believed that, since they did not have the former when they were very young, it was more valuable.

At the same time, whenever the refugees took something from the islanders, they gave something in return or even paid for it. In general, the locals learned more from the Russians than the other way around. People who write about Social Constructivism tend to look at what newcomers acquire from the people and the place where they settle, but in this case it was the islanders who gained something from the refugees.

Methodology

The study employed qualitative hermeneutics phenomenological design to examine the interaction between the local population and the refugees. Qualitative design is probably the most flexible of the acceptable techniques for such an analysis.¹⁷

The main respondents of the study were members of the Tubabao’s population aged over 75 years and had lived with the White Russian refugees. They were recommended by the locals and the barangay captain to the researcher, who conducted interviews and focused group discussions that were recorded.

Table

Oldest locals in Tubabao Island

	Age at present (2019)	Age during 1949 (Tiempo Russo)
Participant 1	99 y/o	29 y/o
Participant 2	79 y/o	9 y/o
Participant 3	88 y/o	18 y/o

Informed consent was provided to all participants before the interviews. Some participants needed assistance, often from a close relative. Fortunately, only one participant required some help due to poor hearing. All interviews lasted between 30 to 45 minutes, which provided enough time to obtain a detailed response. To establish rapport, the re-

¹⁶ Adina Davidovich, “Kant’s Theological Constructivism,” *The Harvard Theological Review* 86, 3 (1993): 323–51.

¹⁷ M. Shuttleworth, and L. Wilson, “Qualitative Research Design,” Explorable, accessed 29 August 2021, <https://explorable.com/qualitative-research-design>

searcher began with a probing question, such as “Would you mind describing your first encounter with the Russians?”, “Could you share to us the interaction that took place between the locals and the refugees?”, “How would you describe their stay in your island?” and “What else did you experience when they were in your community?”

To encourage the participants to elaborate, they were also asked descriptive questions, including, “Why did that happen?” and “How do you think does that relate to the previous responses?” And there were also judgmental questions to assess whether respondents had positive or negative memories of their encounters with the White Russians. All interviews were recorded and transcribed to provide the data for the study.

Data analysis

The study was based on M. Firouzkouhi and Ali Zargham-Boroujeni’s method for studying oral history. Their approach is thoroughly to analyse the data gathered through interviews and group discussions. Identifying common responses should identify clear connections among varied categories and shape a collective narrative.

The data analysis was based on the four-stage method of oral history. In the first step the initial codes were extracted from each interview separately. The recordings of interviews were transcribed and substantial words, phrases, sentences, or paragraphs were highlighted as initial codes. Subcategories were then established from the initial codes, and ultimately these categories were used to identify narrative themes. Extensive data were collected through probing questions and the in-depth discussion.¹⁸

The study’s respondents were interviewed in their homes with the consent of the barangay captain as well as of the participants themselves. Given their advanced age, consent was also obtained from their children or other relatives in their households. Should there be any objections, the interview could be stopped at any time. The participant's names were assigned to numbers to guarantee anonymity.

The interactions with the White Russian refugees were an important chapter in islanders’ local history, which suggests that ties between them were strong.

Formation of social networks

As the White Russians arrived on Tubabao Island they formed social networks among themselves as well as with the local population. The interviews revealed not only that the islanders did not object to the presence of the refugees, but they were also socialized with them.

Participant 1 stated:

They were very friendly, they are not shy people. They would really interact with us. I even had friends, Bienbi, Nina and Gabby, they were close to me. We were mostly spending time together because they were so fond of me.

He added:

Yes, all the time they would give me a huge loaf of bread, then we would drink coconut wine. They liked the wine and they drank a lot.

The interviewee kept on repeating these three names during the interview and his daughter even mentioned that this was just one of the many stories that her father used to tell them when she was young.

¹⁸ Mohammadreza Firouzkouhi and Ali Zargham-Boroujeni, “Data analysis in oral history: A new approach in historical research.” *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research* 20, 2 (2015): 161–4.

1. *Russian Bread Connections*. Bread seemed to be a tool for interaction between the two groups. It is also a commodity that can be traded.

Participant 1 said:

Their bread was so delicious! I would ask for some bread, apples and oranges from them and use them as gifts to the woman I was courting.

He added that the refugees were given food, which they shared with the islanders. The local population likewise shared what they had.

Participant 2:

At daybreak I would run to their camp together with my other friends and we would ask for their bread. They gave it to us for free. Sometimes, when they gave me bread I would give them young coconuts or even flowers, which pleased them. This is what I usually did, to get bread from them. This became my routine.

Participant 3:

I have a friend named George. When I arrived home from school in the mainland, in Guiuan, my parents would tell me “Juanito you have a visitor”. George would always bring bread to the house and we would eat it as a snack. After that we would go out together with my other friends. They called me “shorty” back then, maybe because I was too short at the time.

2. *Challenges to Trust and Safety*. Since the refugees arrived in large numbers the first concern of the local population was about its safety. However, over time the islanders clearly understood that their stay would be temporary. The locals added that the Russians were well behaved and did not harm them.

Participant 2:

There were no evident conflicts between the locals and the refugees, because the locals were very welcoming and helpful, and the Russians were also very good people, I cannot say anything. They should be good because if they harm us we will also do that to them.

Participant 3:

It was easy to go to their camp. I just showed my ID, then they would know that I am a student, which made it easy to enter. There was a soldier guarding them when they were staying on the island. They were very kind people; I cannot say anything bad about their presence. They were treated very well, and there really were no differences among us.

Based on their responses, the islanders were not worried about their safety. The refugees stayed in their own little city, or what could better be called the Russian City on an island of the Philippines. The locals maintained a good relationship with the White Russians, and they said that they treated them well. They added that refugees should act politely, especially since they were foreign to the island.

3. *Association through Recreation*. The islanders are fond of various recreational activities. They seem to have influenced the refugees how to drink and bathe at the beach, among others. But when it came to music, the White Russians made their own. Some of them were piano teachers and they also played other musical instruments. These were the basic ways that the locals and the refugees engaged in recreational activity together.

Participant 1:

Yes, they would always give me a large loaf of bread, then we would drink coconut wine. They liked the wine and they drank a lot. They didn't really dance, and preferred to converse and drink.

Participant 2:

There is a very nice cinema by the beach in Camparang, where we would watch movies every night.

The White Russians also set up a mini theatre on Camparang's shore, where everybody was allowed to watch the movies, they showed. The cinema encouraged the locals to interact with them. These were just some of the responses. At the same time, drinking "tuba" (coconut wine) was also a popular form of recreation, and it is still practiced in the island.

Conclusion

This study highlights the desire of the islanders to understand the complexities of their interaction with the refugees. But it focused more on how they experienced the presence of the Russians as well as on how they integrated with the refugees.¹⁹ In recent years, Russian ambassadors have occasionally visited the Philippines and organised commemorations in Guiuan and on Tubabao to mark the four-year asylum they have spent in our country.²⁰

The first encounters of the locals and the refugees seem to have left a positive impression. The islanders were aware that the government had allowed the White Russians to stay on their island temporarily, and therefore did not worry about their safety. Furthermore, the refugees did not threaten them. The locals saw no reason to worry because they liked how the Russians treated them, and they did not cause any conflicts.

The history of the Russians on the Tubabao is a positive example of social integration. It is important that subsequent generations of islanders know about *Tiempo Russo* and, more generally, how ties with other nations can be good. The study recommends that the story of the refugees be integrated in the island's local history and be taught to its schoolchildren, all the more so since Russians visit it almost every year to commemorate the refuge its people offered to their compatriots. At the same time, this happy episode should encourage others to welcome refugees in our own time.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.03.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.10.2021

References

- Adelman, Howard. "Refugees and Border Security Post-September 11." *Refuge: Canada's Journal on Refugees* 20, 4 (2002): 5–14. 2002. <https://doi.org/10.25071/1920-7336.21268>
- Dempster, Helen, and Karen Hargrave, "Understanding Public Attitudes Towards Refugees and Migrants." *Icelandic Review of Politics & Administration* 16, 2 (2020): 217–42.
- Ford, R., G. Morrell, and A. Heath, "'Fewer but better?' Public views about immigration". In Park, A., E. Clery, J. Curtice, M. Phillips and D. Utting. *British Social Attitudes: The 29th Report*. London: NatCen Social Research Publ., 2012.
- Kamalakaran, Ajay. "When the Philippines Welcomed Russian Refugees." *Russia Beyond the Headlines*, 5 July 2015, https://www.rbth.com/arts/2015/07/07/when_the_philippines_welcomed_russian_refugees_47513.html
- Lankov, Andrei. "Bitter Taste of Paradise: North Korean Refugees in South Korea." *Journal of East Asian Studies* 6, 1 (2006): 105–37. Accessed August 29, 2021. <http://www.jstor.org/stable/23418172>

¹⁹ C. Richouffitz, "From Research to Outreach to Action: Community-based approaches to the integration of refugees and asylum seekers in Montreal." Samuel Centre for Social Connectedness, August 6, 2018, <https://www.socialconnectedness.org/wp-content/uploads/2019/10/Community-based-approaches-to-the-integration-of-refugees-and-asylum-seekers-in-Montreal-1.pdf>

²⁰ R. Amazona, "Samar's contribution to Russian history to be promoted," *Philippine News Agency*, November 30, 2018, <https://www.pna.gov.ph/articles/1055397>

- Lanphier, Michael C. “Canada’s Response to Refugees.” *The International Migration Review* 15, no. 1/2 (1981): 113–30, <https://doi:10.2307/2545331>
- Mao, Sheng, “Frontier politics and Sino-Soviet relations: A study of Northwestern Xinjiang, 1949–1963.” PhD diss., University of Pennsylvania, 2017.
- Pantuliano, S., “3 Ways for Countries to Build Resilience to Mass Refugee Flows,” *Huffington Post*, 19 January 2016.
- Parrocha, Azer. “Afghan Refugees Welcome in PH:Palace.” Philippine News Agency, 17 August 2021, <https://www.pna.gov.ph/articles/1150713>
- Telhami, S. *American attitudes on refugees from the Middle East*. Washington DC: The Brookings Institution, 2017.
- Tolay, J. “Refugees: Is there Room for a Middle Ground?” *The Conversation*, 13 February 2017, <https://theconversation.com/refugees-is-there-room-for-a-middle-ground-72634>

Информация об авторе / Information about the author

Ч.Э. Кабидес-Падулло, магистр социальных наук, профессор отделения социальных наук, координатор отдела исследований, 6500, Филиппины, Таклобан, ул. Патерно, 35, c.padullo@lnu.edu.ph

C.A. Cabides-Padullo, Licensed Professional Teacher, Master of Arts in Teaching Social Science, Professor in the Social Science Unit, Unit Research Coordinator, 35, Paterno St., Tacloban City, 6500, Philippines, c.padullo@lnu.edu.ph

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-588-599>

Научная статья / Research article

Передача государственных функций в сфере физической культуры и спорта общественным организациям в 1960-е гг.

Егор Андреевич Боголюбов

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

✉ bogolubovegor@mail.ru

Аннотация: Изучаются общественные организации, действовавшие в советский период и выполнявшие государственные функции в области физической культуры и спорта. Особое внимание уделяется ранее малоизученным вопросам взаимодействия Союза спортивных обществ и организаций СССР с государственными органами. Источниковой базой статьи являются нормативно-правовые акты, регулировавшие деятельность этой организации, а также впервые вводимые в научный оборот документы Калининградского областного Союза спортивных обществ и организаций. Задачей статьи является изучение советского опыта передачи государственных функций в сфере физической культуры и спорта общественным организациям. Либерализация общественной жизни в период «оттепели» оказала существенное влияние на положение общественных организаций в советской политической системе. Одной из форм такого привлечения стала передача государственных функций общественным организациям. В результате они получили возможность принимать властные решения в определенной общественной сфере. Союз спортивных обществ и организаций СССР стал уникальной организацией, полностью заменившей государственный орган в сфере физической культуры и спорта. На основе изученного материала автор приходит к выводу, что ликвидация Союза спортивных обществ и организаций СССР в 1968 г. совпала с другими процессами, направленными на свертывание демократических начал в общественно-политической жизни СССР. Почти десять лет деятельности этой организации показали, что передача государственных функций в руки общественности является вполне возможной.

Ключевые слова: саморегулирование, правовое регулирование спорта, автономность спорта, гражданское общество

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90007.

Для цитирования: Боголюбов Е.А. Передача государственных функций в сфере физической культуры и спорта общественным организациям в 1960-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 588–599. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-588-599>

The transfer of state functions in the field of physical culture and sports to public organizations in the 1960s

Egor A. Bogolyubov

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

✉ bogolubovegor@mail.ru

Abstract: The article examines public organizations that functioned and performed state functions in the field of physical culture and sports. Special attention is paid to previously little-studied issues of interaction of the Union of Sports Societies and Organizations of the USSR with state bodies.

The source base of the article is the normative legal acts regulating the activities of this organization, as well as documents of the Kaliningrad regional Union of Sports Societies and Organizations that were not previously introduced into scientific circulation. The liberalization of public life during the Thaw period had a significant impact on the position of public organizations in the Soviet political system. The scientific literature of that time actively discussed the issues of involving citizens and public organizations in solving the problems facing the country. One form of such involvement was the transfer of state functions to public organizations. As a result, public organizations were able to make important decisions in a certain segment of the public sphere. The Union of Sports Societies and Organizations of the USSR became a unique organization that completely replaced the state body in the field of physical culture and sports. Based on the material studied, the author comes to the conclusion that the liquidation of the Union of Sports Societies and Organizations of the USSR in 1968 coincided with other processes aimed at curtailing liberal principles in the USSR. Almost 10 years of activity of this organization have shown that the transfer of state functions into the hands of the public is indeed possible.

Keywords: self-regulation, legal regulation of sports, autonomy of sports, civil society

Acknowledgements and Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-311-90007.

For citation: Bogolyubov, Egor A. “The transfer of state functions in the field of physical culture and sports to public organizations in the 1960s.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 588–599. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-588-599>

Введение

В ранний советский период общественные организации формально обладали самостоятельностью. С 1930-х гг. начался постепенный процесс их огосударствления, и уже после Великой Отечественной войны некоторым общественным организациям были переданы отдельные государственные функции. К примеру, в 1947 г. Всесоюзное Лекционное Бюро при Министерстве высшего образования СССР было преобразовано во Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, которому была передана вся лекционная работа с населением. Кульминацией этого процесса стало создание в 1959 г. Союза спортивных обществ и организаций СССР, который заменил собой государственный орган в сфере физической культуры и спорта и на общественных началах осуществлял руководство этой сферой. Создание данной общественной организации можно расценивать как своеобразный эксперимент, поскольку ни до, ни после в СССР не существовало такой общественной организации, которая бы полностью заменила собой государственный орган общесоюзного масштаба.

Учет исторического опыта может положительно сказаться на дальнейшем развитии взаимодействия государства и гражданского общества в современной России, в том числе в спортивной сфере. По мнению зарубежных исследователей, одной из главных проблем управления спортом в XXI в. являются отношения между государством и организациями третьего сектора¹. К аналогичным выводам приходит и И.М. Амиров. Он указывает, что ключевым вопросом для системы управления спортивным правопорядком является определение границ государственного вмешательства в деятельность общественных спортивных организаций².

Можно отметить, что исследованием этой проблемы занимаются многие зарубежные ученые³. Отдельно стоит выделить исследования, посвященные изуче-

¹ *Groeneveld M.* European Sport Governance, Citizens, and the State. Finding a (Co-) Productive Balance for the Twenty-First Century // *Public Management Review*. 2009. Vol. 11. № 4. P. 342.

² *Амиров И.М.* Спортивный правопорядок в России и за рубежом // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2014. № 4. С. 395.

³ *Agergaard S., la Cour A.* Governing integration through sports // *Nordic Journal of Migration Research*. 2012. Vol. 2. № 1. P. 26–34; *Giulianotti R., Itkonen H., Nevala A., Salmikangas A.-K.* Sport and Civil Society in the Nordic Region // *Sport in Society*. 2017. Vol. 22. P. 1–15; *Seippel O.* Sports in Civil Society: Networks, Social Capital and Influence // *European Sociological Review*. 2007. Vol. 24. № 1. P. 69–80.

нию советского спорта⁴, в которых авторы пытаются найти баланс между государственными и общественными интересами в спортивной сфере, сформировать эффективные механизмы сотрудничества государственных органов и институтов гражданского общества.

А.А. Григоркевич, З.Г. Сактаганова, Т. Тревисани выделяют два периода в изучении советского спорта: послевоенный период (1950-е – 1991 гг.) и период с 1991 г. по настоящее время. В первый период «история советского спорта и физической культуры в советской повседневности не являлась предметом специального исследования в научной литературе». Во второй период авторы начинают анализировать социокультурные аспекты советского спорта, взаимодействие властных структур и представителей спорта, роль физической культуры в советской повседневности⁵. Советские и современные работы, посвященные истории советского спорта, подробно описаны в труде А. Суника⁶.

Сейчас наблюдается интерес к конкретным добровольным обществам или к региональным аспектам физической культуры. В исследованиях Л.А. Королевой и Е.А. Нурдыгина на материалах Пензенской области изучается работа местных спортивных обществ⁷. Т.В. Сарычева в монографии показывает развитие физкультурно-спортивного движения на материалах Западной Сибири⁸.

Т.А. Мухаматулин, анализируя преимущественно зарубежные исследования, отмечает, что тема советского спорта все больше вступает во взаимодействие с историей советского общества, гендерной историей, историей национальностей. По его мнению, «часть историков советского спорта по-прежнему фокусируется на государстве и его политике в области спорта»⁹.

При этом советские спортивные общественные организации остаются слабо изученными. Между тем обращение к истории деятельности Союза спортивных обществ и организаций СССР позволит лучше понять, какое положение занимали общественные организации в советском государстве. Использование микроисторического подхода даст возможность выйти за рамки генерализирующих обобщений о советской государственно-партийной системе и рассмотреть на материале исторических источников конкретные аспекты передачи некоторых государственных функций общественным организациям.

Передача государственных функций спортивным обществам

В 1959 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление, согласно которому был создан Союз спортивных обществ и организаций СССР (далее – Союз спортивных обществ). К тому времени советские спортивные общества уже объединяли большое количество граждан СССР. Как тогда, так и сейчас

⁴ Grant S. *Physical Culture and Sport in Soviet Society: Propaganda, Acculturation, and Transformation in the 1920s and 1930s*. New York, 2013; Zeller M. *Sport and Society in the Soviet Union. The Politics of Football after Stalin*. London, 2018.

⁵ Григоркевич А.А., Сактаганова З.Г., Тревисани Т. Российская историография истории развития физкультуры и спорта в повседневной жизни советских людей во второй половине 20 в. // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2017. Т. 86. № 2. С. 32–37.

⁶ Суник А. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Советский спорт, 2010.

⁷ См., например: Нурдыгин Е.А., Королева Л.А., Давыдов А.С., Кочергин В.А. Государственная политика в сфере физической культуры и спорта в СССР. 1945–1959 гг. (по материалам Пензенской области): монография. Пенза, 2015 и др. работы авторов.

⁸ Сарычева Т.В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX века (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.). Томск, 2019.

⁹ Мухаматулин Т.А. «Серьезная забава»: советский спорт в современной историографии // Историческая экспертиза. 2020. № 1 (22). С. 356–365.

спортивные организации являются важными объектами для изучения, поскольку они составляют значительную часть добровольного сектора во многих странах. Например, в Дании они составляют самую большую часть от общего числа организаций и членов¹⁰.

Союз спортивных обществ изначально создавался именно как общественная организация, которой передавались государственные функции в сфере физической культуры и спорта. Главной задачей этой организации было «дальнейшее массовое развитие физической культуры и спорта в стране как одного из важных средств коммунистического воспитания молодежи, укрепления здоровья и подготовки трудящихся к высокопроизводительному труду и защите Родины»¹¹.

Новая общественная организация существенно отличалась от аналогичных организаций того времени, например, от Всероссийского общества содействия охране и озеленению населенных пунктов и от Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Две последние организации были созданы и функционировали по старым правилам: над ними стояли профильные государственные органы, а своей деятельностью они лишь способствовали реализации государственных задач и не могли самостоятельно определять приоритеты своей работы.

Союз спортивных обществ был принципиально иной организацией. Над ним не было профильного государственного органа, поскольку Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР был упразднен с 1 марта 1959 г. Проведение столь масштабного эксперимента по передаче государственных функций общественности можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, во всем мире в это время наблюдается всплеск интереса со стороны государства к приобщению граждан к физической культуре. Этот процесс особо заметен в скандинавских странах. Например, датские муниципалитеты с конца 1960-х гг. начинают бесплатно предоставлять помещения для проведения мероприятий для детей и молодежи в спортивных клубах, скаутских группах и т. д.¹² В это же время в Финляндии увеличиваются государственные расходы на общественные спортивные сооружения и другую инфраструктуру в рамках проводимой политики «Спорт для всех»¹³. На сегодняшний день такая политика и взаимоотношения между правительством (как финансирующим) и добровольным спортивным клубным сектором (как исполняющим) рассматривается в качестве доминирующего направления в управлении спортом¹⁴. В Великобритании и США именно локальные общественные организации при поддержке муниципальных властей занимаются развитием массового спорта¹⁵.

Следовательно, мероприятия, проводимые советской властью, оказались органически встроенными в общемировой процесс создания условий для занятия спортом.

¹⁰ *Østerlund K., Seippel Ø.* Does membership in civil society organizations foster social integration? The case of danish voluntary sport organizations // *Journal of Civil Society*. 2013. Vol. 9. № 4. P. 392.

¹¹ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 9.01.1959 № 56 «О руководстве физической культурой и спортом в стране» // *Собрание постановлений Правительства СССР*. 1959. № 1. Ст. 1.

¹² *Ibsen B., Levinsen K.* Collaboration between sports clubs and public institutions // *European Journal for Sport and Society*. 2019. Vol. 16. № 2. P. 188.

¹³ *Giulianotti R., Ikonen H., Nevala A., Salmikangas A.-K.* Sport and Civil Society in the Nordic Region... P. 3.

¹⁴ *Vos S., Breesch D., Késenne S., Van Hoecke J., Vanreusel B., Scheerder J.* Governmental subsidies and coercive pressures. Evidence from Sport Clubs and Their Resource Dependencies // *European Journal for Sport and Society*. 2011. Vol. 8. № 4. P. 274.

¹⁵ *Долматова Т.В., Зубкова А.В., Селезнева Е.А., Пухов Д.Н.* Организация физической активности и массового спорта на уровне местного самоуправления: сравнительный анализ зарубежного опыта // *Теория и практика физической культуры*. 2019. № 12. С. 53–55.

Во-вторых, после смерти И.В. Сталина партия и правительство провозгласили курс на возвращение к ленинским идеям. Для периода оттепели было характерно критическое отношение к деятельности И.В. Сталина и всему его правлению. Здесь можно привести слова Н.Т. Савенкова, который пишет, что «период культа личности Сталина, хотя и не мог изменить природы социалистического строя, однако задержал процесс перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление»¹⁶.

Решение XX съезда КПСС, осудившего культ личности и репрессивную политику, вылилось не только в формирование диссидентского движения, инакомыслия, но и в передачу государственных функций общественным организациям. Многие считают, что именно диссидентское движение стало толчком к развитию гражданского общества. Например, к такому выводу приходит М. Киллингсворт, рассматривая значение диссидентского движения в Чехословакии, ГДР и Польше¹⁷.

Д. Литч указывает: «Советские граждане еще до горбачевской революции 1980-х годов стали избегать регламентации официальных организаций, включая добровольные общества, в пользу всякого рода спонтанных, подлинно автономных объединений». Особо он подчеркивает, что этот процесс начался в период нахождения у власти Хрущева, когда граждане стали создавать неформальные группы по интересам: спорт, рок, защита окружающей среды¹⁸.

Не умаляя значения диссидентства, все же стоит сказать, что и легально действующие общественные организации сыграли существенную роль в становлении гражданского общества на постсоветском пространстве. Хотя участие в них часто носило формальный характер, граждане все же приобретали опыт взаимодействия с властью, налаживали горизонтальные связи с другими общественными организациями, занимались разрешенным гражданским активизмом. Однако некоторые ученые придерживаются другого мнения. Х. Алиев и вовсе считает, что коммунистические общественные организации были крайне непопулярны и потому никогда не могли выполнять функции гражданского общества¹⁹.

В-третьих, значительное улучшение в СССР физкультурной и спортивной работы среди различных общественных организаций также послужило причиной передачи государственных функций Союзу спортивных обществ. К этому времени государство уже активно занималось централизацией спортивных обществ.

Уже в начале 1950-х гг. происходит создание республиканских спортивных обществ колхозников. Хотя общества были республиканские, однако их учреждение происходило путем директивного указания из союзного органа (Совет Министров СССР), который давал разрешение республиканским Советам Министров создать добровольное спортивное общество. Помимо этого, Совет Министров СССР устанавливал порядок финансирования этих обществ, поручал республиканскому Совету Министров по согласованию с Комитетом по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР утвердить Устав добровольного спортивного общества колхозников, смету и штатное расписание общества. Важно сказать, что такой порядок учреждения общественных организаций не был предусмотрен действующим

¹⁶ Савенков Н.Т. Некоторые вопросы осуществления постоянными комиссиями местных Советов функций органов управления // Ученые записки. М., 1964. Вып. 3 (20). С. 68.

¹⁷ Killingsworth M. Opposition and dissent in Soviet type regimes: Civil society and its limitations // Journal of Civil Society. 2007. Vol. 3. № 1. P. 59–79.

¹⁸ Leitch D. Society in motion: Russia's emerging voluntary sector // Nonprofit Management and Leadership. 1996. Vol. 7. № 4. P. 423.

¹⁹ Aliyev H. Post-communist civil society and the Soviet legacy: Challenges of democratisation and reform in the Caucasus. Basingstoke, 2015. P. 84.

щим на тот момент Положением о добровольных обществах 1932 г.²⁰ Это еще раз свидетельствует о том, что нормы данного Положения в послевоенное время существенно исказились.

Активное создание спортивных обществ происходило в период позднего сталинизма. По данным М.Г. Сотникова, в Сталинграде по состоянию на 1 января 1947 г. имелось 22 добровольных спортивных общества²¹. Однако развитие спорта в сельской местности происходило крайне медленно. Для ускорения этого процесса и объединения всех сельских спортивных обществ в 1950 г. принимаются постановления Совета Министров СССР о создании добровольных спортивных обществ на Украине, в Латвии, Грузии, Белоруссии, РСФСР, Узбекистане, в 1951 г. – в Литве, Эстонии, Азербайджане, Казахстане, Армении, Таджикистане, Молдавии, Туркмении²². Все эти организации потом активно включатся в работу Союза спортивных обществ и организаций²³.

В это же время существовали и иные добровольные спортивные общества, которые занимались физкультурно-массовой, оздоровительной и спортивной работой среди определённого контингента населения: «Динамо» – работники МВД, КГБ и их подведомственные организации; «Труд» – крупная и средняя промышленность, средние учебные заведения промышленного профиля; «Трудовые резервы» – училища профессионально-технического образования и т. д.²⁴

Зарубежные исследователи указывают, что спортивные организации – это такая же важная арена для социальной интеграции, как и другие добровольные организации. Они объединяют людей посредством совместной деятельности в рамках организационной структуры, где преобладают горизонтальные социальные отношения и где стратегические властные отношения менее очевидны, чем в большинстве других областей повседневной жизни²⁵. Такое большое количество спортивных обществ в советский период позволяло гражданам налаживать социальные контакты, заниматься физической культурой и спортом, разнообразно проводить свой досуг.

Отечественные авторы, занимающиеся государственным регулированием в сфере физической культуры и спорта, считают, что принцип автономности (автономии) является одним из важнейших принципов организации общественных отношений и деятельности в области спорта. По мнению А.И. Понкиной, одной из причин автономии спорта является специфическая структура спорта, которая представляет собой децентрализованную самореферентную и самовоспроизводящуюся систему, включающую огромный массив разнообразных спортивных организаций. Автор подчеркивает, что публичная власть просто не в состоянии эффективно и с должной пертинентностью управлять всем этим массивом и потому вынуждена делегировать часть своих полномочий саморегулируемым структурам в области спорта²⁶.

²⁰ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.07.1932 «Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах» // Собрание узаконений РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331.А.

²¹ Сотников М.Г. Развитие добровольных спортивных обществ Сталинграда в 1946–1951 гг. (по материалам Центра документации новейшей истории Волгоградской области) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 9–10 (104). С. 214.

²² Собрание действующего законодательства СССР. Том 46: Раздел XXIII: Законодательство о здравоохранении, физической культуре и спорте; Раздел XXIV: Законодательство о браке и семье / Министерство юстиции СССР. М., 1976. С. 364–372.

²³ Нурдыгин Е.А., Королева Л.А. Физическая культура и спорт на селе в республиках СССР в середине 1960-х гг. // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2018. № 4 (17). С. 97–105.

²⁴ См. подробнее: Сорочкина О.Г. Студенческое спортивное общество «Буревестник»: становление и развитие в Чувашской АССР // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 61.

²⁵ Østerlund K., SeiPpel Ø. Does membership in civil society... P. 396.

²⁶ Понкина А.И. Автономность спорта как теоретико-правовая проблема // Право и современные государства. 2013. № 1. С. 36–37.

Возможно, что именно большое количество добровольных спортивных обществ и неспособность государственной власти эффективно ими управлять подтолкнули к созданию Союза спортивных обществ, наделенного некоторой автономностью.

Из-за всех вышеперечисленных причин в постановлении об учреждении Союза спортивных обществ провозглашалось, что «на современном этапе коммунистического строительства <...> имеются все возможности для того, чтобы физкультурное движение в нашей стране было полностью основано на широких демократических началах и руководство им осуществлялось выборной общественной организацией»²⁷.

Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О руководстве физической культурой и спортом в стране» было принято 9 января 1959 г. Аналогичное постановление на уровне РСФСР принимается 13 февраля 1959 г.²⁸ Оба постановления предписывали создать союзы спортивных обществ в регионах.

По сути, Комитет по физической культуре и спорту заменялся Союзом спортивных обществ, поскольку последний наделялся некоторыми государственными функциями, в частности, на него возлагались «перспективное планирование физической культуры и спорта в стране; разработка программно-методических материалов; планирование и проведение всесоюзных соревнований; организация международных спортивных связей; подготовка и распределение физкультурных кадров; руководство научно-исследовательской работой в области физической культуры и спорта; координацию планов производства и распределения спортивного инвентаря и строительства спортивных сооружений».

Исходя из этого, только КПСС и Совет Министров СССР могли влиять на деятельность Союза спортивных обществ, именно они утверждали устав, структуру и штаты этой организации. Данное обстоятельство не позволяет говорить о полной автономности Союза спортивных обществ. Автономности спорта присуще такие черты, как независимость спортивных организаций в определении, установлении и формировании своей внутренней иерархической организации, автономность сферы спорта от санкционирования, вмешательства и давления со стороны публичной власти, автономность сферы спорта от идеологически, политически или религиозно вторжения²⁹. Поэтому Союз спортивных обществ обладал лишь частичной самостоятельностью.

Все материально-техническое обеспечение, финансы, подведомственные учреждения и предприятия Комитета по физической культуре и спорту передавались Союзу спортивных обществ. До 1962 г. общественной организации выделялись средства из союзного бюджета для проведения спортивной и физкультурной работы, а с 1962 г. выдача средств была прекращена³⁰, и Союз спортивных обществ перешел на самокупаемость.

Решение передать управление физической культурой и спортом в руки общественности нашло положительный отклик у населения. Председатель Калининградского городского Совета Союза спортивных обществ и организаций на одном из собраний сказал: «Постановление ЦК партии и Совета Министров СССР об упразднении комитетов по физкультуре и спорту в нашей стране было встречено спортсменами и общественностью Калининграда с единодушным одобрением. Такая горячая поддержка вызвана тем, что Союз спортивных обществ и организаций будет

²⁷ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 09.01.1959 № 56 «О руководстве физической культурой и спортом в стране» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1959. № 1. Ст. 1.

²⁸ Постановление Совета Министров РСФСР от 13.02. 1959 № 165 «О руководстве физической культурой и спортом в РСФСР» // СП РСФСР. 1959. № 2. Ст. 15.

²⁹ Понкина А.И. Теоретико-правовые основы интерпретации автономности спорта // Право и образование. 2013. № 3. С. 69–78.

³⁰ Собрание действующего законодательства СССР. Том 17: Раздел V: Законодательство о финансах и кредите. Книга 4 / Министерство юстиции СССР. М., 1975. С. 348.

не государственным, а общественным органом. Это в свою очередь позволит привлечь к руководству физкультурой и спортом широкий актив не только из числа спортсменов, но из числа комсомольских и профсоюзных органов. Это вызвано жизненной необходимостью, так как комитеты физкультуры и спорта в своей работе допустили ряд серьезных ошибок и имели ограниченные функции»³¹.

Организационную структуру одного из региональных Союзов спортивных обществ можно рассмотреть на примере Калининградской области. По состоянию на 7 апреля 1961 г. Калининградский областной Союз спортивных обществ и организаций объединял 7 городских и 14 районных Советов союза, 7 добровольных спортивных обществ. За два года существования областного совета ряды физкультурников выросли на 31 тысячу человек. В области насчитывалось 548 коллективов физкультурников, из которых 19 – объединенных³².

Таким образом, вся структура Союза спортивных обществ и организаций СССР органично совпадала с административно-территориальным делением страны. Первичными организациями были коллективы физкультурников, которые объединялись в добровольные спортивные общества. Они объединялись в районные или городские союзы спортивных обществ и организаций, те – в областные союзы. Республиканские союзы формировались из областных союзов и из добровольных спортивных обществ республиканского масштаба. Союз спортивных обществ и организаций СССР должен был координировать их работу, проводить общегосударственную политику в сфере спорта в жизнь.

Союз спортивных обществ, являясь формально общественной организацией, был теснейшим образом связан с государственными органами. Иностранцы подчеркивают, что современные организованные правительством неправительственные организации (*government-organized, non-governmental organization – GONGO*) чаще всего являются продолжением правительственного аппарата, хотя и имеют формальную автономию от него³³. Рассмотрев взаимоотношения государственных, партийных, профсоюзных органов с Союзом спортивных обществ, можно будет в этом убедиться.

Основные направления деятельности Союза спортивных обществ и организаций СССР

Союзу спортивных обществ предписывалось осуществлять тесное сотрудничество с профсоюзными организациями и ВЛКСМ, которые выступали в качестве участников горизонтальных связей в социалистическом варианте гражданского общества. Совместно с ними Союз спортивных обществ должен был добиться «значительного роста числа занимающихся физкультурой и спортом», «внедрения производственной гимнастики среди рабочих и служащих на предприятиях», «принять меры к развитию массового туризма, охоты, рыбной ловли; создать необходимый прокатный фонд лыж, коньков, велосипедов, лодок при парках и стадионах» и многое другое.

Всероссийский совет Союза спортивных обществ и организаций и Всесоюзный совет добровольных спортивных обществ профсоюзов организовывали социалистическое соревнование автономных республик, краев, областей и городов РСФСР за лучшую постановку физкультурной и спортивной работы среди населения.

³¹ Государственный архив Калининградской области (далее – ГАКО). Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

³² Там же. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 125. Л. 4–5

³³ *Hasmath R., Hildebrandt T., Hsu J. Y.J. Conceptualizing government-organized non-governmental organizations // Journal of Civil Society. 2019. Vol. 15. P. 267–284.*

Союз спортивных обществ должен был также сотрудничать со школами, с высшими и средними учебными заведениями, директорам совхозов, правлениям колхозов, Госпланом СССР, Министерством финансов СССР, Министерством культуры СССР, Государственным комитетом по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, Министерством высшего образования СССР, Министерствами просвещения союзных республик и другими министерствами, ведомствами, общественными организациями.

Отдельным направлением в работе Союза спортивных обществ выступало развитие спорта в сельской местности. По поручению Верховного Совета РСФСР от 26 октября 1960 г. Союзу спортивных обществ и организаций совместно с исполнительными комитетами субъектов РСФСР было необходимо «в ближайшие два-три года построить в каждом колхозе и совхозе с привлечением сельской общественности спортивные сооружения»³⁴. Принятие такого решения объясняется слабой вовлеченностью сельского населения в спортивно-массовую работу. В некоторых районах Калининградской области к 1961 г. физкультурников было менее 10 %. В Нестеровском районе их число составляло лишь 4,3 %, в Гурьевском – 7,4 %, в Гусевском – 9,4 %³⁵.

В рамках сотрудничества с Комитетом по кинематографии при Совете Министров СССР Союз спортивных обществ и организаций СССР и Союз кинематографистов СССР проводили совместный Всесоюзный фестиваль спортивных фильмов. Первый такой фестиваль был проведен в Москве в декабре 1966 г. Интересно отметить, что помимо прочих призов и премий на фестивале вручали специальный приз за «лучшее исполнение роли героя, воплощающего гармоническое сочетание духовных и физических качеств»³⁶.

Положение о II Всесоюзном фестивале спортивных фильмов было утверждено 21 октября 1968 г. приказом Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР и Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР. 5 августа 1967 г. коллегией Министерства просвещения СССР было утверждено Положение о коллективе физической культуры общеобразовательной школы, которое до этого было согласовано с президиумом Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР и ЦК ВЛКСМ³⁷. Данные примеры еще раз подчеркивают, что общественная организация не воспринималась как отделенная от государства, она являлась одним из проводников государственной политики, поэтому и стояла на одном уровне с комитетом при Совете Министров СССР.

Еще одним важным направлением в работе Союза спортивных обществ было улучшение физического воспитания учащихся. В рамках реализации этой задачи Союз спортивных обществ тесно сотрудничал с вузами. Вместе они организовывали летние оздоровительно-спортивные лагеря, в которых помимо учебно-тренировочных занятий по видам спорта были организованы спартакиады, соревнования и спортивные встречи, а также проводилась подготовка инструкторов-общественников и судей по видам спорта. Также там осуществлялась политико-воспитательная и культурно-массовая работа со студентами: проводилась политинформация, лек-

³⁴ Постановление Верховного Совета РСФСР от 26.10.1960 «О состоянии и мерах по улучшению культурного обслуживания сельского населения РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 585.

³⁵ ГАКО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 125. Л. 6.

³⁶ Кинофикация, кинопрокат, кинопромышленность: Систематизированный сборник нормативных актов и ведомственных указаний / Комитет по кинематографии при Совете Министров СССР. Управление кинофикации и кинопроката. М.: Искусство, 1972. С. 31–32.

³⁷ Справочник директора школы: Сборник законодательных, руководящих и инструктивных материалов. М., 1971. С. 134–138.

ции и беседы, встречи самодеятельности. Студенты принимали активное участие в сельскохозяйственных работах в ближайших колхозах и совхозах, строительстве хозяйственных и спортивных сооружений, оказывали помощь в организации физкультурной, спортивной и культурно-массовой работы в колхозах и пионерских лагерях³⁸.

В феврале 1964 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР приняли постановление о состоянии и мерах по улучшению физического воспитания учащихся в общеобразовательных школах республики. Это постановление обязало все спортивные общества, соответствующие министерства и ведомства, а также местные Советы в течение двух лет построить и оборудовать при каждой школе комплексные спортивные площадки, пополнить школы спортивным инвентарем и оборудованием, создать необходимые условия для физкультурно-массовой работы по месту жительства детей и подростков, бесплатно предоставлять имеющиеся у спортивных обществ физкультурные сооружения и инвентарь³⁹. Учащиеся техникума (училища) должны ежегодно принимать участие в массовых спортивных мероприятиях и соревнованиях по отдельным видам спорта, проводимых местными, городскими (районными) советами Союза спортивных обществ и организаций⁴⁰.

В 1966 г. принимается постановление Совмина СССР «Вопросы развития физической культуры и спорта», которое возложило множество дополнительных задач на Союз спортивных обществ. К примеру, Центральному совету Союза спортивных обществ и организаций СССР и некоторым государственным органам поручалось вести систематическую работу по повышению квалификации учителей физкультуры, преподавателей физического воспитания, тренеров и других специалистов по физической культуре и спорту⁴¹.

Однако уже в 1967 г. в работе добровольных обществ, в том числе и Союза спортивных обществ, выявились трудности с координацией работы по организации физкультурной и оборонно-массовой работы в школах и средних специальных учебных заведениях. По мнению одного из депутатов Верховного Совета СССР, в их работе «пока еще нет четкой системы», усилия и средства органов народного образования, комсомола, ДОСААФ, спортивных обществ и организаций разобщены⁴².

Таким образом, на Союз спортивных обществ и организаций было возложено множество государственных функций, что вылилось в его перегруженность. Разноплановые задачи, стоявшие перед ним, должны были базироваться исключительно на общественной инициативе, энтузиазме граждан. К этому необходимо еще прибавить огромное количество отчетности, согласование многих решений с партией, ВЛКСМ, профсоюзами, военными частями, отделами образования и т. д. В итоге Союз спортивных обществ и организаций просуществовал менее 10 лет.

По мнению Т.П. Коржихиной, передача функций государства по руководству спортом и физической культурой общественной организации была преждевременной⁴³. 17 октября 1968 г. принимается совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которым образовывается союзно-республиканский Комитет

³⁸ ГАКО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

³⁹ Заседания Верховного Совета РСФСР шестого созыва: Третья сессия (10–11 июня 1964 г.); Стенографический отчет. М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1964. С. 110.

⁴⁰ Инструктивное письмо Минвуза СССР от 06 мая 1965 г. № И-34 «О порядке проведения физического воспитания учащихся средних специальных учебных заведений» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹ Постановление Совета Министров СССР от 11.08.1966 № 671 «Вопросы развития физической культуры и спорта» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1966. № 18. Ст. 160.

⁴² Заседания Верховного Совета СССР седьмого созыва: Третья сессия (10–12 октября 1967 г.); Стенографический отчет. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1967. С. 391.

⁴³ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1995. С. 293–294.

по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР на базе Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР⁴⁴. На уровне РСФСР аналогичное положение принимается 25 ноября 1968 г.⁴⁵

Выводы

«Ленинские нормы жизни», «коммунистическое общество» и в те времена были недостижимыми идеалами. Передача государственных функций в сфере физической культуры и спорта в 1960-е гг. до сих пор является уникальным случаем в российской истории и примером возможного сотрудничества государства и общественных организаций.

Изучение советского периода представляется сейчас крайне актуальным. Многие государственные деятели заявляют о важности гражданского общества, о необходимости шире привлекать общественность к решению насущных проблем. В этом отношении советский опыт, бесспорно, является ценным источником знаний.

С одной стороны, в Советской России можно найти множество примеров привлечения граждан и организаций к государственному управлению. Помимо приведенного в статье Союза спортивных обществ и организаций СССР некоторые государственные функции передавались Всесоюзному обществу «Знание», Всероссийскому обществу охраны природы и другим организациям, объединяющим большое количество неравнодушных людей.

С другой стороны, эти общественные организации не могли сформировать собственную повестку, хоть как-нибудь отличную от линии партии и правительства. По мысли ученых того времени, общественным организациям не нужно было уравновешивать правительство, ведь противоречий в советском обществе нет, оно едино в стремлении построить коммунизм.

Поступила в редакцию / Submitted: 23.11.2020

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 3.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.10.2021

References

- Agergaard, S., la Cour, A. “Governing Integration Through Sports.” *Nordic Journal of Migration Research* 2, no. 1 (2012): 26–34. <https://doi.org/10.2478/v10202-011-0024-y>
- Aliyev, H. *Post-Communist Civil Society and the Soviet Legacy: Challenges of Democratisation and Reform in the Caucasus*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. <https://doi.org/10.1057/9781137489159>
- Amirov, I.M. “Sports law and order in Russia and abroad.” *RUDN Journal of Law*, no. 4 (2014): 390–399 (in Russian).
- Dolmatova, T.V., Zubkova, A.V., Selezneva, E.A., and Puhov, D.N. “Organization of physical activity and mass sports at local governmental level: comparative analysis of foreign experience.” *Theory and Practice of Physical Culture*, no. 12 (2019): 53–55 (in Russian).
- Giulianotti, R., Itkonen, H., Nevala, A., and Salmikangas, A.-K. “Sport and Civil Society in the Nordic Region.” *Sport in Society* 22 (2017): 1–15. <https://doi.org/10.1080/17430437.2017.1390906>
- Grant, S. *Physical Culture and Sport in Soviet Society: Propaganda, Acculturation, and Transformation in the 1920s and 1930s*. New York: Routledge, 2013.
- Grigorkevich, A., Saktaganova, Z., and Trevicsani, T. “Russian Historiography of the History of Development of Physical Culture and Sports in Everyday Life of the Soviet People in the Second

⁴⁴ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 17.10.1968 № 826 «Об улучшении руководства физической культурой и спортом в стране» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1968. № 20. Ст. 139.

⁴⁵ Постановление Совета Министров РСФСР от 25.11.1968 № 750 «Об улучшении руководства физической культурой и спортом в РСФСР» // Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1968. № 25. Ст. 123.

- Half of the XX century.” *Bulletin of the Karaganda university History. Philosophy series* 86, no. 2 (2017): 32–37 (in Russian).
- Groeneveld, M. “European Sport Governance, Citizens, and the State. Finding a (Co-) Productive Balance for the Twenty-First Century.” *Public Management Review* 11, no. 4 (2009): 421–440. <https://doi.org/10.1080/14719030902989516>
- Hasmath, R., Hildebrandt, T., and Hsu, J.Y.J. “Conceptualizing Government-Organized Non-Governmental Organizations.” *Journal of Civil Society* 15 (2019): 267–284. <https://doi.org/10.1080/17448689.2019.1632549>
- Ibsen, B., and Levinsen, K. “Collaboration between Sports Clubs and Public Institutions.” *European Journal for Sport and Society* 16, no. 2 (2019): 187–204. <https://doi.org/10.1080/16138171.2019.1610619>
- Killingsworth, M. “Opposition and Dissent in Soviet Type Regimes: Civil Society and its Limitations.” *Journal of Civil Society* 3, no. 1 (2007): 59–79. <https://doi.org/10.1080/17448680701390745>
- Korzhihina, T.P. *Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr' 1917 g. – dekabr' 1991 g.* Moscow: RSUH Publ., 1995 (in Russian).
- Leitch, D. “Society in Motion: Russia’s Emerging Voluntary Sector.” *Nonprofit Management and Leadership* 7, no. 4 (1996): 421–433. <https://doi.org/10.1002/nml.4130070407>
- Mukhamatulin, T.A. “‘Serious fun’: soviet sport in contemporary historiography.” *The Historical Expertise*, no. 1 (2020): 356–365 (in Russian).
- Nurdygin, E.A., and Koroleva, L.A. “Phizicheskaya kul'tura i sport na sele v respublikah SSSR v seredine 1960-kh gg.” *Obrazovanie i nauka v sovremennom mire. Innovatsii* 17, no. 4 (2018): 97–105 (in Russian).
- Nurdygin, E.A., Koroleva, L.A., Davydov, A.S. et al. *Gosudarstvennaia politika v sfere fizicheskoi kul'tury i sporta v SSSR. 1945–1959 gg. (po materialam Penzenskoi oblasti).* Penza: PGUAS Publ., 2015 (in Russian).
- Østerlund, K., and Seippel, Ø. “Does Membership in Civil Society Organizations Foster Social Integration? The Case of Danish Voluntary Sport Organizations.” *Journal of Civil Society* 9, no. 4 (2013): 391–413. <https://doi.org/10.1080/17448689.2013.847548>
- Ponkina, A.I. “Avtonomnost' sporta kak teoretiko-pravovaya problema.” *Pravo i sovremennye gosudarstva*, no. 1 (2013): 24–38 (in Russian).
- Ponkina, A.I. “Theoretical and legal fundamentals of interpretation of automation of sport.” *Obrazovanie i pravo*, no. 3 (2013): 69–78 (in Russian).
- Sarycheva, T.V. *Sovetskaia sistema fizicheskoi kul'tury kak sotsiokul'turnyi fenomen XX veka (na primere Zapadnoi Sibiri, 1920–1991 gg.).* Tomsk: Pechatnaia manufaktura, 2019 (in Russian).
- Savenkov, N.T. “Some Issues Related to the Implementation of the functions of Governing Bodies by the Permanent Commissions of Local Councils.” *Uchenye zapiski. Vsesoyuznyy nauchno-issledovatel'skiy institut sovetskogo zakonodatel'stva* 3, no. 20 (1964): 58–78 (in Russian).
- Seippel, O. “Sports in Civil Society: Networks, Social Capital and Influence.” *European Sociological Review* 24, no. 1 (2007): 69–80. <https://doi.org/10.1093/esr/jcm035>
- Sorokina, O.G. “Studencheskoe sportivnoe obshchestvo «Burevestnik»: stanovlenie i razvitie v Chuvashskoj ASSR.” *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, no. 3 (2007): 59–63 (in Russian).
- Sotnikov, M.G. “Development of voluntary sports societies of Stalingrad in the 1946–1951 (based on the materials of Documentation Centre of the Modern History of the Volgograd Region).” *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 9–10 (2015): 213–219 (in Russian).
- Sunik, A. *Ocherki otechestvennoy istoriografii istorii fizicheskoi kul'tury i sporta.* Moscow: Sovetskii sport Publ., 2010 (in Russian).
- Vos, S., Breesch, D., Késenne, S., Van Hoecke, J., Vanreusel, B., and Scheerder, J. “Governmental subsidies and coercive pressures. Evidence from Sport Clubs and Their Resource Dependencies.” *European Journal for Sport and Society* 8, no. 4 (2011): 257–280. <https://doi.org/10.1080/16138171.2011.11687882>
- Zeller, M. *Sport and Society in the Soviet Union. The Politics of Football after Stalin.* London: J.B. Tauris, 2018.

Информация об авторе / Information about the author

Е.А. Боголюбов, ассистент кафедры теории и истории государства и права Кемеровского государственного университета, 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6, bogolubovegor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9312-7793>

E.A. Bogoliubov, Assistant Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia, bogolubovegor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9312-7793>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-600-608>

Рецензия / Book review

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Схиммельпэнник ван дер Ойе Давид. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П.С. Бавина. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 287 с.

Рафаэль Амирович Арсланов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ arslanov-ra@rudn.ru

Для цитирования: Арсланов Р.А. Рецензия на книгу: Схиммельпэнник ван дер Ойе Давид. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П.С. Бавина. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 287 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 600–608. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-600-608>

REVIEW OF

***Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*, by David Schimmelpenninck van der Oye. Translated by P.S. Bavina. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia Publ., 2019. 287 p.**

Rafael A. Arslanov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

✉ arslanov-ra@rudn.ru

For citation: Arslanov, Rafael A. "Review of *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*, by David Schimmelpenninck van der Oye. Translated by P.S. Bavina. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia Publ., 2019. 287 p." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 600–608. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-600-608>

Книга канадского историка голландского происхождения с трудно произносимой на русском языке фамилией – Давида Схиммельпэнника ван дер Ойе – при первом приближении может вызвать интерес лишь у узкого круга специалистов. Однако иностранный ученый затронул тему, волнующую русского человека, заставляющую его и в прошлом, и в настоящем размышлять о том, что есть Россия: Восток, Запад или нечто иное, занимающее особое место в мире. Следует заметить, что в современной России на Востоке все чаще ищут возможного союзника, потребность в котором возросла в условиях нарастания напряженности в отношениях между Россией и Западом в настоящее время.

© Арсланов Р.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Сам автор в заключении книги, хотя и опосредованно, обосновал ее актуальность озабоченностью «влиятельных политических деятелей Российской Федерации... новым мировым порядком, в котором доминирует одна западная держава...». Ответом же на эту угрозу и стало исходившее из Кремля еще в эпоху Бориса Ельцина позиционирование России как «азиатской сверхдержавы», а также стремление ее современных лидеров «нарочито выстроить антизападную коалицию с азиатскими державами» (С. 233). Можно поспорить с канадским ученым, насколько «нарочито», но наша задача заключается в другом – проанализировать понимание автором значения «восточной темы» в истории России и национальной культуры, определить методы, с помощью которых он показал ее становление и эволюцию в российском сознании, а точнее, – в его научной и художественной формах.

Начнем с полемики – с откликов на книгу историка, отличающихся своими подходами и оценками. В лаконичном и в целом доброжелательном отзыве, опубликованном в Новом литературном обозрении (НЛО), работа Давида Схиммельпэннинка рассматривается в ряду отечественных исследований, посвященных ориентализму в русской литературе¹. Автор обзора, отметив обобщающий характер исследования, подчеркнул его методологическую четкость и научную ценность.

В рецензии же, помещенной на сайте LiveLib, книга ученого удостоилась критики как раз за стремление объединить разнородные явления общественного сознания в нечто единое целое. «Наш голландский друг, – с несколько панибратским оттенком пишет рецензент, – считает, что главное – это нанизать как можно больше сюжетов, от «Слова о полку Игореве» до Бородина, от немецких ученых при Петре до князя Ольденбургского...». В итоге же, по мнению критика, в целом эти сюжеты не складываются, по причине якобы «невосприимчивости автора к теории как таковой»².

Приведенное критическое суждение послужило поводом к размышлению о разных подходах к исторической литературе. Прежде всего о теоретической составляющей. Действительно, раскрытие предмета исследования предполагает использование различных теорий, в нашем случае, например, имагологии или методов, заимствованных из интеллектуальной истории. Более того, продолжая критическую линию, можно было бы упрекнуть автора в игнорировании современных подходов, по-новому раскрывающих политику России на Востоке: концепции фронтальной модернизации и аккультурации³. Однако, на наш взгляд, для работы, обращенной к широкой публике, они стали бы лишь препятствием на пути знакомства с русским ориентализмом. К тому же представленная автором во введении постколониальная теория, инициированная монографией Эдварда Саида «Ориентализм» (1978), вполне адекватна собранному материалу и достаточна для понимания содержания такой многогранной темы. Кстати, ее необъятность проявляется и в том, что некоторые

¹ Рейтблат А.И. «Ориентализм» и русский ориентализм (Обзор книг по ориентализму в русских востоковедении и литературе) // Журнальный зал – русский толстый журнал как эстетический феномен. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2020/1/orientalizm-i-russkij-orientalizm.html#> (дата обращения: 15.01.2021).

² Red_star Эксперт Лайвлиба // LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/book/1003260773-russkij-orientalizm-aziya-v-rossijskom-soznanii-ot-epohi-petra-velikogo-do-beloj-emigratsii-devid-shimmelpennink-van-der-oje> (дата обращения: 24.01.2021).

³ Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165. См., например: Любичанковский С.В. Имперская политика аккультурации и проблемы колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи. Оренбург, 2019.

аспекты русского ориентализма, например, отношение идейных течений пореформенной России к политике империи в Средней Азии, не вошли в книгу⁴.

Упрек же рецензента в «нанизывании сюжетов» на самом деле умаляет одну из основных ценностей работы – стремление автора показать явления духовной жизни не сами по себе, а в историческом контексте. Именно такой подход позволил ученому проследить за ориентализмом как за меняющимся под влиянием различных факторов феноменом, объективно рассмотреть его содержание.

Как уже отмечалось, Давид Схиммельпэннинк исследует развитие отношения русского общества к Востоку сквозь призму постколониальной теории Эдварда В. Саида, утверждавшего, «что научный аппарат, при помощи которого Запад изучает Восток, является средством угнетения» (С. 15). Иными словами, описание учеными, да и художниками Востока не только предшествовало его эксплуатации Западом, но и предопределяло его подчиненное положение.

Канадский ученый не отрицает наличие в российском обществе имперских, колониальных настроений, но сам русский ориентализм, по его мнению, не укладывался в саидовское бинарное описание западной матрицы «колонизатор – колонизированный». Выявлению многообразия и особенностей русского восприятия Востока, а главное – их истоков и посвящена рецензируемая книга.

Само осмысление и изучение Азии как некоего «другого» Давид Схиммельпэннинк относит к эпохе Петра I, когда Россия начинает осознавать себя частью Запада. Именно эта самоидентификация и вызвала у части русского образованного общества интерес к Востоку как к одному из мест, «где русские, по словам автора, могли почувствовать себя равными европейцам» (С. 14). Таким образом, Запад и чувство принадлежности к нему, европейская образованность становятся в книге ученого точкой отсчета для постижения русским человеком Азии.

Соглашаясь с этим мнением, хотелось бы еще раз подчеркнуть не только многогранность восприятия русским обществом Востока, но и оригинальность, своеобразие некоторых его проявлений. Сам автор, говоря о европейском импульсе и методе изучения Азии в России, все же подчеркивает его национальный колорит, некую амбивалентность, присущую русскому отношению к Востоку. Более того, несколько нарушив сформулированные в названии работы хронологические границы, он в первой главе обращается к допетровскому, т. е. донаучному периоду восприятия Азии Древней Русью. И именно здесь, опираясь на сложившуюся историографическую традицию и рассматривая их отношения сквозь призму бинарной оппозиции леса и степи, историк находит истоки этого своеобразия (С. 21–38). Формируемый церковью образ «злых татар» далеко не всегда соответствовал реальной картине. «В повседневной жизни, – приходит к выводу историк, – чаще имел место симбиоз, а не борьба» (С. 37).

На протяжении XVIII в. в России утверждается европейское видение Востока. Правда, в эпоху Екатерины II Азия привлекает внимание, прежде всего, своей экзотикой, да и «образцовым» государственным строем Китая, идеализированные представления о котором сложились при дворе императрицы во многом под влиянием Вольтера (С. 57, 58).

⁴ Частично эти сюжеты рассмотрены в: Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социокультурной адаптации русских переселенцев в Средней Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 347–363.

В основной части книги (Гл. 4–8) Давид Схиммельпэннинк показал развитие русского ориентализма в XIX в., подчеркнув процесс формирования и усиления амбивалентного отношения к Востоку как в научной рефлексии, так и в художественном творчестве. Особого внимания заслуживает, с одной стороны, представленное автором объяснение усиливавшегося в России, да и в других европейских странах, интереса к Азии, а с другой, – трактовка факторов, определявших специфику ее русского восприятия.

Прежде всего, историк отметил роль Восточного вопроса, придававшего политическую окраску и прагматическое содержание ориентализму ведущих стран Европы, а также наличие в составе России собственного Востока – мусульманского Кавказа. Не меньшее влияние оказали и новые веяния в духовной жизни. Автор специально остановился на получившем в начале XIX в. распространение романтизме, который своим обращением к эмоциям, мистицизму, интуиции, т. е. всему тому, что приписывалось азиатской культуре, не только привел русское общество к подлинному развороту на Восток (С. 67–68), но и к формированию особого к нему отношения. Вслед за Сьюзен Лейтон канадский историк в «Кавказском пленнике» (1821 г.) А.С. Пушкина увидел начало описания «...горцев-мусульман как азиатских “других”, которых Россия XIX в. была склонна принять как суррогатных “своих”» (С. 75). В результате «симбиоз “своего” и “другого”, по мнению автора, получит свое дальнейшее развитие.

Особое отношение русского общества к Азии вызывалось и военной службой дворян, и личным знакомством со «своим Востоком», каким стал для многих литераторов и ученых мусульманский Кавказ, и смешанным – русско-азиатским – происхождением части элиты.

Вместе с тем, надо отдать должное историку, который не оставил без внимания и так называемые «темные стороны» русского ориентализма, поддерживавшего и обосновывавшего имперскую политику России. Так, с некоторым, как представляется, недоумением он констатировал, что А.С. Пушкин – этот великий русский гений, ставший практически создателем художественной формы ориентализма, «...не осудил категорически восточные завоевательные походы». При этом, по словам историка, «в независимости от политических взглядов Пушкина нет никакого противоречия между оппозицией императору и энтузиазмом по поводу расширения владений России в Азии» (С. 74). За констатацией отсутствия противоречий скрывается авторское искажение отношения поэта к самодержавию. Дело в том, что Пушкин эпохи «завоевательных походов» отошел от своих романтических увлечений и вольнодумства юности и, став искренним монархистом, поддерживал не только внешнюю политику самодержавия, но и сам характер режима, отвечавшего, по его мнению, потребностям и историческому уровню развития России⁵. Так что противоречия между имперскими и политическими взглядами Пушкина, действительно, не наблюдалось. Более того, пример Пушкина дает возможность констатировать некую цельность русского ориентализма, рассматривающего самодержавную власть и ее «захватническую» политику как две стороны одной медали, т. е. говорить не только о цивилизационном, но и политическом симбиозе, прояв-

⁵ Подробнее см.: *Эйдельман Н.Я.* Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984.

лявшемся ярче всего в приобретении империей новых территорий и выполнении самодержавием просветительской, реформаторской миссии на Востоке.

Заслуживает внимания проведенный историком анализ творчества художника В.В. Верещагина, и в частности, живописных приемов, использованных им для обоснования необходимости и прогрессивности аннексии Россией восточных территорий. В своей «Туркестанской серии», состоящей из полотен, отражающих и одновременно оправдывающих захват Средней Азии, художник, по словам ученого, вслед за европейскими ориенталистами демонстрировал такие черты Востока, как «деспотизм, жестокость, былую роскошь и порочность» (С. 88). Однако, проводя параллели между русской и британской экспансией и подчеркивая «варварство среднеазиатского населения», Верещагин, как показано в книге, не находил принципиального различия между Востоком и Западом (С. 92). С другой стороны, поддерживая цели русской власти в Средней Азии, художник осуждал методы, которыми они достигались (С. 93). В итоге в творчестве Верещагина, стиравшем грани инаковости, канадский ученый обнаружил и неприятие европоцентризма, наиболее ярко проявлявшегося в кипплинговской формуле – «Запад и Восток никогда не сойдутся», и идею их симбиоза, противоречащую саидовскому прочтению сущности ориентализма (С. 95).

К достоинствам работы, ставшим одним из результатов приверженности автора принципу историзма, следует отнести рассмотренные им изменения в русском отношении к Востоку, происходившие во второй половине XIX в.

Наряду с трансформацией международного положения автор отметил эволюцию духовной парадигмы – утверждение реализма, идущего на смену романтизму, распространение народнических идей, вызвавших появление новых аспектов в русском ориентализме. Так, по мнению историка, представления художника Верещагина «о миссии России в Средней Азии были колониальным эквивалентом идеи “хождения в народ” – мощном популистском движении лета 1873 и 1874 гг. среди образованных городских слоев – переехать в деревню для просвещения крестьянства» (С. 93). Можно поспорить с автором по поводу целей «хождения в народ», которые не были такими однозначными и сводились в основном к пропаганде и организации крестьянской революции. Но главная для его книги мысль – о влиянии настроений интеллигенции, ее идей на восприятие Востока, – заслуживает не только внимания, но и развития. Примечательно, что автор обнаружил воздействие популярных в интеллигентской среде народнических идей и на взгляды ученых, например, индолога С.Ф. Ольденбурга (См. С. 188).

Несколько глав своей работы Давид Схиммельпэннинк посвятил научному направлению российского ориентализма и, прежде всего, Казанской школе и ее основателю А. Казем-Беку (С. 96–123). Заслуживает внимания проведенный историком анализ взглядов О.М. Ковалевского, доказывавшего, что «...жители Азии по своему культурному потенциалу не уступают европейцам» (С. 117). Уважительное отношение «казанцев» к культуре и религии Востока, их научная и практическая деятельность, личные качества и усилия создали наследие, способное, согласно осторожному предположению автора, «напомнить жителям России, что они могут почерпнуть знания не только у европейцев, но и у жителей Азии» (С. 123).

Рассматривая историю Петербургской школы востоковедения, автор специально остановился на взглядах С.С. Уварова начала XIX в. – традиционно воспри-

нимаемого в отечественной историографии как символ реакции. Вдохновляемый идеей «Восточного ренессанса», он вынашивал планы создания Азиатской академии, призванной, в представлениях Уварова, «возвратить к жизни Европу, разоренную войной и революцией» (С. 156). В мудрости Индии, этой «колыбели человечества», он искал средства противодействия западной идеологии. Таким образом, канадский ученый обратил внимание еще на одну грань русского ориентализма – стремление ряда его представителей использовать традиции и ценности Востока как средства противостояния революционному духу времени, т. е. придать ему не только практическое и научное, но и идеологическое содержание.

Хотелось бы дополнить. Несколько космополитичный в эпоху наполеоновских войн ориенталистский взгляд Уварова в постдекабристский период истории России приобретет уже сугубо национальную окраску, обнаружив опору антиреволюционному движению не на Востоке, а в самой России, хранительницы «православия, самодержавия, народности».

Примечательны авторские суждения о творчестве арабиста польского происхождения О.И. Сенковского, объективно оценивавшего Восток и видевшего, например, в исламе черты, враждебные культуре и одновременно являвшегося «самой передовой религией Востока» (С. 165). Правда, автор ограничился только констатацией этого противоречия, вероятно, не сосредотачиваясь специально на выяснение его корней. Можно предположить, что в данном конкретном случае проявилась и вся противоречивость русского ориентализма, с одной стороны, испытывавшего симпатию к Востоку, обосновывавшего идею симбиоза России и Азии, а с другой, – доказывавшего необходимость выполнения империей цивилизаторской миссии и использующего западные стереотипы (жестокость, деспотизм, и пр. негативные характеристики Востока) для обоснования ее приобретений в Азии.

Привлекают своей глубиной и точностью авторские оценки заслуг одного из выдающихся профессоров восточного факультета Санкт-Петербургского университета В.П. Васильева. Констатируя научную основательность знаний китаиста, его внимание к языковой подготовке и источникам, историк подчеркнул оригинальность его взглядов, «развенчание различных западных стереотипов». По словам канадского исследователя, Васильев обратил, прежде всего, внимание на неоднородность Азии, доказывая, что «...различия между сухим эмпиризмом конфуцианства, здоровой верой буддизма и мечтательными ведическими легендами ничуть не менее значительны, чем между христианством, исламом и иудаизмом» (С. 178). Более того, он ставил под сомнение классическое противопоставление Востока Западу, доказывая не только относительность проводимых между ними границ, но и то, что пришло время, когда «...скоро исчезнет это разделение [между Востоком и Западом]» (С. 178).

Историк обратил внимание и на противоречия в оценках Васильева отношения России к Китаю. С одной стороны, он, как и некоторые соотечественники, полагал, что «...царский режим приносит пользу подчиняющимся ему восточным народам», противопоставлял внешнюю политику своей страны «алчному колониализму Британии и других западных держав». С другой же, – критиковал территориальные захваты России в Китае (См. С. 179). Вероятно, историку и здесь следовало бы не только констатировать противоречие во взглядах Васильева, но и попытаться выяснить его природу, вытекающую, скорее всего, как из особенностей русского

ориентализма с его стремлением к симбиозу Востока и Запада, так и, в конечном счете, из «всемирности» русского человека.

Давид Схиммельпэннинк подметил и такую характерную для русского интеллигента черту, как вера в то, «что его долг как профессионала вылечить Запад от высокомерного отношения к Востоку», убедить его в том, что лишь «поняв надлежащим образом Восток с его громадными культурными достижениями, человечество может надлежащим образом понять себя» (С. 190). Таким образом, Азия в построениях русских ориенталистов превращалась, и об этом не раз говорит историк, в средство самоидентификации и Запада, и самой России.

Кстати, в одном из интервью основное предназначение исследования российского отношения к Востоку Давид Схиммельпэннинк как раз и увидел в том, что оно «...помогает также понять российские представления о Западе и о самих себе»⁶.

Крайне любопытным, да и красноречивым, во многом выявляющим особенности авторской интерпретации темы рецензенту показалось проведенное в книге сравнение двух научных школ: русского ориентализма и американской советологии. Получая государственные средства на изучение стратегически важных регионов, «российские востоковеды», как пишет историк, «поступали подобно многим американским ученым, пользовавшимся щедростью Вашингтона в период холодной войны, но редко симпатизировавшим целям американских властей в отношении Москвы» (С. 195).

В последней девятой главе (С. 196–218) автор обратился к восприятию Востока представителями художественной интеллигенции России конца XIX – начала XX в. Весьма обстоятельно он рассмотрел творчество композитора А.П. Бородина, обнаружив в его опере «Князь Игорь» не только мелодический симбиоз России и Азии, но и «очарование экзотичной для России азиатской идентичностью» (С. 197). Особенно значимым для понимания восприятия частью русского общества Азии представляется вывод историка, согласно которому, для композитора в «Князе Игоре» «Россия не победила Восток, а соединилась с ним подобно тому, как христианский князь Владимир Игоревич соединился в браке с ханской дочерью, язычницей Кончаковной (С. 205). Из авторских суждений вытекает вывод, согласно которому в творческой концепции Бородина Россию создавали и русские, и половцы. Эта идея об общем культурном наследии, общем прошлом становится самым важным компонентом российского ориентализма, и, хотелось бы добавить, наполняет идею синтеза качественно новым содержанием, представляя православных и их восточных соседей равноправными субъектами отечественной истории.

Наряду с искренней симпатией в конце XIX в. со стороны части русского общества, как показывает автор, усилилась подозрительность в отношении к Востоку. Этот поворот вызывался как изменениями геополитической ситуации и, прежде всего поражением России в войне с Японией, так и эсхатологическими предчувствиями, охватившими некоторых русских декадентов, увидевших в Востоке «желтую угрозу» и «силу зла» (С. 210, 211). Однако у части символистов эпохи Серебряного века, например А. Блока, А. Белого, Восток не только воспринимался «своим», но и, ассоциируясь с предками-скифами, использовался как средство про-

⁶ Исследованием русского восточничества я обеспечил себя работой на всю жизнь // Русская idea. URL: <https://politconservatism.ru/prognosis/issledovaniem-russkogo-vostochnichestva-ya-obespechil-sebya-rabotoy-na-vsyu-zhizn> (дата обращения: 15.01.2021).

тивопоставления России Западу (С. 215–217). Кроме того, причины апокалипсиса они искали внутри страны, а восточного «другого», как заключает автор, считали «...просто частью экзотического “я” России» (С. 218).

В заключении автор обобщил свои выводы, подчеркнув формирование в общественном сознании России двух основных ракурсов видения Востока: негативистский, отождествляющий его с «допотопной тиранией, бесстыдной коррупцией и полной неподвижностью», т. е. со всем тем, что получило в русском языке понятие «азиатчина» (С. 221). Вероятно, следовало бы уточнить, что для передовых русских мыслителей, начиная с А.Н. Радищева, «асийство» сводилось не только к деспотическому государству, но и к отношению крепостнической по своей природе и европеизированной по форме элиты к своему народу, то есть несло социокультурное содержание и отражало глубину раскола русского общества»⁷.

Но было и другое видение, отталкивающееся от западного материализма и мещанства и находившее на Востоке «источник омолаживающей силы» (С. 223). В пореформенную эпоху сложилось представление о том, что будущее России заключается в ее продвижении на Восток, а идея симбиоза возобладала в самом русском ориентализме. Более того, она получила развитие в размышлениях российских мыслителей от славянофилов и К.Н. Леонтьева до евразийцев (С. 226–230).

Одна из главных, как кажется рецензенту, заслуг автора состоит в том, что он сумел выявить и всесторонне показать такую черту русского ориентализма, как эмпатию к Востоку, рассмотреть его отличия в отношении к «другому» от Запада, постоянно обосновывавшего свое превосходство над представителями западного, в том числе русского мира. Хотелось бы заметить, что неоднозначность русского ориентализма, его двуликость наложила отпечаток и на авторское видение, когда он, с одной стороны, пишет о европейской природе русского ориентализма, а с другой, – не раз подчеркивает его своеобразие, стремление выйти за рамки европоцентризма. Более того, представляется, что сочетание различных компонентов в отношении к Востоку при сохранении инвариантного ядра в итоге и породило новое качество – сам русский ориентализм, значительно отличающийся от европейских форм.

В работе при всех ее бесспорных достоинствах встречаются неудачные, а точнее, двусмысленные формулировки и досадные неточности. Так, автор утверждает, что «министр финансов Сергей Витте» был «главным архитектором тихоокеанской авантюры Николая II» (С. 175). Публицистический характер фразы, без какой-либо конкретизации и уточнения дает основание предположить, что именно Витте выступил инициатором войны России с Японией. Хотя историк признает в других своих выступлениях, что Витте был противником войны. Неточности перевода привели к тому, что Великий князь Константин Николаевич получил титул «герцога» (С. 133), а знаменитый роман Ф.М. Достоевского «Бесы» – название «Демоны» (С. 214).

В целом рецензируемая книга представляет собой добротное, объективное, основанное на разнообразных источниках и обширной историографии исследование, освещающее историю становления и эволюцию русского ориентализма. Автор

⁷ См.: Кантор В. Откуда и куда ехал путешественник?.. Петербург как первопричина «асийства» // Радищев Александр Николаевич. URL: <http://radishev.lit-info.ru/radishev/kritika/kantor-kudahal/peterburg-kak-pervoprincipina-asijsstva.htm> (дата обращения 15.01.2021).

сумел выявить и показать основные особенности восприятия Востока в русском сознании, определить основные этапы и направления развития востоковедения. Читателя могут привлечь свободный от наукообразия и излишней академичности стиль изложения, увлеченность и высокий уровень профессионализма исследователя, что, как представляется, отразилось и в целом на добротном качестве перевода.

Книга канадского историка дает возможность не только представить взгляд со стороны, но с его помощью под новым ракурсом, более объемно реконструировать восприятие Россией и Востока, и Запада, и самой себя.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.02.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.03.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.10.2021

Информация об авторе / Information about the author

Р.А. Арсланов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, arslanov-ra@rudn.ru

R.A. Arslanov, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Russian History, RUDN University, 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia, arslanov-ra@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-609-612>

Рецензия / Book review

REVIEW OF
Moscow's Evolution as a Political Space: From Yuri Dolgorukiy to Sergei Sobyenin, by Marina Glaser, and Ivan Krivushin.
Cham: Palgrave Macmillan, 2021. 158 p.

Marina L. Ivleva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

✉ ivleva-ml@rudn.ru

Acknowledgements and Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project №21-511-07002 МОН РФОО_а “Ethnosocial identity at the intersection of cultures in the changing social reality in the post-Soviet space.”

For citation: Ivleva, Marina L. “Review of *Moscow's Evolution as a Political Space: From Yuri Dolgorukiy to Sergei Sobyenin*, by Marina Glaser, and Ivan Krivushin. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. 158 p.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (November 2021): 609–612. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-609-612>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Glaser M., Krivushin I. Moscow's Evolution as a Political Space: From Yuri Dolgorukiy to Sergei Sobyenin.
Cham: Palgrave Macmillan, 2021. 158 p.

Марина Левенбертовна Ивлева

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ ivleva-ml@rudn.ru

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках исследовательского проекта № 21-511-07002 МОН РФОО_а «Этносоциальная идентичность на стыке культур в меняющейся социальной реальности на постсоветском пространстве».

Для цитирования: *Ивлева М.Л.* Рецензия на книгу: *Glaser M., Krivushin I. Moscow's Evolution as a Political Space: From Yuri Dolgorukiy to Sergei Sobyenin.* Cham: Palgrave Macmillan, 2021. 158 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 609–612. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-609-612>

Moscow's role in the development of Russia is one of the most intriguing aspects of the country's history. In their new book, Marina Glaser (née Kukartseva) and Ivan Krivushin, professors of the Faculty of World Economics and World Politics at the Higher School of Economics, set out to contribute to our understanding of the question by studying the relations between Russia and its capital from the beginning of the Middle Ages to the post-Soviet present. Taking the Schmitt concept of the political as the starting point of their analysis, the authors consider the metropolitan space to be a political phenomenon.

© Ivleva M.L., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

In her guest introduction, the well-known Italian expert on Russia Mara Morini provides an opinionated survey of the historiography. As for their chapters, Glaser and Krivushin begin by describing their approach. They explain that political Moscow – a place where political activity has been unfolding for centuries – has long been described by the phrase “antagonism – agonism – Platonism.” This triad expresses one of the main challenges to the Russian state throughout its history: the iron grip of paternalism, which strongly inhibits its development. At the same time, the formula refers to the fact that the public space of Moscow as Russia’s capital has often become an arena for the struggle against the ambitions of both the state and the city’s administration.

The second chapter surveys the political evolution of Moscow into a great metropolis both when it was Russia’s capital and when St. Petersburg assumed that role. A kind of prolegomenon to the study of the topic, it introduces us to the city’s life by considering Moscow’s historical and ideological transformation into a space for politics. The chapter’s objective is to demonstrate how social and historical factors have affected traditions.

In looking at the causes of Moscow’s rise and its transformation into Russia’s capital, the authors analyze the earliest stages in formation of the political city as “Platonism” at the beginning. During the subsequent period, under Tsar Ivan the Terrible, Moscow was reshaped *politically*, becoming an antagonism, i.e. a binary opposition of the state vs. the ruler as a person, and then *physically*, as the oprichnina appropriated part of its space, the Alexandrov Kremlin, to serve as a quasi-capital not too far away from the real one. By now, politics was no longer a group activity and Russia soon succumbed to the Time of Troubles (*Smuta*). The result of accumulated internal contradictions, beginning in 1598, for 15 years the country suffered the worst socio-economic and political crisis of its medieval era. Consequently, the capital reestablished itself as a space of antagonism.

Moscow regained a semblance of stability under the first Romanov tsars. During the reign of Mikhail I (1613–1645), as a political space Moscow was transformed into agonism by virtue of the resurrection of the *zemskii sobor*, an estate-based parliament that Ivan the Terrible had first summoned in 1549, but suppressed later on in his reign. Under Tsar Alexei Mikhailovich (r. 1645–1676) agonism yielded its place to another form of the political – Platonism: a patriarchal family of Russian cities, in need of a firm paternal hand and wise guardianship.

Glaser and Krivushin conclude that during the Muscovite era the city acquired the characteristics that enabled it to become Russia’s political capital and maintain that status through the centuries. The chain of antagonism – agonism – Platonism of the Muscovite epoch inculcated the same ideology and patterns of political behavior in the elite, the people, and their leader; Moscow became a city-state, a spiritual center and a multiple mediator among internal interest groups and between the state and the external world. In short it became a homeland.

The capital concluded something of a social contract with the country’s regional cities that determined the nature and patterns of their interaction, as well as between the state and the people over a long period of time. The basis of this contract was paternalism – the dominance of the state over society, where the state, primarily the Kremlin, looks after the population. The latter, in turn, takes a passive and favorable attitude to the authorities thereby frustrating modernization and pushing the country into a dead-end of depoliticization.

The chapter’s second part considers Moscow as political during the 18th and 19th centuries, when St. Petersburg was the empire’s capital. In effect, Russia now had two capitals: Moscow vs. St. Petersburg, pitting the natural (Moscow was the original capital) against the artificial, center vs frontier, internal vs external, traditional vs non-traditional, Russian vs Western, “widowed” vs “married.” Glaser and Krivushin showed how in the “Moscow – Russia space,” both on a national scale and in an individual person, the components of a single, integrated political culture were combined, with its unequal functions and different directions in diverse social strata.

The binary opposition of the two capital cities reflects the opposition of two Russias: the old (the Oriental, the keeper of Byzantine-Muscovite tradition) and the new (the Western, opening Russia up to modern European civilization). Political Moscow continued to be defined by Platonism; Moscow embodied the “Russian idea” as a discourse of homogeneity, national identity, spiritual sovereignty, “Russian truth,” and the cultural and value codes shared by much of the population.

The chapter’s third part examines political Moscow before the very end of the Petersburg era, during the first 17 years of the 20th century, and focuses on the revolutionary events – the Moscow Revolt of 1905, as well as the February and October Revolutions in 1917. Moscow’s history during those upheavals reveals that the political of the “old” capital, which turned out to be the epicenter of the country’s revolutionary movement, was implemented as antagonism, and as such, it entered a new era of Russian history – the Soviet era.

Chapter 3 describes how in the 1920s, political Moscow flourished as antagonism, which became increasingly harsh due to both a hostile external environment and the damage inflicted on the young Soviet Union revolution and civil war. The antagonism was supplemented by the aesthetic. New criteria appeared for the appearance of the capital, which now served revolutionary romanticism instead of real human needs. In order to fulfill the functions of a political capital, Bolshevik Moscow had to implement the sovietization of the people’s mentality, to form a “revolutionary cultural code” and set political standards for the whole country.

During the 1930s, the aesthetic was temporarily eliminated from political Moscow, and the capital became a space of antagonism during “Stalin’s Revolution.” Indeed, Soviet history as a whole exhibited antagonism during this period, as it underwent the terror of the 1930s and political repression in the 1940s. Moscow served to legitimize the USSR’s status as a great power and, at the same time, transmitted the state’s rigid centralization to the periphery.

The 1950s marked the start of de-Stalinization during the Khrushchev “Thaw,” followed by the period of “spiritual maturation of society” in the 1960s. By now, other major Soviet cities began to rival Moscow as a result of the public’s growing demand for changes. Society became increasingly politicized, and whether this would prove to be constructive or destructive to a large extent depended on the center. The authors accordingly examine the causes for the provincial population’s hostility to the capital as well as the gradual disenchantment of regional elites.

A look at everyday life in Moscow during the era of “stagnation” of the 1970–1980s sheds light on the reasons for its transformation into a center of the Soviet Union’s mild re-Stalinization and the rapid degradation of political Moscow. The authors also explain how, during the USSR’s waning years, the capital became the center of protest activity.

Chapter 4 examines political Moscow under Mayor Yuri Luzhkov, whose administration lasted from 1992 to 2010. During these 18 years, the capital emerged as a source of nationalism and great power discourse while evolving into a global city. Under the mayor’s aegis, the political Moscow turned into a business project. The authors go on to identify two stages in Moscow’s political evolution from the late 1980s to 2010: from the pro-government, so-called liberal bastion under President Boris Yeltsin, to the citadel of opposition to the Kremlin during the nineties and, then, during the next decade, as Vladimir Putin consolidated his authority, its return to loyalty to the central government.

The most important factor in the evolution of Moscow as the richest and one of the most “educated” cities in Russia was the changing political outlook of its rich and highly educated citizens. During the early post-Soviet period they had provided the main base of support for the liberal parties and reformist government, but, growing increasingly disillusioned with the latter, these constituencies shifted to the political center. Thus, if in the 1990s they increasingly opposed the regime, the new century’s first decade saw a return to loyalty to the Kremlin, especially among wealthier Muscovites.

Sergei Sobianin replaced Yuri Luzhkov as Moscow’s mayor in 2010, and Chapter 5 discusses the first eight years of his administration. It explains how political Moscow turned

into the aesthetic, visually marking the qualitative differences between the Luzhkov and Sobianin epochs. Sobianin's introduction of the aesthetic into the political space of the capital, with special attention to infrastructure projects, was dictated by, among other, the new mayor's worries that he lacked sufficient legitimacy, both in the eyes of the population and the "old Moscow" Luzhkov elite. Under Sobianin, Moscow turned into a "city where you have somewhere to go." The capital's architecture reflects the politics of the day, and its clashing styles betray the radical political changes it has undergone over the years.

Glaser and Krivushin argue that three cycles can be discerned in Moscow's political history from the late 1980s to 2018. The first, from 1989 to 1999 saw its transformation from a pro-Kremlin liberal bastion to a citadel of centrism which opposed the "liberal" Yeltsin government. The second was during the following decade: from anti-Yeltsin centrism to loyalty to Putin's regime. And the third, which began in 2011 and ended in 2018: from a political space loyal to the Kremlin to an opposition liberal center. The authors also believe that liberalism and opposition to the federal government were the characteristics of Moscow as a political community that opposed it to the rest of Russia; when they weakened, the center moved closer politically to the periphery, and when they intensified, the reverse was true.

The book's conclusion summarizes the authors' findings, and emphasizes their novelty: by applying C. Schmitt's methodology to political Moscow, they make a valuable contribution to the literature. Among the study's important elements are the ideas of statehood, military power, power and wealth on the one hand and those of citizenship, simplicity and service to the Motherland on the other. By focusing not only on Moscow's political history but also on cultural geography and Russian ideals of metropolitan urban culture, Glaser and Krivushin demonstrated that the ties that bind Russia to its capital are both strong and ambiguous.

Both in the breadth of the questions they addressed and the quality of their analysis, Glaser and Krivushin's new book reflects a high standard of scholarship. At the same time, it opens up further research in a number of very different directions, including political philosophy, political psychology, conflict management, diplomacy, and world politics. And this, in turn, promises significantly to expand our understanding of people's political behavior as well as establishing political trust in the context of political and social communication in the megalopolises.

This long-awaited work of two well-known Russian academics will be important both among scholars in Russia and abroad. At the same time, there is every reason to believe that it will also arouse great interest among the general public, including foreigners, as they become acquainted with the real Russia. Altogether, this will give the foreign and, above all, Western audiences a new impetus to gaining a serious and balanced understanding of the history and the current politics in Russia.

Поступила в редакцию / Submitted: 08.04.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 20.05.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.10.2021

Информация об авторе / Information about the author

М.Л. Ивлева, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор, ведущий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, ivleva-ml@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2901-7503>

M.L. Ivleva, Dr. Habil. Philosophy, Ph.D. in Psychology, Professor, Head of the Department of Social Philosophy, RUDN University, 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia, ivleva-ml@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2901-7503>